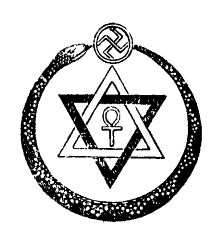


Вѣстникъ Теософіи

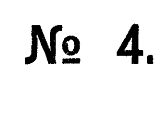
РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

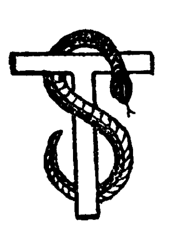
(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 апрѣля.



№ 4.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

Спб. Городская Типографiя, Садовая, 55. уголъ Вознесенскаго.

Отъ Редакціи „Вѣстника Теософіи“.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ полный переводъ книги Эдуарда Шюре „Великіе Посвященные“ (очеркъ эзотеризма религій).

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ**.

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909 годъ имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой **5** рублей.

Редакція.

СОДЕРЖАНІЕ

апрѣльской книжки „Вѣстника Теософіи“.

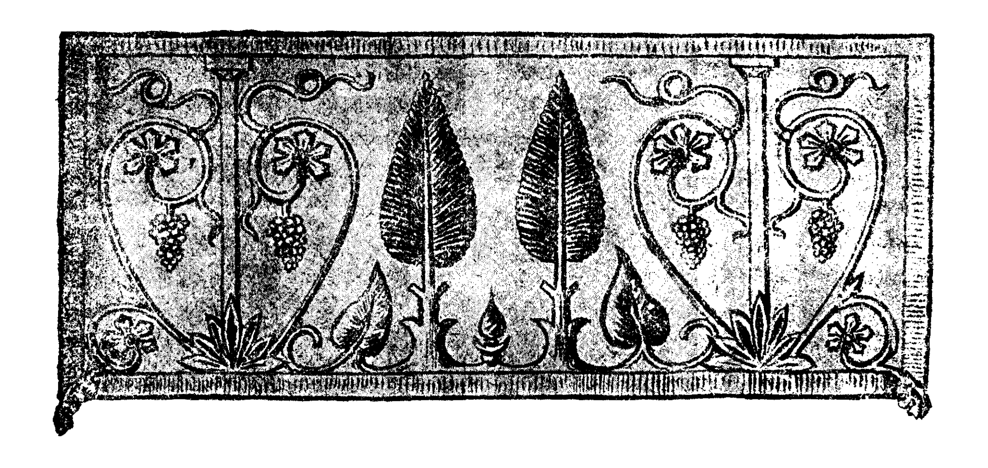
СТРАН.

Опечатки въ мартовскомъ номерѣ:

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
На стр. 77 Колизей	Парѳенть
„ „ 77 Юное	Южное
„ „ 42 осѣняющій природу, Мною созданную.	ст. 6: осѣняющій природу которая принадлежитъ Мнѣ.

SOMMAIRE.

[1]) Salut de Pâques en Russie.
[2]) Prière durant la messe grecque orthodoxe.
[3]) Ecrivain moderne célèbre en Russie.



Христосъ Воскресе!

День этотъ есть тотъ святой день, въ который празднуетъ святое, небесное свое братство все человѣчество до единаго, не исключая изъ него ни одного человѣка.

Гоголь.

(Свѣтлое Воскресеніе).

Многими писателями земли русской замѣчена особая любовь русскаго человѣка къ празднику Свѣтлаго Воскресенія, празднику Духовнаго Возрожденія и Единенія всѣхъ.

Въ статьѣ „Свѣтлое Воскресеніе“ Гоголь говоритъ о тѣхъ препятствіяхъ, которыя мѣшаютъ современному человѣку воспраздновать Свѣтлый Праздникъ такъ, какъ бы слѣдовало. Это препятствіе—гордость.

Современный человѣкъ влюбился въ себя, въ свою красоту, возгордился и вознесся надъ своимъ братомъ, говоритъ Гоголь, но еще сильнѣе другой видъ гордости—гордость ума. По мѣткому замѣчанію писателя, можно говорить о дурныхъ свойствахъ души человѣка, но нельзя безъ смертельной обиды говорить о недостаткахъ ума его. Гоголь даетъ такую характеристику современному человѣку: „Ничему и ни во что онъ не вѣритъ, только вѣритъ въ одинъ умъ свой. Чего не видитъ его умъ, того для него нѣтъ. Онъ даже позабылъ, что *умъ идетъ впередъ, когда идутъ впередъ всѣ нравственныя силы человѣка, и стоитъ безъ движенія и даже идетъ назадъ, когда не возвышаются нрав-*

ственныя силы... Во всемъ онъ усомнился: въ сердцѣ человѣка, котораго нѣсколько лѣтъ зналъ, въ правдѣ, въ Богѣ усомнился, но не усомнился въ своемъ умѣ... Уже страсти ума начались: уже враждуютъ лично изъ-за несходства мнѣній, изъ-за противорѣчій въ мірѣ мысленномъ"... Тоска сжимаетъ сердце писателя и изъ груди его вырывается стонъ: „Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!"

Нарисовавъ грустную картину того, какъ въ дѣйствительности празднуется Пасха у насъ среди всеобщей суеты, пустыхъ визитовъ, умышленныхъ незаставаній другъ друга, или встрѣчъ, основанныхъ на корыстныхъ разсчетахъ, выпивкѣ и т. п., писатель спрашиваетъ: „Къ чему при такомъ ходѣ вещей сохранять еще наружные святые обычаи Церкви, Небесный Хозяинъ которой не имѣетъ надъ нами власти? Или это еще новая насмѣшка духа тьмы? Но зачѣмъ этотъ утратившій значеніе праздникъ?" Онъ отвѣчаетъ: „Затѣмъ, чтобы хотя нѣкоторымъ, еще слышащимъ весеннее дыханіе этого праздника, сдѣлалось вдругъ такъ грустно, такъ грустно, какъ грустно ангелу на небѣ"...

И тѣмъ не менѣе, Гоголь продолжаетъ мечтать, что въ Россіи, гдѣ всѣ такъ любятъ Свѣтлое Воскресеніе, Праздникъ Примиренія воспразднуется впервые во всей своей торжественной красотѣ. Не потому, что мы лучше другихъ (мы можетъ быть хуже всѣхъ прочихъ), а потому, что мы „еще нерастопленный металлъ", мы не приняли еще опредѣленной формы, не кристаллизовались; всѣ горизонты намъ открыты и есть у насъ „отвага никому несродная"—та, что однимъ порывомъ Любви сжигаетъ всѣ оковы и всѣ преграды...

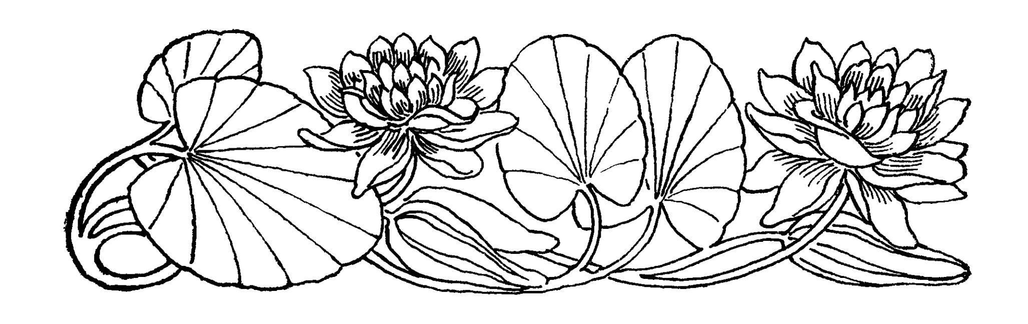
Такъ мечтаетъ великій писатель земли русской, но Теософія учитъ, что ничто не дается однимъ порывомъ сердца или воли, хотя бы и самымъ высокимъ: все должно быть преодолѣно и завоевано. Глубокая внутренняя работа, суровая нравственная самодисциплина нужны для того, чтобы привести въ гармонію богатыя, но неокрѣпшія и метущіяся силы славянской души. Стихія должна покориться духу, и чистое пламя духа внесетъ порядокъ и гармонію въ бушевавшую стихію. Озаренный молніями хаосъ превратится въ стройный космосъ, исполненный мощи и красоты. Тогда, но только тогда, прозвучитъ его вѣщее слово и Свѣтлое Воскресенье озаритъ изстрадавшееся человѣчество. Великому Празднику долженъ предшествовать суровый трудъ: „Царствіе Божіе силою нудится".

Есть у славянъ великая сила: это неутолимая жажда духовная. Черезъ мракъ и бурю скорбныхъ историческихъ переживаній, черезъ восторгъ вѣры и сомнѣнія бездорожья всегда неугасимымъ свѣтомъ продолжала горѣть эта жажда Вѣчнаго, и наше религіозное сознаніе все углублялось, все расло вглубь и ввысь. Въ этомъ отъ вѣка пробужденномъ религіозномъ сознаніи имѣютъ реальные корни лучшія чаянія нашихъ поэтовъ и наши лучшія мечты. Во имя строительства формы мы временно отошли отъ задачъ духа, но жизнь съ потрясающей силой указываетъ намъ, что нельзя безнаказанно забывать объ ея источникахъ. Трагедія современныхъ переживаній вся рождена болѣзнями духа. Жизнь требуетъ исцѣленія и подъема; она требуетъ озаренія Высшей Правдой, чтобы очеловѣчиться. И надо спѣшить ей на помощь; но надо начинать исцѣленіе жизни съ корней, т. е. съ духа, а не съ вѣтокъ и листвы, которыя питаются корнями и безъ нихъ не могутъ жить. *Въ религіозномъ сознаніи таятся корни жизни*, въ немъ начало и конецъ всякаго бытія.

Уже въ обществѣ и литературѣ начинаютъ раздаваться голоса, напоминающіе намъ о необходимости вести духовную жизнь. Мы, очевидно, повернули отъ увлеченія матеріализмомъ къ болѣе глубокому настроенію, и въ обществѣ идетъ незримая, но глубокая работа исканія себя, исканія Бога. И чуется, что „весна идетъ", что близко ея нѣжное дуновеніе, что скоро всѣ голоса чуткихъ мыслителей сольются въ одинъ могучій призывъ къ духовному обновленію, и со всѣхъ сторонъ потекутъ ручьи живой воды и всюду начнется творчество новой жизни. Трава взойдетъ, деревья и цвѣты расцвѣтутъ, птицы запоютъ, землю окутаетъ сіяніе восходящаго Солнца, раскроются безконечныя чудныя дали, и всѣ колокола возвѣстятъ зарю Свѣтлаго Воскресенія, и надъ родной землей пронесется радостное и всесильное слово жизни:

„Христосъ Воскресе!"

Alba.



Мистики.

Д-ра Р. Штейнера.

*(Продолженіе) *).*

Друзья Божіи.

Въ Іоаннѣ Таулерѣ (1300—1361), Гейнрихѣ Сузо (1295—1365) и Іоаннѣ Рюисбрӧкѣ (1293 — 1381) мы имѣемъ людей съ такимъ складомъ души, для котораго духовный путь Мейстера Экхарта является наиболѣе подходящимъ путемъ. И если Экхарту, въ блаженномъ переживаніи духовнаго возрожденія, удается свойство и суть познаванія передавать такъ, какъ если бы онъ рисовалъ передъ нами картину, названныхъ трехъ мистиковъ можно сравнить съ путниками, которымъ тоже духовное возрожденіе указало на дорогу, по которой они и рѣшились итти, хотя конецъ этой дороги и отодвинулся для нихъ въ безконечную даль. Экхартъ описываетъ преимущественно великолѣпіе своей картины, они же — затрудненія новаго пути. Прежде всего слѣдуетъ уяснить, какъ сложилось отношеніе человѣка къ своему высшему сознанію, если мы захотимъ понять, какъ и въ какой мѣрѣ различаются такія личности, какъ Экхартъ и Таулеръ.

Человѣкъ связанъ органически съ міромъ явленій и съ естественными законами, господствующими надъ этимъ міромъ. Человѣкъ самъ является результатомъ этого міра. Онъ живетъ, пока силы и матерьялы этого міра дѣйствуютъ въ немъ; онъ и воспринимаетъ этотъ внѣшній міръ и судитъ о немъ по законамъ, которые лежатъ въ основѣ построенія и его самого и міра явленій.

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1910 г., № 3, стр. 14.

Когда онъ устремляетъ свои глаза на какой-либо предметъ, не только предметъ этотъ является передъ нимъ какъ сумма взаимодѣйствующихъ силъ, подлежащихъ законамъ природы, но и сами глаза его построены по тѣмъ же самымъ законамъ и тѣми же самыми силами, и далѣе самый процессъ зрѣнія происходитъ по тѣмъ же законамъ и благодаря тѣмъ же силамъ. И какъ бы далеко ни проникали мы въ область природы, передъ нами даже въ самыхъ высочайшихъ областяхъ мыслетворчества продолжалась бы та же игра различныхъ силъ природы по линіямъ естественныхъ законовъ.

Но уже однимъ тѣмъ, что мы сознаемъ это, мы, несомнѣнно, поднимаемся *надъ* этой игрой. Развѣ мы не поднимаемся *надъ* естественными законами, когда *обозрѣваемъ*, какимъ образомъ мы сами внѣдряемся въ природу? Мы *видимъ* нашими глазами по законамъ природы. Но мы также *познаемъ* и законы, по которымъ видимъ. Мы можемъ подняться на еще болѣе высокій наблюдательный постъ и обозрѣть одновременно и внѣшній міръ, и насъ самихъ, въ ихъ обоюдномъ взаимодѣйствіи. И не проявляется ли въ это время въ насъ такая сущность, которая превышаетъ дѣйствующую по естественнымъ законамъ, проникнутую силами природы, чувственно-органическую личность? И не падаетъ ли при этомъ та стѣна, которая раздѣляетъ внутренній міръ отъ внѣшней вселенной? То, что при этомъ разсуждаетъ, что добивается выясненія, не есть уже наша единичная личность; скорѣе это—всеобщая Міровая Сущность, опрокинувшая границы между внѣшними и внутренними мірами и объединившая оба въ своемъ обхватѣ. И хотя, опрокинувъ эту границу, я остаюсь той же единичной личностью внѣшняго порядка, вѣрно и то, что по *существу* я уже перестаю быть этой единичной личностью. Въ меня вселяется ощущеніе, что въ моей душѣ говоритъ Вселенская Сущность, которая заключаетъ въ Себѣ и меня, и весь міръ.

Такія ощущенія жили въ Іоаннѣ Таулерѣ, когда онъ говорилъ: „человѣкъ таковъ, какъ если бы онъ былъ тремя человѣками: животнымъ человѣкомъ, каковой онъ по своей чувственной природѣ, затѣмъ разумнымъ человѣкомъ и, наконецъ, высшимъ божественнымъ человѣкомъ... Первый есть внѣшній, животный, чувственный человѣкъ, другой—внутренній, разумный человѣкъ, одаренный разумными силами, и третій—душевность, высочайшая часть его души“ *). Насколько этотъ третій человѣкъ возвы-

*) Preger. Geschichte der deutschen Mystik. 3 Band S. 161.

шается надъ первымъ и вторымъ, что выражено Экхартомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Око, которымъ я вижу Бога, есть то же око, которымъ Богъ видитъ меня. Мое и Божіе око есть единое зрѣніе, и единое познаваніе, и единое ощущеніе". Но во внутреннемъ мірѣ Таулера рядомъ съ этимъ живетъ еще и другое ощущеніе. Онъ пробиваетъ себѣ путь къ истинному созерцанію духовнаго и не путаетъ постоянно, — какъ это дѣлаютъ ложные матерьялисты и ложные идеалисты, чувственно-естественное съ духовнымъ. Если бы Таулеръ, со своимъ умственнымъ складомъ, былъ естествоиспытателемъ, онъ настаивалъ бы на томъ, чтобы все природное, *всего* перваго и второго человѣка объяснять не иначе, какъ сообразно съ законами природы. И онъ никогда не переносилъ бы въ предѣлы природы „чисто" духовныя силы. Онъ никогда не говорилъ бы о „цѣлесообразности" въ природѣ, построенной по человѣческому образцу. Онъ зналъ, что въ предѣлахъ, въ которыхъ мы можемъ воспринимать органами чувствъ, не можетъ быть и рѣчи о творческихъ мысляхъ. Въ немъ жило крѣпкое убѣжденіе, что человѣкъ представляетъ собою лишь естественное существо. Но такъ какъ онъ былъ не естествоиспытателемъ, а учителемъ нравственной жизни, то онъ ясно ощущалъ противоположность, которая раскрывается между этой естественной сущностью человѣка и тѣмъ богосозерцаніемъ, которое хотя и возникаетъ естественнымъ путемъ, но все же остается чистой духовностью. Какъ разъ въ этомъ противоположеніи выяснялся для него смыслъ жизни. Какъ обособленное существо, какъ произведеніе природы, познаетъ себя человѣкъ. И никакая наука не можетъ раскрыть для него ничего иного, кромѣ его принадлежности къ природѣ. Какъ таковой, онъ не можетъ переступить черезъ естественное существованіе. Онъ долженъ оставаться въ немъ. И, тѣмъ не менѣе, его внутренняя жизнь выводитъ его изъ предѣловъ этого существованія. Онъ долженъ имѣть довѣріе къ тому, что недоступно никакой наукѣ, изучающей внѣшнюю природу. И если онъ видимую природу называетъ бытіемъ, то онъ долженъ подняться до убѣжденія, что высшимъ является небытіе. Таулеръ не ищетъ Бога въ смыслѣ силы природы; онъ не ищетъ Бога, который сотворилъ міръ въ смыслѣ человѣческаго творчества. Въ немъ живетъ сознаніе, что даже идея творенія міра, какъ ее понимаютъ отцы церкви, есть ни что иное, какъ идеализированная человѣческая дѣятельность. Для него ясно, что Бога нельзя найти такъ, какъ наука находитъ закономѣрную дѣятельность природы. Поэтому Таулеръ сознаетъ, что мы не должны

мыслить Бога такъ, какъ мы мыслимъ природу. Онъ знаетъ, что созерцающій Бога въ *его* смыслѣ не создаетъ процесса мысли, какъ тотъ, который занятъ созерцаніемъ природы. Поэтому Таулеръ не хочетъ мыслить Бога, онъ хочетъ божественно мыслить. Не *обогощать* познаніе природы должно познаваніе Бога, а *преобразовывать* это познаніе. Познающій Бога и познающій природу познаютъ оба, но они познаютъ иначе. Ни единой іоты не можетъ познающій Бога прибавить къ своему познанію природы, но оно все освѣтится для него новымъ свѣтомъ.

Основное настроеніе, овладѣвающее душою человѣка, который смотритъ на міръ съ подобной точки зрѣнія, будетъ зависѣть отъ того, какъ онъ отнесется къ тому переживанію души, которое слѣдуетъ за духовнымъ возрожденіемъ. Въ этомъ переживаніи человѣкъ остается тѣмъ же природнымъ существомъ, поскольку онъ связываетъ себя съ общей игрой остальной природы, и въ то же время онъ вполнѣ духовное существо, если имѣть въ виду то состояніе, въ которое его приводитъ Богопознаніе. Поэтому можно съ одинаковымъ правомъ сказать: глубочайшая основа души остается *еще* естественной, хотя она и стала *уже* божественной. Таулеръ, по своимъ личнымъ особенностямъ, подчеркивалъ первое. „Какъ бы глубоко мы ни проникали въ свою душу, мы все же остаемся обособленными существами", говоритъ онъ себѣ. И все же въ глубинѣ души обособленнаго человѣка загорается и начинаетъ свѣтить Всемірная Сущность. У Таулера господствовало такое чувство: ты не можешь отдѣлаться отъ обособленности, ты не можешь очиститься отъ нея, поэтому Всемірная Сущность не можетъ проявиться въ тебѣ во всей своей чистотѣ, она можетъ лишь освѣтить глубину твоей души. И получится такимъ путемъ лишь отраженіе, лишь образъ Всемірной Сущности. Ты можешь свою обособленную личность преобразить въ такой степени, чтобы въ ней отразилась Всемірная Сущность; но эта Всемірная Сущность не свѣтитъ сама по себѣ внутри тебя. Изъ этихъ представленій Таулеръ пришелъ къ мысли о Богѣ, который не растворяется вполнѣ въ человѣческомъ мірѣ, никогда не наполняетъ собою этотъ міръ. Онъ даже выражаетъ желаніе, чтобы его не смѣшивали съ тѣми, которые вѣрятъ, что внутри человѣка живетъ Богъ. Онъ говоритъ, что соединеніе съ Богомъ „неразумные люди понимаютъ плотски и говорятъ, что они должны преобразиться въ божественную природу, но это невѣрно и есть великая ересь, ибо даже при величайшемъ и глубочайшемъ соединеніи съ Богомъ Божественная Природа и Божественная Сущ-

ность остаются все же на высотѣ, на высочайшей изъ всѣхъ высотъ, и получается божественная бездна, недоступная никакой твари". Таулеръ желаетъ слыть, въ духѣ своего времени и въ духѣ пастырскаго призванія, за вѣрующаго католика, онъ не желаетъ противопоставлять христіанству иное міровоззрѣніе, онъ желаетъ лишь углубить и одухотворить его. О содержаніи Св. Писанія онъ говоритъ какъ набожный священникъ, и все же Св. Писаніе становится для него средствомъ, чтобы выразить глубочайшія переживанія его души. Богъ совершаетъ всѣ свои дѣла въ душѣ и даетъ ихъ душѣ, и отецъ рождаетъ своего Единороднаго Сына въ душѣ столь же истинно, какъ Онъ его рождаетъ въ вѣчности, ни болѣе и ни менѣе. Что рождается, когда говорятъ: Богъ рождается въ душѣ? Есть ли это подобіе Божіе, или образъ Божій, или вообще нѣчто Божіе? Нѣтъ, это не образъ и не подобіе Божіе, но тотъ самый Сынъ, котораго Отецъ рождаетъ въ вѣчности, и ничто иное, какъ то божественное Слово, которое есть второе Лицо Св. Троицы,—вотъ кого рождаетъ Отецъ въ душѣ... И отсюда душа обладаетъ большимъ и особымъ достоинствомъ *).

Разсказы Св. Писанія являются для Таулера одеждой, въ которую онъ облекаетъ переживанія внутренней жизни. „Иродъ, гонящій и желающій убить Дитя, является первообразомъ міра, который стремится убить это дитя въ вѣрующемъ человѣкѣ; вотъ почему нужно бѣжать изъ міра, если мы хотимъ сохранить живымъ это дитя, которое есть просвѣтленная вѣрующая душа каждаго человѣка".

Вслѣдствіе этого для Таулера имѣетъ менѣе значенія то, что произойдетъ, когда высшій человѣкъ проникнетъ въ природнаго человѣка, чѣмъ разысканіе тѣхъ путей, по которымъ низшія силы личности должны итти, чтобы подняться въ высшую жизнь. И это оттого, что его вниманіе устремлено на естественнаго человѣка. Какъ блюститель нравственной жизни, онъ хочетъ показать человѣку путь къ Богу. Онъ безусловно вѣритъ, что Богъ засіяетъ въ человѣкѣ, когда послѣдній устроитъ свою жизнь такъ, чтобы въ ней осталось мѣсто для божественнаго. Но никогда Онъ не можетъ засіять, если человѣкъ замкнется въ своей естественной обособленной личности. Этотъ обособленный въ себѣ человѣкъ есть лишь членъ міра, отдѣльная тварь, на языкѣ Таулера. Чѣмъ больше человѣкъ замыкается въ это свое обособленное бытіе, тѣмъ менѣе можетъ Богъ проникнуть въ него. Если человѣкъ

*) *Preger. Geshichte der deutschen Mystik, 3 Band, S. 219 f.*

долженъ воистину стать единымъ съ Богомъ, тогда всѣ его силы, даже внутреннія, должны замолчать и умереть. Воля должна совлечь съ себя всякую волю, даже и все хорошее, и сдѣлаться безвольною". „Человѣкъ долженъ удалиться всѣхъ своихъ чувствованій и устрашится всѣхъ своихъ силъ и дойти до забвенія всѣхъ вещей и самого себя". „Ибо истинное и вѣчное слово Божіе произносится лишь въ пустынѣ, когда человѣкъ изойдетъ изъ всѣхъ вещей и изъ самого себя и станетъ опустошеннымъ и одинокимъ".

Когда Таулеръ поднимался на доступную ему высоту, тогда въ самомъ средоточіи его міросозерцанія возникалъ вопросъ: какимъ образомъ можетъ человѣкъ преодолѣть и уничтожить свое обособленное бытіе, чтобы существовать въ духѣ всеобщаго мірового единства? Кто находится въ такомъ положеніи, у того чувства къ Вселенской Сущности сливаются въ одно: благоговѣніе передъ этой Вселенской Сущностью, какъ передъ тѣмъ, что неизсякаемо и безконечно. Онъ скажетъ себѣ: какой бы ты ступени ни достигъ, передъ тобой останутся все же высшія ступени и высшія возможности, и какъ бы ни было для него опредѣленно и ясно направленіе, въ которомъ онъ рѣшилъ итти, не менѣе ясно для него будетъ и то, что онъ не можетъ говорить объ единой цѣли. Новая цѣль лишь начало новаго пути. Благодаря такой новой цѣли, человѣкъ достигаетъ опредѣленной *ступени развитія*, само же развитіе двигается въ Неизмѣримое. И то, чего душа достигнетъ на слѣдующей ступени, на настоящей ступени еще не раскрыто для нея. *Познанія* конечной цѣли не существуетъ, существуетъ лишь *довѣріе* къ пути, къ развитію. Для всего, чего человѣкъ *уже* достигъ, существуетъ познаваніе. Оно состоитъ въ проникновеніи силами нашего разума уже существующаго предмета. Но для высшей жизни внутренняго человѣка такого познаванія не можетъ быть. Здѣсь силы нашего духа должны прежде всего перевести въ существованіе самый предметъ познаванія; они должны *создать* для него бытіе, подобное естественному бытію. Естественная наука изслѣдуетъ развитіе существъ отъ простѣйшихъ до наиболѣе совершенныхъ, до самого человѣка. *Это* развитіе лежитъ передъ нами вполнѣ завершенное. Мы познаемъ его тѣмъ, что проникаемъ въ него нашими духовными силами. Но когда развитіе достигаетъ до человѣческой ступени, тогда передъ человѣкомъ стоитъ одно: продолженіе этого развитія. И онъ самъ совершаетъ дальнѣйшее развитіе. Онъ долженъ отнынѣ *переживать* то, что на предыдущихъ ступеняхъ лишь *познавалъ*. Онъ *творитъ* по существу, тогда какъ на прежнихъ ступеняхъ творилъ

не онъ. Что истина пребываетъ не только во всемъ, имѣющемся въ природѣ, но что она охватываетъ и естественно-проявленное и непроявленное—этимъ полны всѣ воспріятія Таулера. Мы узнаемъ изъ его жизнеописанія, что онъ пришелъ къ этому подъ вліяніемъ одного просвѣтленнаго мірянина, одного „друга Божьяго изъ нагорной страны". Здѣсь мы имѣемъ передъ собою таинственную исторію. О томъ, гдѣ жилъ этотъ „Божій другъ", имѣются лишь догадки, о томъ же, кто былъ этотъ человѣкъ, не имѣется даже и догадокъ. Повидимому, онъ много слышалъ о проповѣднической дѣятельности Таулера, который былъ священникомъ въ Страсбургѣ, и рѣшилъ отправиться къ нему, чтобы черезъ него выполнить опредѣленную задачу. Отношеніе Таулера къ таинственному другу и то вліяніе, которое послѣдній имѣлъ на перваго, мы находимъ въ трактатѣ, приложенномъ къ наиболѣе древнимъ изданіямъ проповѣдей Таулера подъ заглавіемъ „Книга Учителя". Въ нихъ „другъ Божій", въ которомъ можно узнать завязавшаго съ Таулеромъ упомянутыя отношенія, разсказываетъ объ одномъ „учителѣ", въ которомъ можно узнать самого Таулера. Онъ разсказываетъ, какимъ образомъ произошелъ переворотъ въ „одномъ учителѣ" и какъ этотъ послѣдній, когда почувствовалъ приближающуюся къ себѣ смерть, призвалъ друга и просилъ записать исторію своего „просвѣтленія", заботясь при этомъ, чтобы никто никогда не узналъ, о комъ идетъ рѣчь въ этой записи. Онъ проситъ объ этомъ по той причинѣ, что всѣ знанія, которыя исходятъ отъ него, принадлежатъ въ сущности не ему. „Ибо знайте: Богъ сдѣлалъ все это черезъ меня, бѣднаго червя, въ этомъ все дѣло, не мое оно, а Божье". Научный споръ, возникшій по поводу этой книги, не имѣетъ для сути дѣла никакого значенія. Съ одной стороны *) была попытка доказать, что „другъ Божій" никогда не существовалъ, что существованіе его было выдумано, а приписываемыя ему книги принадлежатъ другому (Рульману Мерсвену), но В. Прегеръ стремился съ большимъ основаніемъ доказать какъ существованіе „друга Божьяго", такъ и подлинность писанія и вѣрность всѣхъ приводимыхъ фактовъ, относящихся до Таулера.

Я не имѣю намѣренія освѣщать здѣсь отношенія между Таулеромъ и „другомъ Божіимъ"; каждый, способный прочесть истинный смыслъ относящихся до этого вопроса ниже приводи-

*) *Denifle, Die Dichtungen des Gottesfreundes im Oberlande.*

мыхъ писаній, знаетъ хорошо, что подобныя отношенія остаются тайной *).

Совершенно достаточно, если мы скажемъ, что на опредѣленной ступени жизни въ душѣ Таулера произошла перемѣна, подобная той, которую я собираюсь описать. Личность Таулера можетъ быть при этомъ совсѣмъ оставлена въ сторонѣ; здѣсь интересно самое переживаніе. Что касается самого Таулера, для насъ важно освѣтить происшедшую въ немъ перемѣну съ нижеслѣдующей точки зрѣнія. Если мы сравнимъ его послѣдующую дѣятельность съ предыдущей, для насъ выяснится и вся суть этой перемѣны.

Я оставлю въ сторонѣ всѣ внѣшнія обстоятельства и разскажу внутреннія душевныя переживанія „мейстера" подъ вліяніемъ „мірянина". Что будетъ понимать мой читатель подъ „міряниномъ" и подъ „мейстеромъ"—это будетъ зависѣть вполнѣ отъ его духовнаго строя; какъ ихъ понимаю я, выясняется изъ дальнѣйшаго.

„Мейстеръ" поучаетъ своихъ учениковъ объ отношеніи души къ Богу. Онъ говоритъ о томъ, что въ человѣкѣ дѣйствуютъ уже не природныя ограниченныя силы единичной личности, когда онъ спускается въ бездну своихъ душевныхъ глубинъ. Тамъ уже говоритъ не единичный человѣкъ, тамъ говоритъ Богъ. Тамъ не человѣкъ видитъ Бога и вселенную, тамъ Богъ видитъ самого себя. И тогда человѣкъ становится *единымъ* съ Богомъ. Но „мейстеръ" знаетъ, что это ученіе еще не *живетъ* въ полной мѣрѣ внутри его. Онъ *мыслитъ* его разумомъ, но еще не переживаетъ его каждой фиброй своего существа.

Такимъ образомъ, онъ учитъ тому состоянію, которое въ немъ самомъ завершилось еще не вполнѣ. Описаніе состоянія соотвѣтствуетъ истинѣ, но эта истина не имѣетъ никакой цѣнности, пока она не станетъ самой жизнью, пока она не осуществится въ дѣйствительности. „Міряининъ" или „другъ Божій" слышитъ о „мейстерѣ" и его ученіи. Той истиной, которую высказываетъ „мейстеръ", онъ проникнутъ не менѣе, чѣмъ послѣдній, но для него эта истина не представленіе, а цѣлостная сила его жизни. Онъ знаетъ, что если эта истина приходитъ извнѣ, можно высказывать

*) Писанія эти слѣдующія: *Von eime eigenwilligen weltwisen manne, der von eime heiligen ovelt priestere gewiset wart uffe demuetige gehorsamme, 1338. Das Buch von den Zwei Mannen; Der gefangene Bitter, 1349. Die geisliche stege, 1350. Von der geistlichen Leiter, 1357. Das Meisterbuch, 1369. Geschichte von Zwei fünfzehnjährigen Knaben.*

ее, а жить при этомъ совершенно не въ ея духѣ. При этомъ въ человѣкѣ проявляется лишь естественное познаваніе разума, но говорится объ этомъ естественномъ познаваніи разума такъ, какъ если бы оно было высочайшимъ познаваніемъ, подобнымъ божественному. Но это не такъ, ибо истина эта пришла къ человѣку не тогда, когда его жизнь уже преобразилась и онъ родился вновь. То, что пріобрѣтается лишь природнымъ человѣкомъ, остается также *природнымъ* *), хотя бы при этомъ въ словахъ его и выражались основныя черты *высшаго* познанія. Изъ самой природы должно совершиться это преображеніе. Природа, которая развилась до опредѣленной ступени, должна черезъ жизнь получить свое дальнѣйшее развитіе; новое должно возникнуть въ ней благодаря этому дальнѣйшему развитію. Человѣкъ не долженъ лишь созерцать уже проявленное міровое развитіе и говорить, какъ о высочайшемъ, о томъ, что *отображается* въ его созерцающемъ это развитіе духѣ; онъ долженъ *предвидѣть* еще несотворенное; его познаваніе должно быть *началомъ* новаго содержанія, а не *концомъ* раскрывающагося эволюціоннаго содержанія. Природа шествуетъ отъ червя къ млекопитающему, отъ животнаго къ человѣку не умозрительно, а въ дѣйствительномъ процессѣ. Человѣкъ долженъ повторить этотъ процессъ не только въ разумѣ, но повтореніе это должно явиться началомъ дѣйствительнаго новаго развитія, которое, несмотря на свою дѣйствительность, все же духовно. Человѣкъ познаетъ тогда не только то, что природой уже вызвано къ жизни, онъ будетъ продолжать дѣло природы, онъ преобразуетъ свое познаваніе въ живое творчество. Онъ родитъ въ себѣ духа, и этотъ духъ начнетъ подниматься отнынѣ съ одной ступени развитія на другую, совершенно такъ же, какъ поднимается природа. Духъ начинаетъ естественный процессъ на высшей ступени. Всѣ представленія о Богѣ, который въ глубинѣ человѣка зритъ самого себя, принимаютъ у испытавшаго такое переживаніе совершенно другой характеръ. Такой человѣкъ *видитъ* міръ совершенно иначе, чѣмъ видящій его только разумомъ, и *живетъ* онъ совершенно иначе. Онъ не говоритъ болѣе о смыслѣ жизни, который уже имѣется въ силахъ и въ законахъ вселенной; онъ придаетъ этой жизни новый смыслъ. Такъ же мало, какъ рыба владѣетъ тѣмъ, что въ ней обнаружится на позднѣйшей ступени развитія, когда она станетъ млеко-

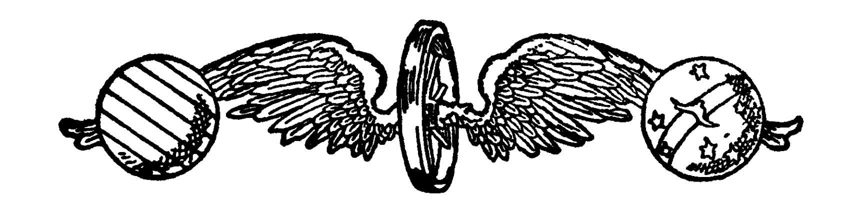
---

*) Здѣсь „природный" употребляется въ смыслѣ преходящаго явленія, въ противоположность „высшему" или вѣчному. Прим. перев.

питающимся, такъ же мало владѣетъ разсудочный человѣкъ тѣмъ, что изъ него возникнетъ лишь на ступени высшаго человѣка. Если бы рыба могла познавать себя и окружающіе предметы, она видѣла бы въ рыбьемъ бытьѣ *весь* смыслъ жизни. Она сказала бы: Вселенская Сущность подобна рыбѣ. Въ рыбѣ она видитъ себя. Такъ бы говорила рыба до тѣхъ поръ, пока придерживалась бы своего собственнаго умозрѣнія. Въ дѣйствительности она не останавливается на этомъ; всею своей жизнедѣятельностью она переступаетъ черезъ свое познаваніе: она становится пресмыкающимся, а позднѣе млекопитающимъ. Дѣйствительный смыслъ ея бытія поднимается надъ доступнымъ ей смысломъ. То же самое и съ человѣкомъ: въ дѣйствительности онъ самъ придаетъ себѣ смыслъ; онъ *не* останавливается на томъ смыслѣ, который ему раскрываетъ его умозрѣніе. Познаваніе перескакиваетъ черезъ самое себя, если только оно хорошо понимаетъ себя. Истинное познаніе не выводитъ міръ изъ готоваго Бога; міръ можетъ развиваться лишь изъ зародыша, который направляется къ Богу. Человѣкъ, который это понялъ, не будетъ понимать Бога, какъ нѣчто, внѣ его находящееся; онъ будетъ смотрѣть на Бога, какъ на Сущность, которая подвигается вмѣстѣ съ нимъ къ цѣли, которая вначалѣ такъ же неизвѣстна, какъ для рыбы неизвѣстна природа млекопитающаго. Не *познающимъ* скрытаго или обнаруживающаго Себя Бога хочетъ онъ быть, онъ хочетъ быть другомъ Божіимъ, хочетъ быть причастнымъ къ превышающему бытіе и небытіе высокому божественному дѣланію. „Другомъ Божьимъ“ былъ въ этомъ смыслѣ міряининъ, пришедшій къ Таулеру. И черезъ него Таулеръ преобразился изъ созерцателя божественной Сущности въ „ожившаго въ духѣ“, который не только созерцаетъ, но и *живетъ* въ высшемъ смыслѣ. Ему уже не нужно было выносить понятія и идеи изъ своего внутренняго міра, но эти понятія и идеи вырывались сами изъ него живымъ дѣйственнымъ духомъ. Онъ съ этихъ поръ *не только поучалъ* своихъ слушателей, онъ потрясалъ ихъ. Онъ болѣе не погружалъ ихъ души въ ихъ собственную глубину, онъ велъ ихъ къ новой жизнн. Символически это передается въ такой картинѣ: сорокъ человѣкъ приблизительно, слушая его проповѣдь, пали ницъ и были какъ мертвые.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перев. Е. П.



Древняя Мудрость на протяженіи вѣковъ.

Д-ра **Теофиля Паскаль.**

(*Продолженіе* *).

Великіе Наставники-Учители человѣчества.

Историческіе Наставники.

Въ послѣдней лекціи я говорилъ о великихъ доисторическихъ Учителяхъ человѣчества, т. е. объ Учителяхъ третьей и четвертой расъ—Лемурійцевъ и Атлантовъ. Теперь я скажу нѣсколько словъ о Великихъ Учителяхъ пятой расы, т. е. объ историческихъ наставникахъ. Я буду останавливаться только на основателяхъ великихъ религій, лишь мимоходомъ касаясь остальныхъ учителей человѣчества.

Сегодня, какъ и въ прошлый разъ, бѣдность имѣющихся у исторіи свидѣтельствъ вызываетъ необходимость широко пользоваться лѣтописями, открытыми для учениковъ Великаго Братства, такъ какъ онѣ однѣ могутъ освѣтить нѣкоторыя очень важныя стороны нашего предмета.

Эти лѣтописи заключаютъ въ себѣ для меня и для многихъ другихъ истинныя и вполнѣ опредѣленныя событія; но я вамъ предлагаю ихъ какъ гипотезы, такъ какъ теософія не желаетъ ни отъ кого даже и тѣни слѣпой вѣры. Но тѣхъ изъ моихъ слушателей, которые вздумали бы отрицать a priori, съ предвзятой мыслью, то, о чемъ сейчасъ будетъ итти рѣчь, я попрошу вспомнить, что наука не знаетъ еще многихъ вещей, что ея заключенія постоянно мѣняются, благодаря новымъ открытіямъ, и что если наука права, допуская только то, что ей кажется истиннымъ,

*) Вѣстникъ Теософіи 1910 г., № 3.

она въ то же время обязана и не отрицать ничего безъ доказательствъ.

Учители, о которыхъ я буду говорить, давали направленіе всѣмъ послѣдовательнымъ цивилизаціямъ пятой расы. Въ виду этого нелишнее будетъ очертить нѣсколькими словами исторію образованія этой расы.

Въ послѣдней лекціи я говорилъ о томъ, что такое въ дѣйствительности эти смѣняющія одна другую расы и что онѣ собою представляютъ. Онѣ являютъ собой послѣдовательныя стадіи эволюціи собирательнаго человѣчества, воплощавшагося въ расы. Первыя двѣ расы являли собой его зачаточное состояніе, третья—его дѣтство, четвертая—юность, пятая—молодость, періодъ зрѣлаго интеллекта; двѣ послѣднія выразятъ собою послѣднія стадіи его эволюціи.

То, что отличаетъ расу отъ предшествовавшихъ и отъ послѣдовавшихъ ей расъ, является ея особымъ, одной ей присущимъ свойствомъ. Мы видѣли, что Лемурійцы и Атланты представляли собою то, что можно бы назвать психической фазой человѣчества; пятая, арійская раса, представляетъ интеллектуальную фазу, шестая, будущая раса, явитъ собою духовность и солидарность, а седьмая будетъ выражать полнѣйшее единство. Пятая раса отличается отъ предшествующихъ появленіемъ *новаго элемента,* хотя выраженіе это не совсѣмъ подходящее, такъ какъ элементъ этотъ нельзя назвать новымъ; въ дѣйствительности каждая раса владѣетъ хотя бы въ зачаточномъ состояніи *всѣми* элементами. Но полное развитіе *интеллектуальности* появляется только въ пятой расѣ.

Сформированіе новой расы представляетъ трудную задачу: необходимъ зародышъ, который требуетъ тщательной культуры. Зародышъ пятой расы былъ заимствованъ у Атлантской расы, изъ той ея подрасы, которая была пятая по счету и называлась Семитами. Изъ этой подрасы, отличавшейся среди всѣхъ подрасъ четвертой расы своимъ умственнымъ развитіемъ, было взято ядро нашей Арійской расы, и это было неизбѣжно, такъ какъ ядро должно заключать въ себѣ всѣ главныя свойства будущей расы.

Работа эта была возложена на одного изъ тѣхъ Великихъ Учителей, которыхъ мы въ прошлой лекціи объединили подъ общимъ именемъ „Древа жизни".

Это былъ *Ману,* но, какъ я уже говорилъ, Ману не есть имя, это обозначеніе обязанности, это званіе. Ману есть божественное существо, на которое было возложено образованіе новой

расы. Ману нашей пятой расы былъ великимъ вождемъ названной семитической подрасы Атлантовъ.

Онъ выбралъ среди своего народа 400 или 500 семействъ, наиболѣе одаренныхъ интеллектуальнымъ элементомъ, и онъ увелъ ихъ изъ Атлантиды въ страну, называемую теперь Сиріей. Въ эту эпоху географія земного шара отличалась значительно отъ настоящаго расположенія суши и морей.

Ману отвелъ эти семейства въ страну, которую мы знаемъ подъ именемъ Палестины и Сиріи, и здѣсь уже нетрудно различить начало аналогіи этой исторіи съ Исходомъ еврейскимъ.

Онъ привелъ ихъ въ „Обѣтованную землю", устроилъ ихъ, далъ имъ законы, изъ которыхъ самымъ строгимъ было рѣшительное запрещеніе смѣшиваться съ лемурійскими расами, населявшими эту страну.

Нѣкоторое число семитскихъ семей ослушалось, и кровь, будущая арійская кровь, была попорчена черной кровью. Такимъ образомъ эта первая попытка не удалась Ману, но онъ такъ или иначе долженъ былъ исполнить свою миссію.

Тогда онъ взялъ отъ 25 до 30 семействъ, оставшихся вѣрными и не осквернившихъ свою кровь, и отвелъ ихъ въ нынѣшнюю Центральную Азію. Въ то время она занимала берега огромнаго моря Гоби, простиравшагося до сѣвернаго полюса. Ману поселилъ въ той мѣстности выведенныя семьи и возобновилъ данные имъ ранѣе законы.

На этотъ разъ они не были нарушены, и по прошествіи извѣстнаго періода возникла новая раса. Развитіе ея шло медленно. Первое ея переселеніе, когда она достаточно размножилась, направилось къ югу; въ то время Гималаи еще не существовали и путь былъ свободенъ. Но Атланты и Лемурійцы, жившіе на югѣ полуострова, упорно боролись и не сдавались пришельцамъ; есть свѣдѣнія, что на 280 милліоновъ жителей Индіи насчитывается не болѣе 20 милліоновъ, имѣющихъ чистую арійскую кровь.

Почти одновременно подготовлялось и второе переселеніе; это не было массовое передвиженіе, какъ первое, скорѣе его можно бы назвать посольствомъ. Когда Ману покинулъ Сирію для моря Гоби, онъ предупредилъ оставшихся тамъ Семитовъ, что черезъ много вѣковъ, когда наступитъ часъ, онъ пришлетъ имъ то, что въ израильскомъ преданіи сохранялось подъ именемъ „Крови Новаго Завѣта". Этой „Кровью Новаго Завѣта" и было то посольство, о которомъ я говорю, посольство Арійцевъ, достиг-

шихъ правильнаго развитія, которые должны были притти на помощь къ павшимъ Семитамъ; послѣдніе, въ своихъ преданіяхъ, сохраняли смутное воспоминаніе объ обѣщаніи Ману, хотя къ этому времени оно начинало уже забываться.

Нѣкоторые Семиты захотѣли принять благо этой новой крови, другіе—такихъ было большинство — отказались отъ него, а иные совсѣмъ не признали пришельцевъ за посланниковъ Ману, и до сихъ поръ многіе евреи все еще ожидаютъ Мессію.

Эта вторая подраса арійскихъ Семитовъ образовалась постепенно чрезъ внесеніе арійской крови въ кровь атлантскихъ Семитовъ, выродившихся въ Палестинѣ; весь процессъ занялъ много вѣковъ, но подраса все же образовалась, размножилась и заняла страну, заключенную между Понтомъ Евксинскимъ (Черное море), Босфоромъ, Аравіей, Персіей и Египтомъ.

Третье переселеніе состояло изъ Иранцевъ. Они основались въ странѣ, которая соотвѣтствуетъ теперешней Восточной Россіи и Западной Сибири. Человѣческая волна спускалась постепенно къ югу, покрыла Бактрію, Мидію и Персію до Эритрейскаго моря, распространяясь съ другой стороны черезъ Аравію до Египта.

Четвертое переселеніе было кельтическое. Кельты, уроженцы западнаго берега Каспійскаго моря, сформировались понемногу и соединились въ подрасу, потомъ двинулись по двумъ направленіямъ: одни послѣдовали къ берегамъ Средиземнаго моря, уже существовавшаго въ тѣ времена, другіе пришли черезъ Европу.

Наконецъ, пятая раса, тевтонская или индогерманская, къ которой принадлежимъ мы; она беретъ свое начало тамъ, гдѣ теперь Кавказъ, потомъ медленно распространяется по Европѣ и, путемъ такъ-называемаго „нашествія варваровъ", проникаетъ болѣе или менѣе повсюду.

Таковы тѣ пять подрасъ арійской расы, которыя существуютъ и до сихъ поръ; теперь мы перейдемъ къ тому, какъ шло воспитаніе этихъ юныхъ народовъ.

Всѣ должны бы имѣть общія понятія о значительныхъ явленіяхъ въ человѣческой эволюціи. Человѣкъ обязанъ знать, каковъ окружающій міръ, среди котораго онъ живетъ; познаніе этого міра и есть то, что называется наукой. Далѣе человѣкъ долженъ знать законы разума, знать, что такое міръ мысли, и это и составляетъ тотъ обширный отдѣлъ, который называется философіей и, наконецъ, человѣкъ долженъ знать, что онъ представляетъ изъ себя какъ земное существо и какъ часть Вселенскаго Духа, какъ

частица божественной жизни, т. е. все то, что изучается въ религіяхъ.

Но человѣкъ долженъ бы имѣть, кромѣ того, болѣе или менѣе значительныя познанія, относящіяся къ физіологіи, культу, морали и соціологіи; онъ долженъ бы знать и примѣнять все то, что очищаетъ тѣло, все, что развиваетъ умъ и что возвышаетъ душу.

И дѣйствительно, въ ученіяхъ каждаго великаго Учителя можно найти и религіозную сторону, и философскую, и научный отдѣлъ и даже отдѣлъ искусства, такъ какъ искусства также достояніе человѣчества; наконецъ, въ этихъ ученіяхъ можно найти и соціологію, и мораль, и культъ.

Болѣе того: такъ какъ расы слѣдуютъ одна за другой и каждая—сперва достигаетъ, а затѣмъ и поднимается надъ уровнемъ развитія, достигнутаго ея предшественницей, каждая изъ расъ одарена тѣмъ особымъ качествомъ, тѣмъ свойствомъ, которое необходимо для достиженія поставленной передъ нею задачи.

Первая подраса, индусская, получила въ удѣлъ не только тотъ глубокій мистицизмъ, который излучается изъ каждой страницы Ведъ и Упанишадъ, но и высокую степень того, что можно назвать философскимъ разумомъ. Я подразумѣваю при этомъ не только исключительную способность понимать безъ труда высокія религіозныя или метафизическія истины, но и болѣе конкретный философскій разумъ, который также прекрасно выраженъ во всей индусской философіи.

У индусовъ существуетъ шесть основныхъ философскихъ системъ, являющихся родоначальными школами всѣхъ философій, слѣдовавшихъ съ тѣхъ поръ одна за другой и которыя заключаютъ въ своемъ широкомъ обхватѣ всю постепенность отъ конкретнаго умозрѣнія до самой высокой абстракціи: отъ *Nyanya* и *Vesheshika* къ *Sankhya* и *Yoga*; отъ *Pourva* къ *Outara Mimansa*; послѣдняя, самая возвышенная изъ всѣхъ, и есть знаменитая *Веданта*, которую Западъ знаетъ болѣе по имени, чѣмъ по существу. Возможно, что эти философскія системы существовали вначалѣ въ зачаткѣ и развились только съ прогрессомъ арійской расы, возникли онѣ подъ внушеніемъ, исходившимъ отъ Ману и отъ его сотрудниковъ *Риши*. Такимъ образомъ, интеллектуальность была очень сильно выражена въ этой первой подрасѣ; въ виду того, что характерной чертой этой расы являлось развитіе разума, то и было необходимо, чтобы онъ являлся ея отличительнымъ признакомъ съ самаго начала.

Научныя свѣдѣнія были изложены въ 64 Ведантахъ, т. е. отдѣлахъ Ведъ; каждый изъ этихъ трактатовъ заключалъ въ себѣ цѣлый родникъ сокровищъ, изъ которыхъ большая часть остается и до сихъ поръ неизвѣстной офиціальной наукѣ.

Что касается соціальнаго строя древнихъ арійцевъ, то онъ весьма замѣчателенъ, и мы, люди запада, критикуемъ его главнымъ образомъ потому, что не знаемъ его или невѣрно понимаемъ. Строй этотъ основанъ на принципѣ кастъ.

Ману раздѣлилъ народъ на четыре касты, соотвѣтствующія четыремъ главнымъ ступенямъ эволюціи. Наименѣе развитые люди, которые могли совершенствоваться, только слушаясь болѣе развитыхъ, образовали касту *Слугъ*.

Другіе, болѣе развитые, одаренные нѣкоторой иниціативой и бо̀льшимъ разумомъ, способные самостоятельно примѣнять этотъ разумъ къ нуждамъ жизни, составили касту *Производителей*.

Наконецъ меньшинство, люди гораздо болѣе развитые, для которыхъ уже пришло время изучать урокъ долга, самопожертвованья и отреченья, эти люди получили назначеніе защищать своихъ братьевъ, и они составили касту *Воиновъ*, защитниковъ отечества.

Послѣдней, самой высшей, была каста Наставниковъ, Жрецовъ. Въ древности священники обучали не только религіи, но и философіи, и всѣмъ наукамъ.

Въ эту далекую эпоху касты не представляли собою тѣхъ замкнутыхъ отдѣловъ жизни, какими онѣ стали позднѣе; каждый индивидъ, если онъ имѣлъ прекрасныя способности и качества, переходилъ въ слѣдующую касту, и, наоборотъ, тотъ, кто становился недостойнымъ, отступалъ назадъ, какъ отступаетъ плохой ученикъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ученикъ, идущій очень быстро, можетъ пройти въ продолженіе года сразу два класса, тогда какъ другой, лѣнивый, остается на второй годъ или спускается въ низшій классъ. Я указываю главнымъ образомъ на принципъ кастъ, на цѣль ихъ учрежденія, которая состояла въ систематическомъ развитіи человѣчества посредствомъ соотвѣтствующаго воплощенія душъ, которыя направлялись Великими Существами, Сотрудниками творящаго эволюцію Божества.

Но Ману сдѣлалъ еще больше для этой первой расы: онъ внѣдрилъ въ нее особое синтезирующее свойство, которое труднѣе всего пріобрѣсти, такъ какъ оно требуетъ большого знанія и большого самоотверженія и энергіи; это свойство — чувство

долга — *Dharma*. Это слово въ дѣйствительности охватываетъ больше, чѣмъ понятіе о долгѣ, теперь же достаточно будетъ сказать, что понятіе Дхармы заключаетъ въ себѣ многія добрыя свойства и что Дхарма являлась основнымъ урокомъ, который души той расы должны были выучить, а затѣмъ повторять въ послѣдующихъ воплощеніяхъ въ другихъ формахъ, сообразно съ средой и эпохой.

Таково было обученіе, данное первой подрасѣ, и слѣдуетъ замѣтить, что весь процессъ развитія остальныхъ подрасъ заключалъ въ себѣ всѣ главныя особенности эволюціи первой подрасы, на которыя я указалъ.

Это единство въ формѣ и въ основаніи обученія поистинѣ замѣчательно, и если бы не было другого доказательства единаго Источника, изъ котораго черпали всѣ великіе духовные Учители, одного этого было бы достаточно для доказательства, что всѣ они составляли часть одной семьи или одной братской общины.

* * *

Вторая подраса не имѣла *новой* религіи; она пользовалась древней религіей атлантскихъ Семитовъ, а также религіозными заимствованіями отъ сосѣднихъ, быстро развивавшихся народовъ. Вторую группу Семитовъ, погрѣшившихъ непослушаніемъ и снова обращенныхъ, не слѣдуетъ отождествлять съ Евреями. Евреи составляли лишь небольшое племя огромнаго народа Семитовъ, и Палестина—лишь ничтожная частица огромнаго пространства, которое было занято ими.

Точно такъ же и Моисей не былъ ихъ единственнымъ Учителемъ. Моисей представляетъ личность довольно загадочную, хотя онъ, безъ сомнѣнія, былъ Великимъ Учителемъ Семитовъ, но Учителемъ, событія изъ жизни котораго списаны частью съ жизни Саргона Вавилонянина, такъ же какъ часть „Бытія“ списана съ ассирійскихъ черепицъ. Моисей былъ Учителемъ, воспитаннымъ въ „мистеріяхъ“ Египта; рога на его лбу, имѣющіеся на древнихъ изображеніяхъ, обладаютъ опредѣленнымъ символическимъ смысломъ. У „Посвященныхъ“ рога изображаютъ „Овна“; знакъ Зодіака, названный этимъ именемъ, подобно другимъ знакамъ, представлялъ въ различныя времена божественное начало. Тотъ изъ знаковъ зодіака, въ который солнце вступало при весеннемъ равноденствіи, символизировалъ божество; поэтому Великіе Посвященные носили этотъ символъ на головномъ уборѣ. Этотъ знакъ мы

и видимъ у Моисея и у его преемниковъ въ эпоху отъ 2540 года до 388 года нашей эры.

Еще ранѣе, начиная съ 4692 г. до Р. Х., солнце, при равноденствіи, вступало въ знакъ „Тельца". Это было эрой культа быка Аписа (Египетъ), Митры (Персія), Меродаха (Вавилонъ); всѣ эти боги изображались съ головой быка. Въ виду того, что Моисей имѣетъ рога на своемъ головномъ уборѣ, можно думать, что онъ былъ представителемъ египетскаго божества той эпохи Юпитера Аммона; слѣдовательно, личность Моисея далеко не установлена. Съ другой стороны *Исходъ* изъ Египта есть измѣненный разсказъ о двухъ связанныхъ между собою событіяхъ: 1) о великой катастрофѣ, произошедшей въ Атлантидѣ (потопленіе Египтянъ подъ водами Краснаго моря) и 2) объ упомянутой эмиграціи атлантскихъ семействъ, которыя были отведены Ману въ Палестину.

Я не говорю о Моисеѣ, какъ о Великомъ Учителѣ потому, что онъ не былъ основателемъ великой религіи; онъ былъ среди Семитовъ Учителемъ подобно многимъ другимъ, которые остались неизвѣстными въ исторіи. Вотъ почему я ограничиваюсь лишь упоминаніемъ о немъ.

И все же Семиты пользовались высокимъ обученіемъ, хранившимся въ „Школахъ Пророковъ", въ которыхъ происходили Великія Мистеріи. Философія этихъ Мистерій составляла то, что нынѣ называется *Каббалой*. Наука ихъ была заимствована отъ Халдеевъ, а соціологія являла собою испорченное отраженіе соціологіи Ману. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сличить священныя книги Индусовъ съ Библіей.

* * *

Третья подраса имѣла Великимъ Учителемъ Зороастра; это имя въ нѣкоторомъ родѣ собирательное, такъ какъ Зороастръ не представляетъ собою одного человѣка. Онъ воплощался нѣсколько разъ, но ученики появлялись снова и снова среди народовъ, которые онъ желалъ научить; вотъ почему насчитываютъ такое большое число Зороастровъ. Послѣдній появился за 4000 лѣтъ, а тотъ, о которомъ говоритъ Аристотель и который считается седьмымъ, появился за 9000 лѣтъ до Аристотеля; изъ этого видно, въ какую далекую эпоху переноситъ насъ первое появленіе Зороастра.

Онъ также оставилъ многостороннее ученіе. Религіозная нота звучитъ въ *Большой Авестѣ*, *Yasna* и *Visparad*; въ этихъ книгахъ заключаются возвышенный мистицизмъ и высокая фило-

софія, аналогичные съ индусскими Ведами и Упанишадами. Этическая нота заключается въ *Малой Авестѣ* (Khorda Avesta). Наконецъ, есть въ его ученіи и сторона научная большаго значенія; она заключена въ *Nasks*, которыя были для религіи Зороастра то же, что *Vedantas* для ученія Ману.

Существуетъ 21 *Nasks*; изъ нихъ до насъ дошли только отрывки, самая важная часть которыхъ заключена въ трактатѣ *Набатейская Агрикультура*. Они заключали въ себѣ науку, медицину, немного философіи и разные отдѣлы науки, не считая астрологіи, которая у Иранцевъ занимала главное мѣсто, являясь вѣнцомъ астрономіи.

Въ этой подрасѣ были также четыре касты: Наставники, Защитники отечества, Земледѣльцы и Ремесленники. Въ общемъ, это были тѣ же индусскія касты, слегка измѣненныя иной средой.

Характернымъ свойствомъ религіи Зороастра было уже не исполненіе долга, а *Чистота—Vendidad*.

Это стремленіе къ чистотѣ выразилось символически культомъ огня. Огонь являетъ собой абсолютную чистоту, такъ какъ уничтожаетъ всякую грязь; послѣдователи Зороастра сдѣлали изъ огня эмблему своего божества. У Евреевъ Богъ также появляется изъ „горящей Купины“.

* * *

Наконецъ мы подходимъ къ Кельтамъ. Какъ и Семиты, они не имѣли особой великой религіи; они пользовались тѣмъ, что осталось отъ культа Атлантовъ и что смѣшалось позднѣе съ мистеріями Самоѳракскими.

Они имѣли многочисленныхъ Наставниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые отличались большимъ величіемъ, какъ, напримѣръ, создатели Стонхенджей (Англія) и Карнакъ (Франція). Это были одаренные психическими силами арійскіе народы, пришедшіе и поселившіеся среди атлантскихъ народовъ, которые отличались еще бóльшимъ психизмомъ: изъ нихъ, напримѣръ, Баски являются представителями атлантскихъ Аккадійцевъ.

Кельты обладали великолѣпной, хотя и мало извѣстной, цивилизаціей; но если припомнить то, что существовало еще въ эпоху Христа, если вспомнить, что въ Алезіи и въ Бибрактіи были коллегіи Друидовъ, имѣвшія каждая болѣе 40.000 учащихся, если припомнить, что въ Бибрактіи былъ чудный амфитеатръ, могущій вмѣстить болѣе 100.000 человѣкъ, и громадное Марсово поле, а также колоссальная Навмахія (Naumachie) для водяныхъ игръ и

много другихъ памятниковъ, то можно получить представленіе о высокой цивилизаціи этихъ народовъ.

Слѣдуетъ также упомянуть и еще объ одной значительной цивилизаціи, хотя представители ея и не образовали особой подрасы. Я говорю о смѣшанныхъ народахъ, которые можно назвать аріо-монгольскими и которые образовались отъ смѣшенія Арійцевъ съ желтыми, туранскими и монгольскими народами, которые населяютъ почти всю нынѣшнюю Азію и представляютъ собою буддійскую цивилизацію.

Такова была языческая масса, подлежавшая обученію, и Великое Братство послало къ ней великаго Учителя, извѣстнаго міру какъ Будда.

Подобно своимъ предшественникамъ, Будда далъ одновременно и религію и философію.

Религія заключалась въ трехъ *Питакахъ. Винайя* заключала въ себѣ мистицизмъ (эзотеризмъ), а также правила монастырскаго ордена *Сангха; Абадамма* представляла высшую философію, а *Сутты*—мораль и внѣшнее ученіе.

Наука не нуждалась въ тѣ времена въ особомъ примѣненіи, такъ какъ была уже достаточно развита, но Будда далъ новую этическую ноту.

Первой было чувство долга, второй—чистота, третьей основной нотой буддійской цивилизаціи было состраданіе. Въ этой цивилизаціи было меньше мистицизма; на первомъ планѣ была практическая мораль и начало того, что Христосъ впослѣдствіи долженъ былъ закончить, проповѣдуя любовь.

Вскорѣ послѣ Будды, хотя исторія утверждаетъ, что это было гораздо позднѣе, — я все время говорю по оккультнымъ лѣтописямъ „Посвященныхъ",—появился Шанкарачаріа, отличавшійся изумительнымъ разумомъ, который видоизмѣнилъ нѣкоторыя стороны въ ученіи Браманизма. Лао-тзе былъ, собственно говоря, философъ, а *Конфуцій*—законодатель. Позднѣе, въ IV вѣкѣ нашей эры, Тзонъ-ка-па произвелъ важное измѣненіе въ тибетскомъ буддизмѣ. Я ограничусъ упоминаніемъ лишь этихъ двухъ знаменитыхъ реформаторовъ. Съ другой стороны я не буду говорить о Рамѣ, котораго можно считать однимъ изъ преемниковъ Ману, такъ какъ онъ былъ не болѣе какъ великимъ примѣромъ для великой націи.

И Кришна, этотъ кроткій и могучій Аваторъ, не имѣетъ права на имя Великаго Учителя человѣчества въ томъ смыслѣ,

какой мы придаемъ этому слову; онъ былъ лишь яркимъ вѣстникомъ, пришедшимъ помочь людямъ въ критическій моментъ конца цикла; вотъ почему я ограничусь упоминаніемъ о немъ.

Такимъ образомъ мы разсматривали до сихъ поръ подъ именемъ Великихъ Учителей однихъ лишь основателей великихъ религій: Ману для Индусовъ, Зороастра для Иранцевъ и Будду для желтыхъ расъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перев. **А. Гралевская.**

Изъ Посланій Апостоловъ.

Ради истины, которая пребываетъ въ насъ и будетъ съ нами во вѣкъ: да будетъ съ вами благодать, милость и миръ отъ Бога Отца и отъ Господа Іисуса Христа, Сына Отчаго, въ истинѣ и любви.

(II Посланіе Св. Ап. Іоанна Богослова).

Что мы любимъ дѣтей Божіихъ, узнаемъ изъ того, когда любимъ Бога и соблюдаемъ заповѣди Его.

Ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его. И заповѣди Его не тяжки.

Ибо всякій рожденный отъ Бога, побѣждаетъ міръ; и сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша.

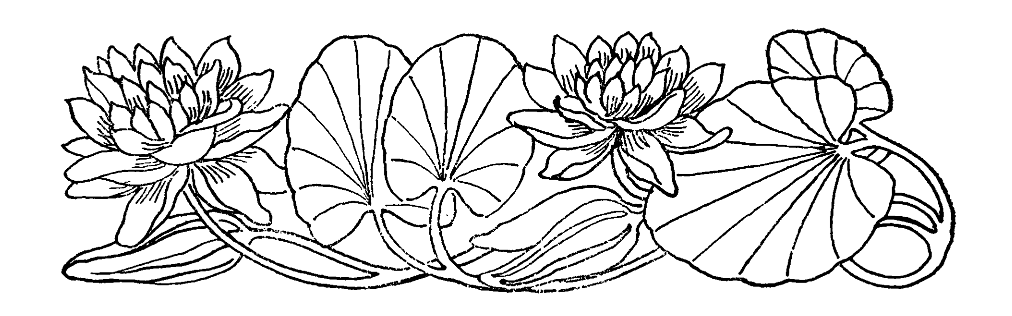
(I Посл. Св. Ап. Іоанна Богослова).

Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершененъ въ любви.

(Тамъ же).

Мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего.

(Тамъ же).



О мирѣ всего міра Господу помолимся!

Вотъ уже много лѣтъ, что въ столицѣ Франціи выходитъ журналъ, всецѣло посвященный вопросамъ мира и путямъ, могущимъ способствовать его осуществленію среди всѣхъ народовъ земного шара. Онъ печатается два раза въ недѣлю и носитъ названіе „La paix par le droit“, т. е. миръ, основанный на правѣ. Способы, рекомендуемые имъ для достиженія международнаго мира: устная, письменная пропаганда и учрежденіе преміи за лучшее сочиненіе по данному вопросу. Какъ извѣстно, первыя общества, имѣющія цѣлью распространеніе идеи мира, были основаны въ 1814 г. въ Америкѣ. Затѣмъ въ 1821 г. „Общество христіанской нравственности“ созвало въ Парижѣ всѣхъ друзей мира. Къ тому же приблизительно времени въ Англіи родилось „Peace Society“ и нѣсколько другихъ подобныхъ организацій. Въ 1830 г. такое же начинаніе возникаетъ въ Женевѣ, затѣмъ оно переходитъ въ Бельгію. Между сороковыми и пятидесятыми годами прошлаго столѣтія созываются Лондонскій, Брюссельскій, Парижскій и Франкфуртскій съѣзды, вносящіе сильное оживленіе въ движеніе passifistes'овъ *). Въ 1858 г. Эдмундъ Потонье учреждаетъ „Всемірную Лигу Общественнаго Блага“. Десять лѣтъ спустя Фридрихъ Пасси основываетъ „Международную Лигу Мира и Свободы“. Съѣздъ, собравшійся въ 1878 г., во время Парижской выставки, вызвалъ такой подъемъ въ обществѣ, что правительство пожелало напечатать его отчеты на свой счетъ. Съ тѣхъ поръ учреждено много

---

*) Такъ называютъ себя во Франціи поборники идеи мира (отъ латинскаго слова la pax — миръ).

новыхъ обществъ *) и было много конгрессовъ, все больше и больше привлекающихъ къ себѣ всеобщее вниманіе.

Движеніе, созданное друзьями мира, противопоставляетъ варварству нашихъ цивилизацій принципъ права, побѣждающаго силу; оно указываетъ на необходимость преобладанія нравственнаго начала надъ физическимъ, оно стремится къ осуществленію третейскаго суда, какъ обязательной инстанціи. „Учитель начальной школы, говоритъ Р. де ла Грассри, держитъ въ своихъ рукахъ будущее всего земного шара; если онъ восхваляетъ миръ, то миръ скоро наступитъ; если учитель будетъ восторгаться войной или просто проявлять равнодушіе къ тому вопросу, то миръ никогда не осуществится".

Онъ обращается ко всѣмъ общественнымъ дѣятелямъ, призывая ихъ измѣнить направленіе своей дѣятельности, придать миролюбивый характеръ всѣмъ произведеніямъ печати, театру, исторіи, преподаванію, стремиться къ уничтоженію дуэли, поощрять всѣ проявленія гражданскаго мужества, проповѣдывать сближеніе людей, учрежденій, законовъ, объединяющаго всеміpнаго языка, однимъ словомъ—стремиться къ уничтоженію стараго варварства, продолжающаго пребывать въ нашихъ нравахъ въ формѣ дуэли, самоубійства, преступленія, смертной казни, игръ, жестокаго обращенія съ животными, войны. Въ своихъ „Двухъ Евангеліяхъ" Стефанъ Поль говоритъ: „Надо подавлять проявленія ненависти (вражды) и смерти, любить дѣянія жизни и любви". Онъ возстаетъ противъ боя быковъ, боя пѣтуховъ, стрѣльбы въ голубей, охоты въ загороженныхъ мѣстахъ, вивисекціи. „Если вы хотите, чтобы между людьми царствовалъ миръ, говоритъ онъ, то повторяйте безъ устали, что у того, кто можетъ интересоваться видомъ страданія, недостаетъ нравственнаго чувства". Въ журналѣ „La paix par le droit" мы встрѣчаемъ много статей, посвященныхъ воздухоплаванію. Извѣстно, что до сихъ всѣ мечты воздухоплавателей были исключительно направлены къ военнымъ цѣлямъ, къ истребленію врага. Уже мечтаютъ о томъ, чтобы цѣлые города погибали отъ дождя брошенныхъ сверху снарядовъ. Намъ пришлось присутствовать это лѣто на одной лекціи о воздухоплаваніи, читанной въ Прибалтійскомъ краѣ; послѣ краткаго историческаго обзора этого искусства ораторъ (пріѣзжій нѣмецъ изъ Берлина) долго остановился на дирижаблѣ графа Цеппелина, отмѣчая возможность вскорѣ увеличить его вмѣстимость для числа солдатъ будущихъ

*) Всего ихъ уже больше 120.

войнъ. О возможности же братскаго сближенія народовъ путемъ воздухоплаванія почти не говорится; интересъ къ нему меркнетъ передъ картинами будущихъ разрушительныхъ сраженій.

Послѣдній конгрессъ друзей мира собрался въ прошломъ августѣ въ Стокгольмѣ. Его программа была слѣдующая:

1. Докладъ бюро о событіяхъ истекшаго года, имѣющихъ отношеніе къ войнѣ и къ миру.
2. Вопросы международнаго права:
   вторая Гаагская конференція;
   международная организація;
   a) учрежденіе международной кассы взаимопомощи;
   b) вопросъ Европейской Федераціи (предложеніе Шведскаго Общества мира);
   вопросъ объ ограниченіи вооруженія;
   соблюденіе и нарушеніе международныхъ договоровъ.
3. Вопросы пропаганды:
   a) проповѣдь въ университетской средѣ;
   b) въ религіозныхъ обществахъ;
   c) въ рабочихъ союзахъ;
   d) учрежденіе литературной преміи мира въ каждой странѣ.

Интересно отмѣтить, что членами лигъ мира состоятъ многіе видные дѣятели изъ военной среды.

Въ Парижѣ основана Школа Мира, въ которой постоянно читаются лекціи по вопросамъ, могущимъ такъ или иначе способствовать упроченію мира среди народовъ. Лекторами являются извѣстные профессора и писатели. Такъ, осенью прошлаго года Пароди, профессоръ философіи въ лицеѣ Шарлемань, читалъ „О терпимости"; профессоръ китайскаго языка въ Свободной Школѣ Соціальныхъ Наукъ, Ф. Фраженель, прочелъ лекцію „о буддійской нравственности"; бывшій редакторъ „Католической жизни", аббатъ Г. Дабри, прочелъ курсъ о „Христіанской нравственности". Чрезвычайно отраднымъ фактомъ является пробужденіе интереса къ вопросамъ мира представителей (разныхъ вѣроисповѣданій) Христіанской Церкви. На послѣднемъ конгрессѣ баптистовъ, собравшемся въ сентябрѣ въ Берлинѣ, было вотировано слѣдующее постановленіе:

„Настоящій конгрессъ представляетъ собою союзъ болѣе 600.000 членовъ Церкви европейскихъ баптистовъ, возносящихъ свою благодарность Богу за открывшіяся радостныя перспективы вселенскаго мира.

Онъ признаетъ, что народы всего земного шара все больше и больше убѣждаются въ томъ, что международный миръ является первымъ условіемъ процвѣтанія торговли и всеобщаго благополучія.

Съѣздъ убѣдительно проситъ всѣ Церкви молиться за миръ, подавлять все, что могло бы вызвать разногласія между націями, и всячески поощрять духъ братства и любви.

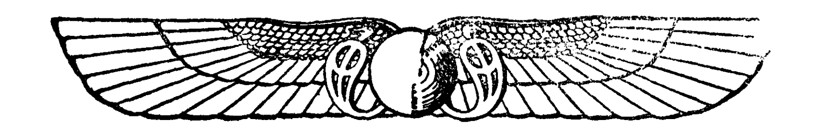
Вспомнимъ также объ учрежденіи Кіевскаго Общества „Друзей мира" и о недавнихъ торжественныхъ собраніяхъ Друзей мира въ Петербургѣ и Москвѣ.

Призывы къ миру и братству становятся все настойчивѣе, они раздаются во всѣхъ лагеряхъ мысли и настроенія, имъ начинаютъ внимать во всѣхъ точкахъ земного шара и находятъ они откликъ въ сердцахъ людей, принадлежащихъ къ совершенно разнымъ сословіямъ и расамъ. Невольно напрашивается вопросъ: не увлекъ ли бы за собою другія страны благородный примѣръ разоруженія одной націи? Выдающіяся дѣла любви, сильное проявленіе безкорыстія или милосердія такъ заразительны, что передъ ними умолкаютъ голосъ холоднаго разсудка и всякіе земные разсчеты о преобладаніи и первенствѣ. Развѣ не случается, что сухіе черствые и замкнутые люди, отрицающіе всякую благотворительность, какъ поощреніе лѣни, въ минуту народныхъ бѣдствій поддаются общему настроенію толпы или общества и неожиданно для самихъ себя оказываются во главѣ тѣхъ, которые стремятся облегчить горе ближнихъ? Счастливъ тотъ народъ, который первый мужественно подниметъ знамя мира, сложитъ оружіе, раскуетъ свой мечъ на возможныя цѣпи, рискнетъ принять національную смерть во имя спасенія всего человѣчества! Что значитъ гибель физическая, изчезновеніе съ лица земли того, что вѣчно въ духовномъ мірѣ, что незримо и неустанно продолжаетъ будить человѣческую совѣсть? Физическая смерть великихъ людей ничто, ибо созданное ими безсмертно. Земная гибель одного народа, которая послужила бы источникомъ возрожденія духовной жизни всего человѣчества, была бы славной и доблестной гибелью, какъ подвигъ всѣхъ павшихъ на полѣ жизни не за свою свободу, не за свое счастье.

Гдѣ бы ни пребывалъ нынѣ тотъ герой-народъ, которому суждено исполнить эту миссію мира, велика будетъ его награда на небесахъ, а на землѣ съ пламенной молитвой будетъ вспоминать о немъ человѣчество будущихъ расъ...

„О мирѣ всего мира Господу помолимся".

М. К.



Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженiе *).*

Пѣснь V.

1.

Арджуна сказалъ:

Отреченiе отъ дѣйствiй ты восхваляешь, о Кришна, и въ то же время Iогу! Что же изъ двухъ слѣдуетъ предпочесть? Скажи мнѣ объ этомъ рѣшительно.

2.

Благословенный сказалъ:

И отреченiе, и единенiе [1]) посредствомъ дѣйствiй рождаютъ высочайшее счастье; но, воистину, Iога превосходитъ отреченiе.

3.

Познай, какъ настоящаго аскета [2]), того, кто не ненавидитъ и не желаетъ; безъ двойственности [3]), о могущественный [4]), онъ воистину освобождается отъ оковъ.

4.

Дѣти, не мудрецы, говорятъ о Санкхiя [5]) и о Iогѣ, какъ о разномъ; тотъ, кто постояненъ хотя бы въ одномъ, достигаетъ плодовъ обоихъ.

---

*) (См. Вѣстникъ Теософiи № 3).

1) Въ текстѣ Iога—дѣйствiе, т. е. Iога путемъ отреченiя отъ дѣйствiй и отъ плодовъ ихъ. Iогу мы переводимъ „единенiе".

2) Буквально: неустанно-отрѣшающагося.

3) Въ текстѣ: безъ пары противуположностей.

4) Буквально: могуче-вооруженный.

5) Одна изъ школъ Веданты, стремящаяся къ духовному вѣдѣнiю.

5.

Мѣсто, достигаемое послѣдователями Санкхія, достигается также и послѣдователями Іоги. Тотъ зритъ вѣрно, кто видитъ, что Санкхія и Іога составляютъ одно.

6.

Безъ единенія [1]) воистину трудно достигнуть отреченія, о Могущественный; единеніемъ настроенный мудрецъ [2]) быстро достигаетъ Брахмы [3]).

7.

Тотъ, кто приведенъ въ гармонію единеніемъ, кто очистилъ себя, кто побѣдилъ свои чувства, надъ кѣмъ господствуетъ его Высшее Я, ставши единымъ съ высшей Сутью всего Сущаго, тотъ и дѣйствуя остается неизмѣннымъ.

8.

„Я не дѣйствую", долженъ думать достигшій сліянія [4]), познавшій Сущность вещей, даже видя, слыша, ощущая, обоняя, принимая пищу, двигаясь, почивая, дыша.

9.

Говоря, давая, хватая, открывая и закрывая глаза, онъ долженъ твердить: „Чувства приходятъ въ движеніе среди предметовъ чувствъ".

10.

Тотъ, кто дѣйствуетъ, возложивъ всѣ дѣянія на Предвѣчнаго, отрѣшившись отъ привязанностей [5]), тому грѣхъ не вредитъ, какъ не вредитъ вода листамъ лотоса.

11.

Отказавшись отъ привязанности [6]), іогъ дѣйствуютъ своимъ тѣломъ, душею, разумомъ и даже чувствами ради очищенія своего „я".

---

1) Мы Іогу все время переводимъ „единеніе".

2) Муни.

3) Т. е. Божественности.

4) Т. е. Іогой приведенный въ гармонію и слившійся съ Брахмой.

5) Т. е. отъ страсти и вожделѣній, отъ желанія что-нибудь имѣть или что-нибудь испытать.

6) Тоже.

12.

Достигшій слiянія, отрѣшившійся отъ плодовъ своей дѣятельности, обрѣтаетъ Вѣчный Миръ; недостигшій сліянія, побуждаемый желаніями, привязанный къ плодамъ, скованъ.

13.

Разумомъ отказавшись отъ дѣйствій, господинъ тѣла, властитель, пребывающій въ тѣлѣ, мирно пребываетъ въ девятивратномъ градѣ [1]), не дѣйствуя и не вызывая дѣйствій.

14.

Отъ Господа вселенной не исходитъ ни вмѣшательства, ни дѣйствія, ни соединенія дѣйствія съ его плодомъ; тѣмъ не менѣе, природа существуетъ.

15.

Не принимаетъ Господь ни грѣха, ни праведности отъ кого-либо. Мудрость окутана невѣдѣньемъ и потому смертные заблуждаются.

16.

Воистину, въ комъ невѣдѣнье уничтожено мудростью высшаго Я, въ томъ высшая мудрость сіяетъ подобно солнцу.

17.

Думая объ Этомъ [2]), погруженные въ Это, пребывающіе въ Этомъ, преданные лишь Этому, мудростью уничтожившіе свои грѣхи идутъ туда, откуда нѣтъ возврата.

18.

Мудрые смотрятъ одинаково [3]) на ученаго и смиреннаго брахмина, на корову, на слона, на собаку и даже на того, кто ѣстъ собаку [4]).

---

[1]) Тѣло, называемое также „градомъ Брахмы".

[2]) Это—Божественный Первоисточникъ Жизни безъ предиката и безъ атрибутовъ. То, Чему имени нѣтъ и передъ Чѣмъ можно лишь благоговѣйно склониться.

[3]) Т. е. видитъ Единую Божественную Суть за всѣми проявленными формами.

[4]) Паріи, не принадлежащіе ни къ одной кастѣ, ѣдятъ мясо; это считается большимъ грѣхомъ въ Индіи, такъ какъ мясо добывается убійствомъ. Вслѣдствіе этого къ нимъ относятся съ большимъ презрѣніемъ.

19.

Даже здѣсь на землѣ все побѣждается тѣми, чей разумъ уравновѣшенъ; Брахманъ [1]) безгрѣшенъ и уравновѣшенъ; поэтому они [2]) пребываютъ въ Брахманѣ.

20.

Съ установившимся яснымъ разумомъ пребывающій въ Брахманѣ и познающій Брахмана не радуется, получая пріятное, и не скорбитъ, получая непріятное.

21.

Тотъ, чье „я" отрѣшилось отъ внѣшнихъ соприкосновеній, находитъ отраду въ „Высшемъ Я" и, достигнувъ единенія, слилось съ Брахманомъ, тотъ вкушаетъ радость непреходящую.

22.

Возникающія отъ соприкосновенія радости воистину лоно страданія, ибо они имѣютъ начало и конецъ, о Каунтея; не въ нихъ находитъ радость мудрый.

23.

Тотъ, кто можетъ еще здѣсь, до своего освобожденія отъ тѣла, противостоять силѣ, рожденной желаніемъ и страстью, тотъ достигъ сліянія [3]), тотъ счастливый человѣкъ.

24.

Тотъ, кто счастливъ внутри, кто радуется внутри, кто освѣщается внутри, тотъ Іогъ, становясь Божественнымъ, вступаетъ въ міръ Господа [4]).

25.

Міра Господа достигаютъ тѣ Риши [5]), которыя уничтожили свои грѣхи, освободились отъ двойственности, обуздали себя и посвятили себя благу всѣхъ.

---

[1]) Предвѣчный.

[2]) Мудрые, подвижники.

[3]) Сліянія съ „Высшимъ Я" посредствомъ Іоги.

[4]) Въ Нирвану Брахмана.

[5]) Святые Индіи.

26.

Освободившіеся отъ желанія и страсти, обуздавшіе себя, владѣющіе собой и своими мыслями близки къ миру Господа.

27.

Отрѣшившись отъ внѣшнихъ соприкосновеній, устремивъ свой взоръ въ средостѣніе между бровями, урегулировавъ входящее и исходящее черезъ ноздри дыханія.

28.

Совершенно владѣя своими ощущеніями, чувствами и разумомъ, стремящійся лишь къ освобожденію муни [1]), побѣдившій желаніе, страхъ и гнѣвъ, воистину обрѣлъ свободу.

29.

Познавъ Меня, какъ Радующагося жертвой и духовнымъ подвигомъ, какъ могущественнаго Владыку міровъ и какъ Возлюбившаго все сущее. онъ обрѣтаетъ миръ.

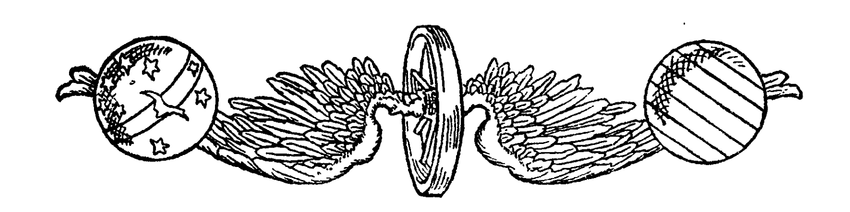
Такъ гласитъ V бесѣда славной Бхагавадъ-Гиты, именуемая Іога отреченія отъ дѣйствія.

Alba.

Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжетъ; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ?

(I Соб. Посл. отъ Іоанна).

[1]) Просвѣтленный мудростью подвижникъ.



Кризисъ мистической эволюціи Л. Андреева.

Вопросъ, къ чему живетъ человѣкъ, зачѣмъ онъ рождается, испытываетъ радости и страданія, терпитъ пораженія и одерживаетъ побѣды и затѣмъ умираетъ, имѣетъ ли вообще какой-нибудь смыслъ и его жизнь и жизнь всѣхъ людей—вопросъ этотъ всегда занималъ мыслящее человѣчество.

Философы, ученые, публицисты, поэты и беллетристы, каждый въ различныя эпохи своей жизни, всѣ пытались вырвать разгадку у многоликаго сфинкса, имя которому „жизнь", но мало найдется счастливцевъ, кто не терзался бы сомнѣніемъ, дѣйствительно ли въ одномъ изъ множества слышанныхъ имъ отвѣтовъ онъ обрѣлъ истину.

Вы не найдете автора, въ твореніяхъ котораго не было бы этого жгучаго вопроса, а вмѣстѣ съ нимъ прямого или молчаливаго отвѣта. У однихъ отвѣтъ этотъ рождалъ болѣе или менѣе стройную систему міропониманія, логическую, обоснованную, но увы, достовѣрную далеко не для всѣхъ; у другихъ это безсознательно выливалось въ опредѣленное отношеніе къ жизни, когда человѣкъ живетъ и проявляетъ извѣстную дѣятельность, не давая себѣ, однако, труда ясно и опредѣленно отвѣтить на вопросъ о задачѣ своей жизни, и какъ бы слѣдуетъ въ своихъ поступкахъ скрытому гдѣ-то внутри предположенію, что жизнь его самого и всего окружающаго міра имѣетъ какую-то самостоятельную цѣль. Такъ, если не словомъ, то дѣломъ, сознательно или безсознательно, человѣкъ всегда заглядываетъ въ лицо жизни и смерти и уходитъ съ какимъ-то отвѣтомъ и носитъ его съ собой до гробовой доски, ибо нельзя принять міръ, не принявъ его смысла, нельзя жить и безразлично относиться къ цѣли и значенію жизни.

Чѣмъ старательнѣе заграждается человѣкъ отъ мучительныхъ загадокъ, чѣмъ упорнѣе хочетъ онъ положить границу, далѣе которой не должна переступать его мысль, тѣмъ кошмарнѣе встаютъ мучительные въ своей неопредѣленности образы, тѣмъ глубже и невыносимѣе становится тоска невѣдѣнія и непостигаемости. И никуда не скрыться отъ нихъ человѣку, какой бы броней индифферентизма, невѣрія или раціоналистическихъ воззрѣній онъ ни защищался; въ минуты тоски, подавленности, на яву и въ сновидѣніяхъ, какъ вампиры терзаютъ они человѣка, и сколько бы онъ ни успокаивалъ себя, что тоска и неудовлетворенность его есть не болѣе какъ „разстройство функціональныхъ органовъ", отъ того не поблѣднѣютъ демоны сомнѣнія, тоски и грядущей бездны и не облегчится мука души.

Лишь когда износится тѣло, утомятся клѣтки, отупѣетъ умъ и вся жизнь, покрывшись флеромъ апатіи, перейдетъ въ безсознательное, автоматическое прозябаніе—лишь тогда начинаетъ обрѣтать человѣкъ отдыхъ, лишь тогда постепенно затихаетъ въ сознаніи сверлящій вопросъ „къ чему это все".

Современная литература вся цѣликомъ являетъ собой исторію мучительныхъ вопросовъ, исканій, раздвоенія человѣческой души вплоть до малодушныхъ попытокъ уйти отъ жизни, закрыть глаза на грядущее и на помощь въ борьбѣ съ кошмарами тоски и невѣдѣнія призвать разнузданность страстей и вожделѣній тѣла.

Мучительнымъ и дикимъ воплемъ прозвучало среди нихъ произведеніе Андреева. Въ немъ „чувствуется безконечный темный лѣсъ, и безнадежность, и страхъ, чувствуется одиночество и тоска". Сорваны всѣ покровы, опрокинуты ширмы, что всегда стоятъ между авторомъ и зрителемъ, далеко отброшены всѣ условности красоты, искусства и художественности и въ безстыдной наготѣ всталъ вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни.

У дѣйствующихъ лицъ нѣтъ индивидуальностей, нѣтъ красокъ, нѣтъ даже именъ, проходятъ какіе-то фантомы, символы человѣческихъ свойствъ, которыя „въ каждомъ изъ обладателей ихъ достигаютъ крайняго развитія", трагическія каррикатуры людей, среди которыхъ центральное мѣсто принадлежитъ „человѣку", какъ и онѣ, не выразителю опредѣленнаго типа, а просто лучшему экземпляру человѣческой породы „дѣятельно свободному и гордому".

Отъ рожденія и до смерти проходитъ предъ нами его жизнь, куда, какъ въ схему, должна вмѣщаться жизнь каждаго, кто можетъ считаться однимъ изъ представителей породы людей, въ

противуположность звѣриной породѣ. Обстановка пьесы построена такъ, чтобы и на ней не было отпечатка индивидуальности, а заключался лишь символъ обстановки, чтобы не было постоянныхъ ширмъ между произведеніемъ и зрителемъ—вѣдь люди такъ боятся страданій и потому инстинктивно стараются поставить преграду между собой и чужими муками. Проходятъ предъ ними картины несчастія, горя и тяжелыхъ переживаній человѣка, и загорается сердце наше сочувствіемъ, желаніемъ помочь и сострадать, а тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ нашего сознанія шевелится иногда почти несознаваемая мысль:—страдаетъ онъ, а не я, страдаетъ потому, что таковы условія, его окружающія; я нахожусь въ иныхъ условіяхъ, для меня нѣтъ опасности именно такъ страдать, крѣпнетъ чувство „отдѣльности", и все выше, выше становится преграда между зрителемъ и авторомъ.

Нивеллируя дѣйствующихъ лицъ и обстановку ихъ окружающихъ, Андреевъ стремится перенесть зрителя изъ зала на самую сцену, чтобы не могъ онъ сказать: это не мои страданія, не мое горе и радость, и уйти такимъ образомъ отъ остроты переживаній. Таковъ замыселъ автора.

А для того, чтобы малодушные и слабые духомъ трусливо не пытались втиснуть въ схему автора конкретное, но лично имъ чуждое содержаніе, не пытались поднять такимъ образомъ опрокинутыя ширмы и отдѣлить себя отъ пьесы, на сценѣ безотлучно стоитъ „Нѣкто въ сѣромъ, именуемый Онъ". „Твердымъ, холоднымъ голосомъ, лишеннымъ волненія и страсти, точно наемный чтецъ, съ суровымъ безразличіемъ читающій Книгу Судебъ", разъясняетъ онъ значеніе того, что происходитъ предъ зрителемъ, и страшнымъ холодомъ цѣпенѣетъ сердце отъ простоты его разъясненій и нѣтъ уже мѣста, куда скрыться отъ вопроса о цѣли жизни и смерти.

Дикіе вопли отчаянія и муки переплетаются съ радостью и счастіемъ, вѣра, сомнѣніе со страхомъ и заботами, цѣлый хоръ голосовъ человѣческихъ раздается на сценѣ—и это знаменуетъ лишь одно: „Человѣкъ родился" и только всего. Смотрите на пламень свѣтильника, только на пламень смотрите—это жизнь Человѣка.

Проходятъ картины любви, надеждъ, свѣтлой и прекрасной радости. „Ярко, высоко и бѣло пылаетъ свѣча и бросаетъ сильные блики". Человѣкъ силенъ, „легокъ и быстръ, какъ молодое животное". Гордо и свободно звучитъ его рѣчь—онъ зоветъ на бой судьбу, онъ готовъ на подвиги безпримѣрной силы, онъ преис-

полненъ благородной отваги, онъ даже великъ. Зритель готовъ былъ забыться, уже хочетъ отдохнуть его тревожно бьющееся сердце, нервы хотѣли бы выйти изъ мучительнаго напряженія, но недаромъ стоитъ этотъ „крупно и тяжело, точно высѣченный изъ камня—Онъ". Равнодушный голосъ уже заранѣе сказалъ, что не нужны подвиги, борьба, сила и отвага; случай все рѣшилъ, счастье уже идетъ само къ человѣку, „но не знаютъ объ этомъ ни онъ, ни она. Такъ приходитъ къ человѣку счастье и такъ же уходитъ оно".

А вотъ и картина счастья! Человѣкъ въ зенитѣ богатства и славы. Однообразно пиликаютъ польку три музыканта, похожіе на свои инструменты. „Мечтательно танцуютъ дѣвушки и молодые люди, всѣ очень красивые, изящные, стройные". Рѣжущими глазъ штрихами подчеркивается антитеза грезъ и дѣйствительности, идеальныхъ стремленій человѣка и осуществленія ихъ. До фальши каррикатурна пошлость гостей, благородство друзей и низость враговъ Человѣка. Золото на стѣнахъ, карнизахъ и мебели. Дѣтски грубые неуклюжіе штрихи, умышленная рѣзкость абрисовъ. Какая-то вопіющая дисгармонія! А надъ всѣмъ этимъ стоитъ молчаніе того, кто именуется „Онъ". Зачѣмъ же здѣсь Онъ „вѣрный спутникъ Человѣка во всѣ дни его жизни, на всѣхъ путяхъ его"? Пусть зритель не забываетъ, что человѣкъ лишь „покорно свершаетъ кругъ желѣзнаго предначертанія"! Вѣдь смыслъ картины счастья человѣка только одинъ: „Таетъ воскъ, съѣдаемый огнемъ, и пламя даетъ желтые блики".

Такъ приходитъ счастье и такъ уходитъ оно. Нѣтъ уже таланта, ушли слава и богатство, угасаетъ и послѣдняя надежда—умираетъ сынъ Человѣка.

Тотъ же случай, что принесъ счастье, уноситъ и послѣднюю надежду. Какой то злой человѣкъ разбилъ ему изъ-за угла голову и убѣжалъ. Почему, за что?—не все ли равно, да и бываютъ ли отвѣты на эти вопросы; у доктора въ записной книжкѣ много подходящихъ случаевъ: „ребенокъ, у котораго болитъ горло, и онъ задыхается; господинъ, подавившійся костью; человѣкъ, сошедшій съ ума и зарубившій жену и дѣтей топоромъ; дѣвушка, у которой перестало биться сердце". Всѣ эти случаи одинаково хороши для пьесы подъ заглавіемъ „Жизнь Человѣка", и если вамъ не нравится этотъ случай, возьмите другой изъ книжки доктора: у него много въ запасѣ и другихъ.

Вновь на сценѣ звучитъ дикій хоръ, въ клочки рвется человѣческое сердце, корчится оно въ судоргахъ отчаянія и вѣры,

молитвы, жгучей, какъ расплавленный свинецъ, и проклятiй, безсмысленныхъ и неистовыхъ.

И снова молчитъ „нѣкто въ сѣромъ", равнодушно внимая молитвѣ и проклятiю, лишь пламя жизни колеблется, точно раздуваемое вихремъ.

Но вотъ „далекимъ и призрачнымъ эхомъ прошла съ ея скорбями и радостями быстротечная жизнь человѣка".

„Свершенъ кругъ желѣзнаго предначертанiя" и „сгинулъ человѣкъ безслѣдно въ безграничности временъ". Среди кошмарныхъ видѣнiй и тривiальной пошлости обыденной жизни, одиноко умеръ Человѣкъ, и погасло пламя свѣчи.

Сыграна пьеса жизни и остается лишь кошмарный вопросъ о жизни и смерти и нѣтъ никакого отвѣта.

Подавленный и одинокiй, уходитъ зритель, и нѣтъ даже силы къ негодованiю на автора, что не захотѣлъ въ себѣ пережить моменты, родившiе пьесу, а бросилъ ихъ мiру.

Да и можно ли негодовать на человѣка, когда онъ кричитъ отъ невыносимой боли? Пусть крикъ его негармониченъ и терзаетъ вашъ слухъ, пусть всѣ законы красоты и эстетики имъ дерзко нарушены. Развѣ хватитъ у васъ духа бросить упрекъ? Развѣ страданiя не даютъ права хотя бы на крикъ?!

Въ литературѣ пьеса вызвала оживленные толки, обусловливаемые ея сценической постановкой и театральнымъ успѣхомъ. Поговорили о ея художественномъ значенiи, поспорили о значенiи отдѣльныхъ символовъ — персонажей и на томъ покончили. А по существу поставленнаго вопроса—ни слова. „Вы замѣчали,— говорятъ старухи Андреева,—какъ одинокъ всегда крикъ человѣка: всѣ говорятъ, и ихъ не слышно, а кричитъ одинъ, и кажется, что все другое молчитъ и слушаетъ". Такимъ одинокимъ остается и крикъ всего произведенiя.

Да и могло ли быть иначе? Вѣдь нельзя же путемъ литературной критики рѣшать вопросъ о смыслѣ жизни. Можно лишь удивляться смѣлости автора, что первый не побоялся поставить этотъ вопросъ въ фокусѣ пьесы и сконцентрировать на немъ вниманiе зрителя, умышленно уничтоживъ все, что могло бы отвлечь его.

Съ появленiемъ „Анатемы" „Жизнь человѣка" опять прiобрѣла новый интересъ. Читая „Анатему", нельзя не обращаться мыслями назадъ къ „Жизни Человѣка". Несмотря на совершенно различное содержанiе и иную манеру письма, эти произведенiя органически связаны между собой единствомъ творческихъ пере-

живаній. Если въ „Жизни Человѣка“ стоитъ одинъ лишь безпощадный вопросъ, то въ „Анатемѣ“ вмѣстѣ съ вопросомъ есть отвѣтъ. Мрачная, бездушная пустота, окутывающая „Жизнь Человѣка“, смѣняется яркимъ свѣтомъ глубокихъ мистическихъ переживаній. Миновалъ кризисъ невыносимой тоски, одиночества и безпочвенности, и Андреевъ на новомъ пути чаянія принять міръ съ его страданіями. надеждами, страхомъ и тоской. Не „безслѣдно сгинетъ человѣкъ“ въ безграничности временъ. Не „въ слѣпомъ невѣдѣніи совершаетъ человѣкъ кругъ желѣзнаго предначертанія“. Надъ человѣкомъ стоитъ „Великій Разумъ вселенной“. Все отъ него исходитъ и къ нему приходитъ, и есть смыслъ въ желѣзномъ кругѣ предначертанія. Ограниченъ зрѣніемъ, ограниченъ знаніемъ, слѣпъ невѣдѣніемъ человѣкъ въ своей человѣческой природѣ, но хранитъ онъ въ себѣ и возможность безсмертія свѣта и огня. Жалокъ и несчастенъ человѣкъ въ мірѣ чиселъ, мѣры и вѣса, но безконечно великъ во вселенной и Вѣчности, куда свободенъ доступъ ему и закрыты входы для Анатемы,—символа ограниченности физической природы.

Вся ограниченность и конечность природы человѣка и міра физическаго воплощена Анатемой. Онъ безсмертенъ, пока существуютъ числа, мѣра и вѣсъ; онъ великъ и могучъ, но только здѣсь. Для жизни вселенной, для безсмертія за предѣлами физическаго и умопостигаемаго міра—„безсмертія свѣта и огня“, какъ выражается Андреевъ, онъ еще не родился, ибо преданъ великому заклятію раздѣлять судьбу только этого міра.

Какъ и человѣкъ, Анатема страстно жаждетъ постигнуть начало бытія, но, будучи воплощеніемъ одного лишь Разума, онъ горитъ желаніемъ воспринять Начало Бытія такъ, какъ воспринимаются имъ явленія физическаго міра: „дай заглянуть мнѣ въ Вѣчность, открой мнѣ лицо, назови мнѣ имя“. Но Анатема чуждъ „голосу безмолвія“, и трагически непонятенъ ему отвѣтъ: „Мое лицо открыто, но ты его не видишь. Моя рѣчь громка, но ты ея не слышишь. Мои велѣнія ясны, но ты ихъ не знаешь“.

Анатема великъ, безсмертенъ и могучъ, и во власть его отданъ человѣкъ, онъ тѣсно связанъ съ судьбой человѣчества, и люди, любимыя дѣти Божества, быть можетъ, помогутъ ему открыть тайну. Вѣдь и человѣкъ жаждетъ истины и томится невозможностью постичь ее разумомъ. „Освѣти путь Діаволу и человѣку. Все въ мірѣ хочетъ добра и не знаетъ, гдѣ найти его; все въ мірѣ хочетъ жизни и встрѣчаетъ только смерть“. Рядъ картинъ проносится, гремятъ голоса проклинающихъ, изнемо-

гающихъ подъ бременемъ зла, „дерзающихъ безплодно, тоскующихъ безконечно и страшно“. Жадно прислушивается Анатема, не грянетъ ли громъ съ небесъ и не проявится ли Тайна. Тревожно спрашиваетъ онъ у человѣка: „Имя, Имя? Ты знаешь его имя? Ты обманулъ меня“? Вмѣстѣ съ человѣкомъ страдаетъ Анатема, но различны пути ихъ. Анатема не можетъ жалѣть, Анатема не можетъ любить — „у преданнаго заклятію нѣтъ сердца, его грудь нѣма и неподвижна, какъ сѣрый камень, который не дышитъ“. Ему чуждъ голосъ безмолвія — мимо Анатемы идутъ велѣнія Божества и доходятъ къ человѣку и даютъ ему то безсмертіе дѣйствительной жизни, котораго навсегда лишенъ несчастный духъ. Мудрый, великій Анатема въ своемъ грядущемъ безконечно ниже слабаго жалкаго человѣка, которому дано постигать интуиціей то, чего не можетъ постигнуть Анатема, лишенный сердца, лишенный органа воспріятія сверхчувственнаго міра.

Подобная концепція Анатемы, какъ воплощенія пытливаго ума всего человѣчества въ безконечной возможности его развитія, воплощеніе „малаго разума“, совершенно оригинальна. Не только человѣчество, но вся физическая природа вселенной, вся матерія воплощается Анатемой. Лишенная высшихъ началъ, она свершаетъ кругъ желѣзнаго предначертанія и не можетъ эволюціонировать, пока не родится для дѣйствительной жизни. Анатема не падшій Ангелъ, возставшій противъ могущества Бога, ибо Ангелъ былъ близокъ къ Богу, онъ зрѣлъ истину и знаетъ ея велѣнія и лишь волю свою имъ противопоставилъ. Анатема никогда не зналъ истины, въ немъ нѣтъ антитезы къ Богу — онъ лишь жадно ищетъ ея, но идетъ тѣмъ путемъ, который къ истинѣ привести не можетъ. Его возстаніе—возстаніе раба, не знающаго, не постигающаго велѣній своего Господина; это бунтъ „безсмертной слѣпоты“ и отчаянія: зло міра ему не нужно, такъ какъ нужна лишь истина; ко злу онъ прибѣгаетъ лишь какъ къ средству узнать истину, ибо другое средство—любовь и добро—ему непонятно. Если бы могъ, онъ готовъ былъ бы жалѣть своихъ жертвъ, ибо самъ безконечно страдаетъ. Въ „тоскѣ безсмертной слѣпоты молитъ онъ, дай мнѣ смерть, но не терзай невѣдѣніемъ“.

Такъ всемѣрно хочетъ Андреевъ подчеркнуть невозможность разрѣшенія загадки жизни и смерти путемъ „малаго разума“, логическихъ разсужденій.

Давидъ воплощаетъ собой все человѣчество, заключающее въ себѣ возможности и Анатемы и Бога. Слабый, больной еврей,

онъ игрушкой является въ рукахъ Анатемы, когда тотъ дѣйствуетъ на его разумъ, но безконечно великъ, когда самъ слѣдуетъ голосу сердца, голосу любви. Велика тогда пропасть между ними и различны пути ихъ. „Мы люди и пойдемъ вмѣстѣ", говоритъ онъ Анатемѣ, предлагающему бѣгство: „И мы пойдемъ вмѣстѣ — сюда братья, сюда". Не голосомъ разума гонитъ онъ Анатему, „Молчи, ты чужой. Ты не знаешь ни жалости, ни пощады. Мы истомились, мы устали — уже мертвые устали ждать. Сюда, и мы пойдемъ вмѣстѣ. Сюда!"

Но Давидъ Лейзеръ все-таки человѣкъ и не можетъ отказаться отъ требованій разума, не можетъ быть глухъ къ Анатемѣ. Сѣверъ и югъ, востокъ и западъ четырьмя океанами слезъ легли у ногъ Давида, умоляя о помощи; во имя разума требуютъ они отъ него реальнаго доказательства могущества Любви, требуютъ исцѣленій, чудесъ, утоленія голода и страданій; во имя законовъ физическаго міра они настойчивы, „какъ дитя у груди матери". „Не все ли я имъ отдалъ—стенаетъ Давидъ,—не всѣ ли выплакалъ я слезы? Не всю ли кровь изъ сердца я отдалъ имъ?". Разумъ и Анатема говорятъ Давиду: Ты старый, больной человѣкъ, у тебя нѣтъ ничего. „Не обманула ли Лейзера любовь? Она сказала: я сдѣлаю все — и только пыль подняла на дорогѣ, какъ слѣпой вѣтеръ изъ-за угла". Давидъ хочетъ ударить людей правдой — правдой разума, хочетъ сказать имъ, что безсильна его любовь, что не въ силахъ онъ утолить ихъ страданья. Но правда Анатемы не правда Давида; есть правда любви, которая не постигается разумомъ: „со мной что-то дѣлается: у меня нѣтъ ничего, но вотъ я вышелъ къ нимъ, но вотъ увидѣлъ я ихъ и вдругъ почувствовалъ, что это неправда — у меня есть что-то. И говорю, а самъ не вѣрю; говорю, а самъ стою съ ними и кричу противъ себя и требую яростно. Устами я отрекаюсь, а сердцемъ я обѣщаю, а глазами кричу: да, да, да!"

Анатема улыбается, какъ улыбается разумъ, когда твердитъ горячее, полное любви сердце, вопреки законамъ разсудка и логики; жизнь свою отдаетъ Давидъ людямъ: „Убей меня,—молится онъ,—и встрѣть ихъ милостью, любовью твоею взыщи. Тѣломъ моимъ утучни голодную землю и возрасти на ней хлѣбъ, душой моей утоли печаль, и смѣхъ возрасти". Гнѣвъ ослѣпленія, гнѣвъ неудовлетворенія встрѣчаетъ Давида. Но не требуетъ уже Давидъ защиты разсудка, навстрѣчу людямъ идетъ, въ жертву себя онъ отдаетъ и отталкиваетъ Анатему словами: „Ты врагъ". Здѣсь конецъ жизни Давида и его жертвы. Здѣсь Анатема торжествуетъ

побѣду — но въ дѣйствительности побѣдилъ Давидъ. Великую жертву принесъ Давидъ, отъ всего отказался и все пріобрѣлъ. Душу свою погубилъ, чтобы спасти ее, и разумъ безсиленъ передъ глубиной мистической тайны. „Не мѣрою измѣряется и не числомъ вычисляется и не вѣсами взвѣшивается то, чего ты не знаешь Анатема. Погибшій въ числахъ, мертвый въ мѣрѣ и вѣсѣ, Давидъ достигъ безсмертія въ безсмертіи огня“.

Такова эволюція Андреева отъ „Жизни Человѣка“ къ „Анатемѣ“. Тамъ человѣкъ весь во власти Анатемы, для него нѣтъ возможности выйти изъ желѣзнаго круга, ибо Андреевъ не видитъ въ немъ безсмертнаго начала, возвышающаго его надъ окружающей природой. Существованіе Разума Вселенной, Великаго начала бытія еще не открылось въ мистической эволюціи Андреева, нѣтъ антитезы человѣка и Анатемы, нѣтъ и яснаго представленія объ Анатемѣ. Нѣкто въ сѣромъ — невѣдомый Рокъ, слѣпой случай, предначертаніе, и никакой связи у него съ человѣкомъ не можетъ быть. Въ Анатемѣ преемникомъ Нѣкоего въ сѣромъ является „Нѣкто ограждающій входы“. Все въ немъ загадочно, но онъ уже не чуждъ человѣку. Онъ не „наемный чтецъ, съ суровымъ безразличіемъ читающій книгу Судебъ“, но самъ носитель двухъ началъ. Онъ посредникъ двухъ міровъ, „словно щитъ огромный, сбирающій всѣ стрѣлы, всѣ мольбы, всѣ чаянія, укоры и хулы“.

Человѣкъ не чуждъ ему, ибо самъ ограждающій входы носитъ въ себѣ начало человѣческое, онъ не равнодушенъ къ человѣку, ибо къ человѣку идутъ его велѣнія, для человѣка открыто его лицо, для человѣка звучитъ его рѣчь.

Духовная эволюція Андреева отразилась не только въ содержаніи пьесы, но и на всей манерѣ письма. Вмѣсто неясныхъ обликовъ, передъ нами проходятъ живые люди. Давидъ Лейзеръ, страдающій, исполненный горячей любви и желанія помочь всему человѣчеству, со всѣми слабостями и недостатками, Сура— его жена, Роза, Безкрайній, Пурикесъ—всѣ они писаны красками, а не штрихами, всѣ живутъ и чувствуютъ какъ люди, а не какіе-то фантомы; это не каррикатурные гости, враги и друзья, которые должны являть собой не людей, а лишь свойства ихъ. Видно, что автору не важно держать зрителя въ фокусѣ нравственно философскаго вопроса, а нужно лишь вести по кровавому слѣду страдающей души, не нужны искусственные пріемы тамъ, гдѣ развивающаяся трагедія конфликта сердца и разума, любви и равнодушія сама захватитъ и поведетъ зрителя на тѣ высоты, которыхъ хочетъ достигнуть авторъ.

Можно спорить конечно, насколько достигъ авторъ поставленной имъ задачи, насколько „Анатемой" разрѣшилъ онъ вопросъ „Жизни Человѣка". Можно оспаривать наконецъ и самую возможность драматическими произведеніями разрѣшать мистико-философскія проблемы.

Литературная критика этихъ двухъ произведеній вовсе и не входила въ мою задачу. Я хотѣлъ лишь показать эволюцію духовнаго творчества Андреева, повидимому посвященнаго исключительно религіозно-философскимъ проблемамъ. „Левъ Толстой, Ницше и Библія—вотъ три главныхъ фактора въ умственной эволюціи, умственномъ кризисѣ Леонида Андреева", говоритъ одинъ изъ критиковъ по поводу Андреева, и нужно признать, что если вліяніе Ветхаго Завѣта замѣтно въ жизни человѣка, то въ Анатемѣ громко звучитъ и Новый Завѣтъ, чѣмъ объясняются и тѣ случайныя сближенія, которыя дѣлалъ Андреевъ въ жизни Давида съ нѣкоторыми моментами изъ жизни Іисуса Христа. Я говорю случайныя сближенія, такъ какъ ни на одну минуту не вижу возможности предположить, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ слишкомъ дальновидныхъ критиковъ, что въ Давидѣ Лейзерѣ Андреевъ хотѣлъ нарисовать Христа. Для такого предположенія абсолютно нѣтъ никакихъ данныхъ, кромѣ случайныхъ штриховъ. Нужно не знать или забыть все ученіе Христа, нужно отбросить изъ него то, что составляетъ откровеніе всего человѣчества, чтобы усмотрѣть въ Давидѣ Лейзерѣ какое-либо отдаленное сходство со Христомъ.

Давидъ Лейзеръ, который никогда и ничему людей не училъ, который ничего имъ не принесъ, кромѣ своего больного, изстрадавшагося сердца, который самъ является воплощеніемъ человѣчества со всѣми его слабостями, не можетъ ни при какихъ самыхъ вольныхъ толкованіяхъ символизировать Іисуса Христа, который для однихъ Сынъ Божій, для другихъ—невѣрующихъ—все же Великій Учитель и основатель міровой религіи. Если въ Давидѣ Лейзерѣ есть черты Іисуса Христа, то лишь тѣ, которыя есть въ каждомъ изъ насъ, ибо не нужно забывать, что Сынъ Божій есть и Сынъ Человѣческій, что каждый, кто слѣдуетъ Ему, несетъ и крестъ Его, беретъ на себя и Голгоѳу и съ Христомъ сораспинается.

Навѣянныя Новымъ Завѣтомъ черты изъ земной жизни Іисуса могли конечно отразиться на созданіи облика Давида, какъ представителя человѣчества. Если задачей Андреева было дать образъ человѣчества, страдающаго во имя любви, дать художе-

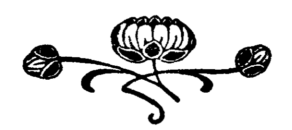
ственную концепцію всего лучшаго и прекраснаго въ человѣчествѣ, соединивъ эти черты въ одномъ лицѣ, то гдѣ же искать выраженіе этихъ чертъ, какъ не въ Томъ, Кто былъ не только Сыномъ Божіимъ, но и Сыномъ Человѣческимъ. Но Іисусъ, сынъ Маріи, кромѣ того, былъ Христомъ и Спасителемъ и какъ таковой принесъ величайшее откровеніе людямъ. Онъ воскресъ и далъ намъ Новый Завѣтъ съ Богомъ. Не значитъ ли забывать Божественныя свойства Іисуса Христа, усматривая въ Давидѣ, человѣкѣ отъ начала и до конца, обликъ Спасителя міра? Дѣлать же предположеніе, что представленіе Л. Андреева о Христѣ исчерпывается лишь его человѣческими свойствами, исчерпывается Давидомъ Лейзеромъ, — это значитъ гадать и нехорошо гадать. Въ „Іудѣ Искаріотѣ" Л. Андреевъ далъ намъ свое представленіе о Христѣ и Его Апостолахъ. Въ словахъ Давида мы также встрѣчаемъ намекъ на великое событіе жизни человѣческой, („Не взять ли мнѣ веревку и, повѣсивъ на деревѣ, не удавиться ли мнѣ, какъ тому, кто предалъ однажды"), которое исключаетъ возможность думать, что Л. Андреевъ, создавая Давида, думалъ объ изображеніи именно этого событія.

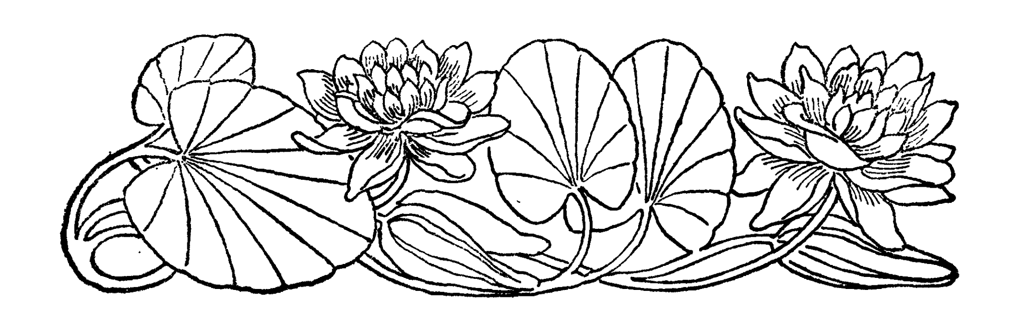
Нѣтъ, Давидъ Лейзеръ, какъ и самъ онъ говоритъ—простой человѣкъ, и лишь слѣдуя Христу и Великой заповѣди его онъ сораспинается ему и въ жертвѣ своей находихъ искупленіе, безсмертіе и счастіе, ибо

„Кто крестъ однажды взялся несть,
Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно,
И если въ жертвѣ счастье есть,
Онъ будетъ счастливъ безконечно".

Вендъ.

Кіевъ, 20 января 1910 г.





Какъ я увидѣла домъ своего сна.

Первый жуткій сонъ, который я видѣла, былъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ моемъ, когда мнѣ было всего года четыре: я видѣла во снѣ два греческіе храма съ колонами, одинъ направо, другой налѣво (я уже гораздо позднѣе поняла, что это были греческіе храмы). Первый былъ запертъ, а у самаго входа второго зіялъ глубокій темный спускъ въ черное подземелье. Жутко было то, что кругомъ нихъ была неподвижная тишина; я упала и покатилась прямо къ черной пропасти; тогда я услышала голосъ Бога: „смотри, не упади въ яму“ сказалъ Онъ, и я проснулась въ испугѣ. Первое же сознательное чувство мистическаго страха я могу отнести къ періоду своего дѣтства, когда мнѣ было лѣтъ пять. Я разсматривала книжку съ картинками, на одной изъ нихъ были изображены сумерки въ комнатѣ съ окномъ, рама котораго была изъ мелкихъ переплетовъ; въ окнѣ были видны высокія деревья, изъ за которыхъ поднималась полная луна. Въ этой комнатѣ находились отецъ съ сыномъ; мальчикъ стоялъ лицомъ къ окну и смотрѣлъ въ него, а отецъ, нагнувшись къ нему, говорилъ: „regarde, mon fils, la lune Se léve derière les sauls pleureurs et les bouleaux“. Картинка была однотонная розовато-сѣроватая и пахла новою печатью, и мнѣ вдругъ стало ужасно страшно отъ окна съ мелкимъ переплетомъ. И съ тѣхъ поръ я стала бояться и луны и словъ: „sauls pleureurs“ и „bouleaux“. Они мнѣ напоминали страшное окно и я плакала. Послѣ этого я начала часто видѣть сонъ, который меня преслѣдовалъ почти каждую ночь, такъ что я начала бояться ложиться спать. Мнѣ снился домъ, невысокій, старинный, но не такой какъ дома въ Россіи и также онъ былъ не въ деревнѣ (города я еще не знала, т. к. родилась и росла въ деревнѣ). Я

видѣла его во снѣ, то снаружи, то изнутри. Видѣть его снаружи было не такъ страшно, но видѣть его внутри было до того жутко, что я просыпалась, дрожа какъ въ лихорадкѣ. Тамъ былъ длинный коридоръ, по которому я проходила; въ него выходили двери, которыя всегда были заперты и за ними слышался глухой гулъ голосовъ моихъ предковъ (я тогда знала это слово и по французски говорила „les ayeux“). Что было въ концѣ коридора, я никогда не могла узнать, потому что просыпалась въ ужасѣ. Этотъ сонъ меня преслѣдовалъ и въ дѣтствѣ и въ юности и тогда, когда я была замужемъ и у меня уже были дѣти.

Онъ прекратился послѣ смерти одной дамы, съ которой мы очень подружились, такъ что два года жили съ ней душа въ душу въ одномъ городѣ, изъ котораго потомъ мы уѣхали.

Она вскорѣ умерла и послѣ ея смерти мнѣ опять приснился страшный домъ и я опять шла по длинному коридору, двери также были заперты, но за ними было тихо и потому я не проснулась отъ страха, а дошла до конца и, поднявшись по маленькой лѣстницѣ, вошла въ просторную комнату, посреди которой билъ небольшой фонтанъ, окруженный низенькой баллюстрадой съ пузатыми точеными колонками; тамъ стояла моя знакомая дама и радостно улыбалась, и я проснулась.

Съ тѣхъ поръ кончился мой сонъ, но чувство страха при видѣ оконъ съ мелкимъ переплетомъ не прекращается и до сихъ поръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я помню себя, одно изъ самыхъ яркихъ моихъ чувствъ было—обожаніе готики, томленіе по средневѣковымъ домамъ, по старымъ готическимъ церквамъ.

Это томленіе я положительно могу назвать „Исканіемъ“. Въ дѣтствѣ любимыя игрушки мои были вырѣзные средневѣковые дома и люди въ старинныхъ одеждахъ,—ярко представлялась мнѣ жизнь ихъ, полная драмъ. Самой же себѣ я представлялась не иначе, какъ юношей, тонкимъ и стройнымъ, въ средневѣковой одеждѣ (венеціанской, какъ послѣ узнала я) и я его въ себѣ любила; позднѣе я связывала это чувство съ представленіемъ объ инквизиціи и мукахъ за любовь къ прекрасной молодой женщинѣ.

Разъ, когда мнѣ было лѣтъ 10, я увидѣла въ магазинѣ эстамповъ небольшую картинку, поясное изображеніе бѣлокурой, кудрявой дѣвушки въ голубомъ платьѣ; она нѣжной рукой прижимала къ груди нѣжную розу и чистая улыбка ея была ласкова и печальна. Эта картинка была моя первая и самая сильная въ жизни личная любовь. Она стоила одинъ рубль и я долго копила эти деньги изъ своихъ дѣтскихъ сбереженій и наконецъ пріобрѣла ее.

Нельзя передать того чувства поклоненія и обожанія, которое я испытывала къ ней, и за это она ласково улыбалась мнѣ и прижимала къ груди свою нѣжную розу. Не припомню сколько времени продолжалась эта счастливая пора и куда потомъ исчезла она. Я училась дома и бабушка давала мнѣ сама уроки французскаго языка. Мнѣ было позволено отвѣчать грамматику, сидя на коврѣ у ея ногъ. Я очень любила этотъ коверъ, потому что на немъ были вытканы розы и можно было воображать себя въ саду, на берегу рѣки (это былъ блестящій полъ).

Иногда же этотъ коверъ представлялся мнѣ плиточнымъ поломъ средневѣковой комнаты, а складной камышевый стулъ—огромнымъ пылающимъ каминомъ, около котораго я грѣюсь; тогда я совершенно забывала про бабушку и про урокъ, начинала какъ бы дремать и воображеніемъ уносилась въ средніе вѣка. Языкъ мой отвѣчалъ урокъ самъ по себѣ, а я, смѣлый и ловкій юноша, мчался въ лѣсахъ на охотѣ на бѣломъ конѣ...

„qu'est ce que c'est la grammaire française"? спрашиваетъ бабушка; я слышу какъ мой языкъ отвѣчаетъ: „la grammaire est l'art de parler et d'écrire correctement", а сама скачу въ лѣсу на бѣломъ конѣ, на рукѣ моей соколъ, и я догоняю кавалькаду рыцарей и дамъ въ средневѣковыхъ костюмахъ и я удивляюсь, что мнѣ надо отвѣчать бабушкѣ и она кажется мнѣ докучнымъ привидѣніемъ. „Assez", говоритъ она „tu as très bien répondu ta leçon",—я просыпаюсь около складного стула, который былъ каминомъ въ средніе вѣка, мнѣ дѣлается неизъяснимо грустно, я прижимаюсь къ нему лицомъ и тоскую о старинѣ, на глазахъ появляются слезы..... Съ годами измѣнилась жизнь моя и средніе вѣка стали отдаленнѣе; стройный юноша сталъ стройной дѣвушкой, которая усердно училась музыкѣ и выѣзжала въ свѣтъ, потомъ она вышла замужъ... Съ тѣхъ поръ прошелъ длинный періодъ жизни, полной самыхъ сильныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, и готика была забыта... Мы были въ Будапештѣ на конгрессѣ, это было прошлымъ лѣтомъ. Интересъ конгресса былъ такъ великъ, что не приходило мысли осматривать городъ и его достопримѣчательности и только когда соотечественники наши разсказали про интересный старый городъ и удивительную старинную церковь, я рѣшилась пожертвовать нѣсколькими часами, чтобы осмотрѣть ихъ. Мы вдвоемъ съ другомъ моимъ отправились туда и, перейдя длинный мостъ, поднялись въ гору на подъемной жел. дорогѣ и пошли направо къ церкви Св. Матіаса. Мы шли по широкой дорогѣ; вправо подъ нами былъ Дунай и за нимъ великолѣпный

новый городъ, влѣво надъ остатками старой стѣны были дома и сады. „Позвольте мнѣ взглянуть на эту старую дверь въ стѣнѣ", сказала я моей спутницѣ. Меня охватило волненіе при видѣ этой маленькой двери, закрытой ржавой рѣшеткой; полуразвалившаяся узенькая лѣстница, поворачиваясь, уходила въ толщину и темноту стѣны, уводя туда съ собой мои тревожно-смутныя мысли, и мнѣ было трудно оторваться отъ нихъ. Когда мы поднялись въ гору по великолѣпнымъ ступенямъ и галлереямъ, я сказала: „все это красиво, но ново". Почемъ я это знаю? подумала я. Великолѣпный видъ Дуная и дали за городомъ глубоко умиляли меня. Мы пошли къ церкви мимо памятника Святого Короля. Въ церковь пришлось войти боковымъ входомъ, главная дверь ремонтировалась. Мы прошли мимо винтовой лѣстницы, которая вела на хоры и въ подвалъ, и вошли въ маленькую sacristie, гдѣ сильно пахло ладаномъ и оттуда прошли въ храмъ. Чувство благоговѣнія охватило меня раньше, чѣмъ я успѣла его разсмотрѣть, и я опустилась на дубовую скамью. Таинственно свѣтились окна великолѣпными цвѣтными стеклами своими и тихо пѣли о старинѣ. Мнѣ стало трудно говорить и я пошла въ самую глубь церкви, куда влекло меня неясное чувство; я подошла къ старинной часовнѣ,—она была заперта желѣзной рѣшеткой, тамъ было полутемно, и тусклый свѣтъ едва проникалъ черезъ старинныя цвѣтныя стекла блѣдныхъ оттѣнковъ... Все мнѣ казалось роднымъ и близко знакомымъ въ этой часовнѣ, кромѣ статуи мадонны, которая казалась мнѣ совсѣмъ чужой. Видя, какъ мнѣ хочется здѣсь остаться, моя спутница пошла впередъ, чтобы нанять экипажъ, и когда я вышла изъ церкви, полная глубокаго, непонятнаго мнѣ волненія, она стояла на маленькой площади на перекресткѣ четырехъ улицъ и знакомъ звала меня. Добродушный извозчикъ садился на козла, ребятишки играли на солнцѣ, которое освѣщало прозу улицы; я оглядывала мѣстность и меня все больше и больше охватывало волненіе. „Знаете", сказала я, „если я пойду направо въ эту улицу,—я найду домъ моего сна!"... Было поздно, надо было спѣшить на лекцію и когда мы ѣхали, я разсказывала про свой странный назойливый сонъ...

На другой день рано утромъ, я опять была здѣсь. Я рѣшилась отнестись совершенно хладнокровно къ своимъ переживаніямъ. Осмотрѣвъ улицы, я сначала пошла по одной изъ тѣхъ, которая была ближе къ церкви,—это было не то. Я вернулась на перекрестокъ и пошла по той улицѣ, которая влекла меня вчера, и невольно стала смотрѣть вправо и черезъ нѣсколько домовъ я увидѣла „домъ своего сна". Печальный стоялъ онъ съ

закрытыми глазами (тамъ еще спали и ставни изнутри были закрыты). Старое, знакомое чувство страха и тоски охватило меня при видѣ наяву „моего дома“. Еслибъ я вошла въ него, чтобы я почувствовала, проходя по коридору! Полукруглыя старинныя ворота были открыты, я пошла туда,—налѣво знакомая галлерея, прямо напротивъ старинный приземистый домикъ—сторожка; жутко глядитъ онъ на меня своими темными окошечками. Направо, въ углу дома дверь, ее загораживаетъ толстая кухарка и вопросительно смотритъ на меня и мнѣ дѣлается больно, что я не могу подняться по лѣстницѣ и войти въ домъ. „Извините меня“, говорю я, „я иностранка,—какъ называется эта улица“.—Она отвѣчаетъ, я благодарю и ухожу, чувствуя лихорадочную дрожь и пошатываясь отъ волненія. Иду по переулкамъ, узнавая ихъ и нѣкоторые дома, вижу старую башню, — какъ жаль, что стѣна уничтожена и что такъ много новыхъ зданій,—представляю себѣ ясно и ярко, какъ здѣсь было „тогда“, но чувствую себя теперь привидѣніемъ. Нѣсколько времени походила я по ближайшимъ отъ „моего“ дома улицамъ и вышла на площадь около Матіаскирхе. На углахъ ея были старые дома, въ одномъ изъ нихъ была молочная лавка и во 2-мъ этажѣ выступалъ балконъ—фонарь съ остроконечной крышей. Я пошла туда и спросила стаканъ молока. „Это очень старый домъ, неправда ли“, сказала я молодой продавщицѣ. „О да, сударыня, ему болѣе шестисотъ лѣтъ“.—„А церковь?“—„Церковь еще гораздо, гораздо старше“, отвѣтила она, отрѣзая кусокъ сыра для солдата. „Здѣсь, подъ этими самыми сводами“, вспоминала я, оглядывая ихъ, „*тогда* продавали мясо“. Я вышла на площадь и пошла въ церковь; тамъ было пусто и тихо; я направилась въ старинную часовню, рѣшетка теперь была открыта, я вошла и заняла „свое“ мѣсто въ уголкѣ. Чувство радости, что я наконецъ „у себя“, „дома“, охватило мое сердце вмѣстѣ съ тоскою одиночества и сознаніемъ, что кого то здѣсь нѣтъ и я закрыла глаза. Смутно вспомнились какія то похороны, плачущая у алтаря женщина,—я продолжала сидѣть съ закрытыми глазами, чтобы усилить воспоминанія, и странно, какъ въ облакахъ, какъ то смутно-ясно, на мгновеніе я увидѣла группу: юношу съ развѣвающимися, откинутыми какъ бы отъ вѣтра или страха волосами, къ нему въ отчаяніи прижалась дѣвушка въ бѣломъ, тонкая и стройная, обхвативъ его шею руками и въ изнеможеніи опустивъ голову къ нему на плечо, она приникла къ нему, какъ бы ища защиты, а онъ, съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами, смотрѣлъ въ пространство, которое было—моя мысль...

Покинувъ Будапештъ, мы ѣхали по желѣзной дорогѣ. Въ моемъ купе сидѣла дама и мальчикъ лѣтъ 11-ти, ученикъ школы Будапешта. Я начала его разспрашивать объ этомъ городѣ и о старой Матіаскирхе и онъ разсказалъ мнѣ, къ сожалѣнію не припоминая года, но говоря, „очень, очень давно, болѣе 800 лѣтъ тому назадъ", на Будапештъ напали турки; жители тогда замуровали мадонну, которая была въ старой часовнѣ, въ стѣну, чтобы она не досталась туркамъ, и потомъ люди долго думали, что она пропала, но однажды, упали кирпичи и мадонна появилась. Тогда я вспомнила свои чувства въ старой часовнѣ,—тамъ все мнѣ было знакомо, кромѣ мадонны, значитъ, „тогда" она была скрыта въ стѣнѣ. Домой въ Россію мы возвращались моремъ и заѣхали въ Константинополь. Тамъ я видѣла окна съ мелкимъ переплетомъ, тѣ самыя, которыя наводятъ на меня до сихъ поръ страхъ. Турки и арабы близки сердцу моему, хотя и они тоже наводятъ на меня, вмѣстѣ съ чувствомъ близости, чувство страха и жить въ Константинополѣ я бы не хотѣла.

Все, что я описываю, волнуетъ меня теперь также сильно, какъ и въ Будапештѣ, „*теперь*", когда я тамъ была и я „чувствую" всю страшную драму прошлаго, но только не могу „вспомнить"... „*что* было „тогда"... И не могу ясно разграничить фактовъ:—фактовъ жизни и фактовъ фантазіи,—формъ жизни и формъ мыслей, которыхъ я еще не въ состояніи ясно раздѣлить.

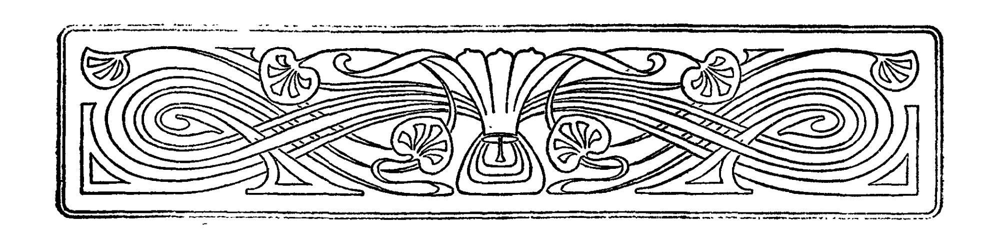
А. Унковская.

5-го октября 1909 г.
Калуга.

Богъ есть свѣтъ и нѣтъ въ Немъ никакой тьмы.

Если мы говоримъ, что имѣемъ общеніе съ Нимъ, а ходимъ во тьмѣ, то мы лжемъ и не поступаемъ по истинѣ.

(I Соб. Посл. отъ Іоанна).



Обзоръ Теософической литературы.

„Theosophist“ даетъ статью А. Безантъ: „Послѣдовательные жизненные періоды человѣка“, въ которой авторъ указываетъ на эволюцію нравственныхъ понятій въ связи съ накопленіемъ жизненнаго опыта. Эта мысль иллюстрируется примѣромъ: заповѣдь „Не убій“ сперва примѣняется лишь къ членамъ одного клана, одного племени, одного народа, и мораль интернаціональная рѣзко отличается по своимъ нормамъ отъ принятаго кодекса внутри данной національной группы. Позже культурныя націи вырабатываютъ болѣе благородныя нормы въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но эти нормы легко нарушаются, когда дѣло касается некультурныхъ народовъ, „дикарей“. При набѣгѣ на территорію желтой, черной или красной расы бѣлая раса забываетъ о всѣхъ выработанныхъ правилахъ войны, и туземцы истребляются, какъ дикія животныя. Въ настоящее время авангардъ человѣчества задумывается надъ этими вопросами, но до сихъ поръ мало кто еще примѣняетъ заповѣдь „не убій“ къ міру животныхъ.

Л. Финчъ, въ статьѣ „Драма“, разбираетъ значеніе драматическихъ произведеній и останавливается на мысли Метерлинка, что въ драмѣ никогда не бываетъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ святого или мудреца, потому что передъ мудростью и святостью рокъ отступаетъ, онъ безсиленъ. Событія страшатся высокой души. Авторъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ исторіи театра, начиная съ его зарожденія въ Греціи, гдѣ трагедія имѣла цѣлью „очищеніе страстей вызовомъ эмоцій ужаса и состраданія“ (опредѣленіе Аристотеля), и кончая современными попытками создать новую драму: „театръ души“. Представителями этого глубокаго новаго теченія

авторъ считаетъ Метерлинка, Ибсена и Э. Шюре, въ которыхъ ярко выступаетъ борьба человѣческой души за свои божественныя права и бунтъ противъ условной морали. Въ области музыки этотъ конфликтъ души и стремленіе къ божественному были выражены съ необычайной глубиной Р. Вагнеромъ. Парсифаль— высочайшее выраженіе этого мистическаго настроенія. Идея статьи та, что драма возможна только до тѣхъ поръ, пока въ душѣ бушуютъ страсти и идетъ борьба между высшимъ и низшимъ началомъ человѣка. Какъ только Богъ окончательно побѣдилъ звѣря, страсти оставляютъ человѣка, онъ исполняется гармоніей и свѣтомъ; его осѣняетъ мудрость, драма больше не имѣетъ мѣста въ его душѣ. Конфликтъ возможенъ лишь, какъ столкновеніе сверхчеловѣка съ отставшимъ обществомъ (Голгофа), но внутри его пребываютъ миръ и сіяніе Жизни Вѣчной.

Р. Гарднеръ въ статьѣ „Символизмъ богатства“ пытается психологически изслѣдовать значеніе богатства и мѣсто его въ человѣческой эволюціи. Только научившись не цѣнить матеріальныя богатства, душа можетъ обрѣсти духовныя сокровища.

Въ статьѣ „Космическое сознаніе и человѣкъ“ Р. Черчиль приходитъ къ опредѣленію конечной цѣли эволюціи, какъ къ сознательной и свободной жертвѣ во имя всѣхъ. Къ пониманію этой цѣли ведетъ Любовь.

Кончается статья І. ванъ-Маненъ, въ которой авторъ проводитъ параллель между ученіемъ Лао-Тсе и Гераклита.

Статья „Мысли о медитаціи“ М. разбираетъ восемь благородныхъ качествъ, о которыхъ говорится въ XVI бесѣдѣ Бхагавадъ-Гиты: безстрашіе, чистота сердца, твердость въ Іогѣ, милостыня, самообузданіе, жертва и изученіе Шастръ (Shâstras *), дисциплина и прямодушіе, невинность (неспособность наносить вредъ или боль). Указывается, какимъ образомъ можно выработать эти свойства.

Ч. Ледбитеръ продолжаетъ свои статьи о VI коренной расѣ. Объ этомъ очеркѣ мы поговоримъ, когда онъ будетъ законченъ.

Въ біографическомъ отдѣлѣ дается очеркъ жизни шведскаго генеральнаго секретаря Арнольда Кнöсъ, бывшаго съ 1901—1908 гг. представителемъ движенія въ Скандинавіи и работавшаго на нивѣ Теософіи уже съ 1890 г. Въ прошломъ году, получивъ официальный и отвѣтственный постъ, А. Кнöсъ отказался отъ званія секретаря, но высказалъ при этомъ надежду, что черезъ 7 лѣтъ (когда

---

*) Св. Писанія.

кончится его служеніе общественное) онъ будетъ въ состояніи совершенно отдаться Теософическому дѣлу. При очеркѣ приложенъ портретъ этого виднаго дѣятеля.

Въ этомъ году „Theosophist" открылъ популярный отдѣлъ, который ведетъ президентъ А. Безантъ.

Въ январьскомъ № была статья „Что такое Теософія". Въ февральскомъ № дается очеркъ „Необходимость перевоплощенія" и статья „Почему забываются прошлыя жизни".

Въ замѣткѣ „Теософія и драма" разсказывается о постановкѣ „Короля Лира" въ Эдинбургѣ и о лекціяхъ, посвященныхъ теософами искусству. Сюжетъ „Короля Лира" взятъ изъ древняго кельтскаго миѳа. Лиръ или Лоръ былъ однимъ изъ главныхъ Кельтскихъ Божествъ. Въ этомъ миѳѣ, какъ во многихъ другихъ народныхъ сказаніяхъ, центральное мѣсто занимаютъ царство и вопросъ: кто будетъ во главѣ его, какъ раздѣлить царство? Въ подобныхъ миѳахъ всегда оказываются три кандидата, братья или сестры, изъ которыхъ младшій (или младшая) самый лучшій, прекрасный и мудрый, получаетъ въ концѣ концовъ это царство, но послѣ трагическихъ столкновеній съ родичами. Авторъ видитъ въ царствѣ Лира Царство Жизни, раздѣленное на 3 меньшія царства: царства дѣйствія, эмоціи и мысли. Дѣйствіе и Эмоція (старшія сестры) должны подчиниться Разуму (Корделіи), который въ свою очередь признаетъ верховенство Духа въ человѣкѣ, самого Эго, Короля.

„Adyar-Bulletin" начинается замѣтками президента, который только что вернулся въ Адіаръ послѣ турнэ въ Индію (Бенаресъ—Банкипуръ—Калькутта—Мадрасъ).

Въ статьѣ „Интересная догадка" Э. Северсъ разбираетъ преданіе о св. Екатеринѣ Фьербуа и приходитъ къ заключенію, что въ святцахъ католическихъ исторія этой миѳической святой смѣшана съ исторіей прекрасной и ученой Гипатіи, дочери александрійскаго философа Теона, замученной въ IV вѣкѣ христіанскими фанатиками.

Если такое смѣшеніе дѣйствительно произошло, то христіанскій міръ уже нѣсколькихъ вѣковъ молится прекрасной дѣвѣ александійской, въ лицѣ покровительницы Іоанны д'Аркъ, св. Екатерины.

В. Кирби останавливается на значеніе Адіара для теософическаго движенія, какъ духовнаго центра необычайной чистоты, въ которомъ царятъ особая атмосфера и особыя вибраціи. Авторъ думаетъ, что Адіаръ можетъ стать той Святой Горой, о которой

повѣствуетъ легенда, горой Сальватъ Лоэнгрина и Парсифаля, откуда святые рыцари Грааля, слуги человѣчества, идутъ въ міръ, чтобы сражаться съ неправдой, помогать страдающимъ и во мракъ нести свѣтъ.

Очеркъ Э. Вудъ посвященъ Сведенборгу, какъ психику и мистику. Авторъ приводитъ интересную его біографію, раскрытіе его психическихъ силъ и исторію его духовнаго подвига. Его первые труды (Principia) уже носятъ отпечатокъ духовнаго вѣдѣнія, но наиболѣе интересны въ этомъ отношеніи его работы: „Небесныя тайны", Небо и Адъ" и „Истинная христіанская религія".

„Theosophy in India" подробно описываетъ многолюдный съѣздъ въ Бенаресѣ.

Статья „Легенда Грааля", Г. Албарус'а, проводитъ параллель между значеніемъ христіанской легенды и миссіей теософическаго движенія.

Въ статьѣ „Что такое вѣра" Глинеръ разбираетъ вѣру, какъ необоснованное убѣжденіе и какъ интуитивное знаніе. Первая—слѣпа и догматична; она ближе къ суевѣрію, чѣмъ къ вѣрѣ. Вторая—есть та живая сила, которая освобождаетъ духъ человѣческій отъ всѣхъ оковъ и раскрываетъ передъ нимъ тѣ вершины, на которыя ему суждено подняться.

С. Сунпукъ разбираетъ значеніе яйца, какъ символа макрокосма и микрокосма, символа силы жизни и зародыша новаго сознанія въ человѣкѣ, а также возрожденія.

Статья В. Энглишъ указываетъ на важную работу, совершенную спиритуализмомъ XIX вѣка въ борьбѣ съ матеріализмомъ. Можно справедливо сказать, что онъ вспахалъ поле для посѣвовъ Теософіи.

Статья Н. Айеръ „Три состоянія" анализируетъ древне-индусское изреченіе: „Атма—свидѣтель трехъ состояній сознанія". По мнѣнію автора, эти слова указываютъ на способность человѣческаго духа свободно наблюдать умственныя и душевныя переживанія человѣка во время бодрствованія, сна и сна безъ сновидѣній. Мы божественны, но насъ окутываетъ Авидія (незнаніе) и потому мы не знаемъ своей божественности.

„Lotus Bleu" (Bevue Théosophique) даетъ статью А. Безантъ „Стражи человѣчества" и статью А. Блекъ „Истинное братство".

Въ статьѣ „Стражи человѣчества" авторъ проводитъ мысль, что всѣ историческія, соціальныя и экономическія движенія работаютъ подъ импульсомъ духовной волны, которая въ концѣ-кон-

цовъ обращаетъ всѣ теченія человѣческой мысли къ Цѣлямъ Духовнымъ.

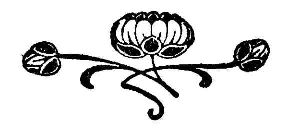
Въ разсказѣ А. Блекъ „Fraternité“ молодой пророкъ Лимнесъ, подготовляющій человѣчество къ новой эрѣ любви, возбуждаетъ недовѣріе и подозрительность даже въ средѣ своихъ учениковъ, потому что онъ не дѣйствуетъ обыденными путями и не ищетъ популярности.

„Bolletino“ даетъ рѣчь А. Безантъ, произнесенную въ Адьярѣ, „Оккультизмъ и мистицизмъ“ и статью Ч. Ледбитера „VI Раса“.

В. Кирби разсказываетъ въ „Письмѣ къ Редактору“ свое путешествіе въ Индію и свои первыя впечатлѣнія въ Адіарѣ.

Въ своей рѣчи А. Безантъ сравниваетъ эмоціональную психологію мистика съ психологіей побѣдившаго свои эмоціи оккультиста. Мистикъ развивается исключительно на почвѣ религіознаго чувства; онъ можетъ не развивать и даже отрицать интеллектуальную дѣятельность. Но истинный оккультистъ одновременно работаетъ надъ всѣми сторонами своей природы и приводитъ всѣ свои силы въ полную гармонію. Онъ не ищетъ „чуда“ и не ждетъ „наитья“, но интуиція его ростетъ; онъ не знаетъ тѣхъ страшныхъ колебаній подъема и опусканій, которыми живетъ мистикъ, но шагъ за шагомъ, спокойно, увѣренно, не отводя свой взоръ отъ намѣченной цѣли, онъ идетъ впередъ и съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе сильнымъ и болѣе сознательнымъ работникомъ на Пути Служенія.

Alba.



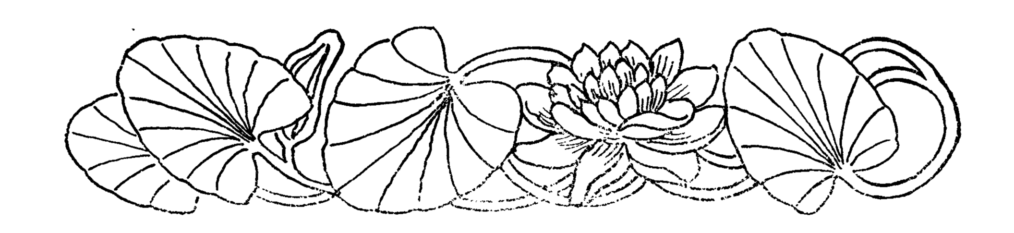
Тьма уже проходитъ и истинный свѣтъ уже свѣтитъ.

Кто говоритъ, что онъ въ свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ.

Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ въ свѣтѣ, и нѣтъ въ немъ соблазна.

А кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ, и во тьмѣ ходитъ, и не знаетъ куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза.

(I Соб. Посл. отъ Іоанна).



Хроника теософическаго движенія.

= Въ Италіи началась уже подготовительная работа къ международному конгрессу 1911 г. въ Туринѣ.

= Въ Бенаресѣ недавно праздновался день рожденія (11 лѣтъ) Central Hindu College, образцовой школы, созданной А. Безантъ въ Индіи. По образцу этого средняго учебнаго заведенія уже основано 14 колледжей въ Индіи.

На торжество изъ Адіара пріѣхала А. Безантъ. Съ 18 по 21 января происходилъ рядъ торжественныхъ собраній, закончившійся дѣтскимъ праздникомъ.

= 11 января прошло въ глубокой тишинѣ и молитвѣ въ Адіарѣ и Бенаресѣ. Въ этотъ день родился бѣлый циклъ „Sattya Yuga“, возвѣщающій новый вѣкъ и грядущее Пришествіе. Подобное сочетаніе планетъ на крестѣ Зодіака, какъ оно было 11 января, бываетъ разъ въ 10.000 лѣтъ.

= Въ Бомбэѣ мусульманка г-жа Али Акбаръ читаетъ лекціи въ женскомъ обществѣ и въ Литературномъ клубѣ на теософическія темы.

= Въ Италіи замѣтенъ интересъ къ вопросамъ Теософіи среди ученаго міра. Цѣлый рядъ извѣстныхъ профессоровъ сдѣлались членами Теософическаго Общества: проф. Баратоно, проф. Бензони, проф. Феррари, проф. Морселли, проф. Негри, проф. Савелли, проф. Вакка. Какъ извѣстно, представитель Теософическаго Общества въ Италіи тоже профессоръ: Отто Пензигъ, проф. ботаники при университетѣ въ Генуѣ.

= Большое оживленіе теософической работы замѣчается въ Швейцаріи, особенно въ Женевѣ, гдѣ работаютъ г-жи Стефани, Брандтъ и Эрисманъ. Пасторъ Фуликэ прочелъ лекцію объ „Имманентности Бога“.

= Во Франціи „Alliance Spiritualiste“ и „Société Magnétique“ просили Теософическое Общество прислать имъ лекторовъ по Теософіи.

Новая теософическая газета въ Парижѣ „Le Théosophe“ *) начинаетъ завоевывать всеобщія вниманіе и симпатію.

= 17 марта въ гор. С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи Русскаго Теософическаго Общества состоялось собраніе съ гостями. К. Д. Кудрявцевъ сдѣлалъ сообщеніе „Мистическій опытъ по Пр. Симеону, новому Богослову“. Послѣ доклада были оживленныя пренія **).

= Только что вышла въ свѣтъ на русскомъ языкѣ интересная книга д-ра Р. Штейнера „Θеософія“, въ переводѣ А. Р. Минцловой. Авторъ излагаетъ всѣ основныя ученія Теософіи со свойственной ему оригинальностью. Особенно цѣнна заключительная глава, трактующая о „Высшемъ пути“. Чтобы итти этимъ путемъ, надо, по мѣткому выраженію д-ра Р. Штейнера, умѣть „погасить себя“, т. е. свое „низшее я“ подчинить „Высшему“.

Книга издана изящно. Переводъ превосходный.

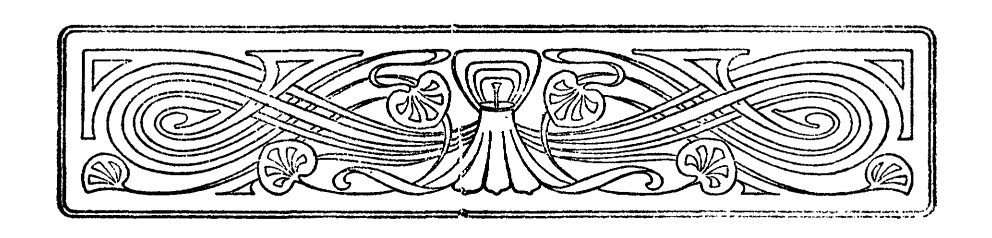
= 14 марта въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Ю. Н. Кирпичниковой, состоялось открытое собраніе Московскаго отдѣла Русскаго Теософическаго Общества. Ю. Н. Кирпичникова прочитала очеркъ Ч. Ледбитера „Основы Теософіи“ и членъ Русскаго Теософическаго Общества Н. К. Боянусъ прочелъ маленькое сообщеніе „Что такое Теософія“. Доклады вызвали живой обмѣнъ мнѣній.

= На масляницѣ членъ Русскаго Теософическаго Общества А. В. Унковская прочла въ Ростовѣ при большомъ стеченіи публики публичную лекцію „Цвѣтъ—Звукъ—Число“. Лекція, сопровождавшаяся музыкальными иллюстраціями, имѣла блестящій успѣхъ и вызвала большой интересъ въ публикѣ.

---

*) Rue Marquerin, 1. C. Revel.

**) Такой же докладъ былъ сдѣланъ К. Д. Кудрявцевымъ въ открытомъ собраніи Московскаго Отдѣла Русскаго Теософическаго Общества 4 марта.



Хроника жизни.

═ 27 января въ богословскомъ кружкѣ при с.-петербургской духовной академіи былъ выслушанъ докладъ студента-председателя М. Л. Радченко о душѣ человѣка по ученію св. Григорія Нисскаго: душа—единственное субстанціональное начало жизни, отличное отъ соединеннаго съ нимъ тѣла, и специфическая особенность человѣка, существеннымъ содержаніемъ которой является Образъ Божій, а поэтому естественно тяготѣющей всѣми своими способностями къ Первообразу.

═ Въ христіанской секціи с.-петербургскаго религіозно-философскаго общества читался докладъ Д. В. Страндена: „Забытая сторона христіанства". Тезисы его:

1. Въ Священномъ Писаніи есть не мало указаній на то, что подъ покровомъ буквальнаго смысла книгъ какъ Новаго, такъ и Ветхаго Завѣта, скрывается болѣе глубокій, эзотерическій смыслъ.

2. Наиболѣе существенной для насъ тайной, содержащейся въ Священномъ Писаніи, является ученіе о Христѣ, имѣющемъ родиться въ каждомъ изъ насъ.

3. Ученіе церкви о воплощеніи въ лицѣ Іисуса Христа божественнаго Логоса правильно формулируетъ то пониманіе Богочеловѣчества Іисуса, которое вытекаетъ изъ точнаго смысла Евангелія; но въ то же время официальное богословіе обыкновенно оставляетъ въ тѣни лежащее въ основѣ истиннаго христіанства ученіе о томъ, что всѣ люди потенціально—боги, всѣ должны стать членами единаго богочеловѣческаго организма и достигнуть по выраженію ап. Павла, „полной мѣры возраста Христова".

4. Евангеліе написано не столько съ цѣлью сообщить намъ точныя и подробныя свѣдѣнія о земной жизни Іисуса, сколько для того, чтобы пробудить дремлющую въ насъ духовную жизнь и указать намъ тотъ нормальный путь, которымъ должно идти

духовное развитіе человѣчества. Главные моменты жизни Іисуса, какъ они изображены въ Евангеліи, въ аллегорической формѣ рисуютъ картину тѣхъ главнѣйшихъ стадій духовнаго развитія, или „посвященій", черезъ которыя должна пройти всякая человѣческая душа.

5. Истинному христіанству совершенно чужды взгляды на крестную смерть Іисуса Христа, какъ на замѣстительную жертву, принесенную для удовлетворенія правосудія Божія. Весь смыслъ искупленія—въ возстановленіи утраченной человѣчествомъ связи съ божественнымъ сознаніемъ, т. е. съ сознаніемъ всеединства.

6. Воскресеніе І. Христа положило начало искупленію человѣческой плоти, т. е. превращенію ея въ просвѣтленное, нетлѣнное эфирное тѣло. Всеобщее воскресеніе мертвыхъ и второе пришествіе Христа не слѣдуетъ понимать буквально; это лишь символы того полнаго преображенія физической и духовной природы человѣчества, которое должно наступить въ концѣ всего цикла человѣческой эволюціи.

7. Ученія о перевоплощеніи и кармѣ являются необходимыми постулатами теософическаго пониманія христіанства. Въ Священномъ Писаніи есть немало указаній на эти ученія. Правильно понятое ученіе о кармѣ не противорѣчитъ христіанскому ученію объ искупленіи и о спасеніи благодатью, даруемой черезъ Іисуса Христа.

═ Въ „Вегетаріанскомъ обозрѣніи" напечатанъ докладъ Alba „Теософія и вегетаріанство", читанный въ с.-петербургскомъ вегетаріанскомъ обществѣ 8 декабря 1909 года. Вопросъ разбирался съ точки зрѣнія научной, этической и оккультной. Съ точки зрѣнія научной безубойное питаніе стоитъ на твердыхъ, вполнѣ доказанныхъ основаніяхъ. Для человѣческаго организма необходимы продукты, требуемые для расходуемой энергіи, т. е. жиры и углеводы.

Плоды, овощи, сѣмена, коренья и прочіе продукты растительнаго царства богаче мяса элементами, питающими ткани и калорическими, что доказываютъ химическіе анализы. Животный фибринъ и альбуминъ по своимъ физическимъ свойствамъ ничѣмъ не отличаются отъ растительнаго фибрина и альбумина. Въ борьбѣ съ жизнью всѣ преимущества на сторонѣ вегетаріанства: большая сила, выносливость и работоспособность при меньшей утомляемости. Цѣлый рядъ врачей и ученыхъ высказываются въ пользу безубойнаго питанія во имя здоровья человѣка. Натуралистъ Линней прямо указываетъ, что „человѣку свойственно

питаться растительной пищей". Съ точки зрѣнія этической убійство—сознательное и корыстное—рѣшительно ничѣмъ не оправдывается, и потому нельзя говорить, что оно вызывается необходимостью. И всѣ, очень слабые, аргументы защитниковъ мясного питанія носятъ характеръ совершенно утилитарный и ничего общаго не имѣютъ съ соображеніями нравственными. Съ точки зрѣнія Теософіи, человѣкъ есть болѣе тонкая и сложная сущность, чѣмъ это принято думать. Научно-религіозный синтезъ Теософіи, построенный на тѣхъ же законахъ, на которыхъ строитъ свое зданіе и наука, учитъ, что форма развивается и совершенствуется параллельно съ процессомъ эволюціи сознанія, т. е. раскрытія духа. По мѣрѣ того, какъ сознаніе развивается и какъ бы тянется за духомъ, являются новыя способности и новые проводники; появляются такъ-называемыя психическія силы, психическія способности. Тонко развивающійся психическій аппаратъ требуетъ къ себѣ въ высшей степени бережнаго отношенія; въ сенситивный организмъ нельзя вводить яды и подвергать его грубымъ впечатлѣніямъ. Часто сенситивность ведетъ за собой явленія истеріи, если эти условія не соблюдаются. Оккультизмъ, серьезная наука о скрытыхъ міровыхъ законахъ, указываетъ на то, какъ направлять духовное развитіе и какъ разумно тренировать тонкій и быстро развивающійся организмъ. Въ связи съ этимъ развитіемъ должна итти и эволюція питанія. Для подготовленія человѣчества къ болѣе тонкимъ и глубокимъ переживаніямъ, для проявленія той сверхчувственной способности, которую психологія уже наименовала „мистическимъ воспріятіемъ", нужна подготовка не только внутренняя, психическая, но и физическая.

Такимъ образомъ, отъ мясной пищи можно отказаться во имя здоровья (это подсказываетъ здравый смыслъ), во имя любви и состраданія къ животнымъ (это подсказываетъ нравственное чувство) и, наконецъ, вслѣдствіе знанія оккультныхъ законовъ.

═ Знаменіемъ времени является выходъ новой и замѣчательной книги (въ Лондонѣ) ученаго и преданнаго своему Закону еврея Монтефіоре „Синоптическія Евангелія" („The synoptic Gospels"). Это переводъ и комментаріи къ Евангеліямъ, на важности изученія которыхъ для евреевъ настаиваетъ авторъ.

═ По иниціативѣ извѣстнаго профессора теологіи Гайдельбергскаго университета Іоганна Вейса, въ берлинскомъ университетѣ организуется замѣчательный диспутъ, въ которомъ примутъ участіе всѣ ученые теологи въ Германіи. На диспутѣ будутъ

обсуждаться вопросы о началѣ Христіанства и, главное, объ исторической достовѣрности существованія Основателя Христіанства.

— Новое религіозное движеніе въ католической церкви— „Маріавитизмъ“ представляетъ собой интересный симптомъ, какъ протестъ противъ гнета митроносныхъ пастырей, противъ распутства приходскихъ ксендзовъ и какъ реформатское дерзновеніе. Значительнымъ событіемъ въ жизни новаго вѣроисповѣданія было присоединеніе маріавитовъ къ старокатолической церкви на Вѣнскомъ конгрессѣ и посвященіе о. Ковальскаго въ епископы „Католической церкви маріавитовъ“. Въ его пастырскомъ посланіи говорится: „Религія, которая не заботится о просвѣщеніи, развитіи наукъ, знаній и культуры, а старается задержать ихъ ростъ и прогрессъ, даетъ свидѣтельство, что въ ней не живъ духъ Христа.

...Не бойтесь критики и научнаго опроверженія догматовъ. Не наука и критическая мысль сокрушаютъ вѣру...

Мы должны любить свой край, народъ, родной языкъ, но не должны относиться съ презрѣніемъ къ языку, культурѣ и т. д. иныхъ народовъ. Мы должны искоренить изъ нашихъ душъ всѣ чувства племенной и религіозной вражды, которую внѣдрили въ насъ наши духовные путеводители“.

О. Ковальскій говоритъ объ объединеніи церквей, какъ объ идеалѣ.

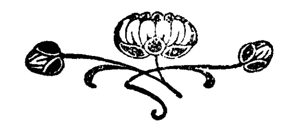
— Прелести „вооруженнаго мира!“. По исчисленіямъ французскаго депутата Жервэ, „вооруженный миръ“ обходится Россіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи, Соединеннымъ Штатамъ и Японіи ежегодно въ 5 милліардовъ франковъ.

Но стоимость содержанія арміи лишь одна сторона вопроса; кромѣ нея приходится еще принимать во вниманіе убытки, причиняемые странамъ отвлеченіемъ военною службою рабочихъ рукъ отъ производительной работы... Толстой говоритъ, что „если христіанскіе народы хотятъ оставаться христіанскими, то усилія ихъ должны быть направлены никакъ не на военное могущество, а на нѣчто другое: на такое устройство жизни, которое, вытекая изъ христіанскаго ученія, давало бы наибольшее благо людямъ не посредствомъ грубаго насилія, а посредствомъ разумнаго согласія и любви“. И далѣе: „истинный христіанинъ можетъ подчиняться, даже не можетъ не подчиняться безъ борьбы всякому насилію, но не можетъ „повиноваться“ ему, т. е. признавать его законность“. Исходя изъ всего вышесказаннаго, рѣчи о мирѣ—о „вооруженномъ мирѣ“—не суть ли вредныя рѣчи, т. е.

рѣчи, которыя успокаиваютъ нашу совѣсть, представляя необходимость вооруженія, въ виду защиты своего отечества, своего дома, своей семьи и примиряютъ насъ съ тѣмъ, что мучило нашу совѣсть и что—въ иныя, болѣе свѣтлыя, минуты—мы находили вреднымъ и недобрымъ. „И не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ" (Мѳ. X, 28).

═ Въ Нью-Іоркѣ десятилѣтній мальчикъ Вильямъ Джэмсъ Сидисъ читаетъ въ Математическомъ клубѣ лекціи о IV измѣреніи. Аудиторія состоитъ изъ ученыхъ и профессоровъ математики, которые изумляются геніальности молодого лектора.

Н. Т.



Не дивитесь, братья мои, если міръ ненавидитъ васъ.

(I Соб. Посл. отъ Іоанна).

Дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: всякій, не дѣлающій правды, не есть отъ Бога, равно и не любящій брата своего.

(Тамъ же).

Возлюбленные! будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога.

Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь.

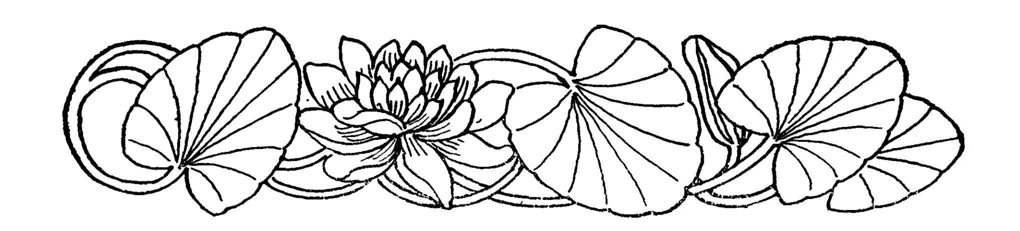
(Тамъ же).

Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ и любовь Его совершенна есть въ насъ.

(Тамъ же).

Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ.

(Тамъ же).



Изъ газетъ и журналовъ.

Въ статьѣ Ник. Пашковскаго (въ газетѣ „Голосъ Юга") подъ заглавіемъ: „Очерки современной философіи въ ея главныхъ представителяхъ (Джемсъ и Шиллеръ)" разбирается ученіе прагматизма въ его отношеніяхъ къ религіи и истинѣ. По прагматизму не существуетъ извѣчныхъ истинъ, всѣ истины дѣлаются людьми; происходитъ какъ бы естественный отборъ пригоднаго и полезнаго, что и составляетъ истину для человѣка. Съ дѣланіемъ истины прагматизмъ неразрывно связываетъ и дѣланіе дѣйствительности: все, всѣ предметы суть воплощеніе идей и желаній культурнаго человѣка. Кромѣ сдѣланнаго есть и первичная дѣйствительность: небо, море, горы... но эта дѣйствительность насъ не удовлетворяетъ и подвергается нашему воздѣйствію. Сырое, нетронутое нами—это только „явленіе", дѣйствительная же реальность создается нашимъ активнымъ творчествомъ, и если что не поддается, то это только вопросъ времени. Человѣкъ самъ создаетъ истину и реальность, поэтому и Богъ — „продуктъ субъективнаго психологическаго процесса". Прагматизмъ признаетъ, что въ истинной вѣрѣ ничуть не меньше истинности, чѣмъ и въ наукѣ, „ибо и вся наука основана на вѣрѣ, т. к. основныя предпосылки науки не доказаны". Критики прагматизма указываютъ на то, что многое существуетъ совершенно независимо отъ человѣка; что преграды, противорѣчія и неподатливость внѣшняго міра встрѣчаются на каждомъ шагу. Указываютъ, что прагматизмъ смѣшиваетъ практическую и теоретическую стороны истины, ищетъ вездѣ практичности, отвергая удовлетвореніе самою найденною истиною въ области чистой мысли, поэзіи, искусства. И въ этомъ его недостатокъ, потому что въ душѣ человѣка произрастаютъ такія цѣнности, которыя не подходятъ къ вѣсамъ полезности и практичности. Что касается свободы воли, то праг-

матизмъ признаетъ, что въ природѣ царитъ полное предопредѣленіе, но предъ поведеніемъ человѣка (такъ какъ разумъ его не абсолютно совершененъ и стоитъ на разныхъ ступеняхъ развитія) встаютъ различныя возможности поступать такъ или иначе. Заслуга прагматизма въ томъ, что онъ наново поставилъ вопросъ объ отношеніяхъ разума и вѣры, далъ вѣрѣ и инстинкту твердую опору и призываетъ человѣка творить безъ конца.

= Статья В. Варварина (газета „Русское Слово“) подъ заглавіемъ: „Заблудились въ трехъ соснахъ“ говоритъ о старой темѣ всего русскаго общества, всей русской философской и религіозной мысли: чего требуетъ высшій христіанскій идеалъ, личнаго ли углубленія и совершенствованія, или работы надъ общественными формами, надъ политическимъ и національнымъ строемъ, и приходитъ къ выводу, что „поступать нужно по дару его“. Есть люди совершенно неспособные къ общественной работѣ. Неудержимо они уходятъ въ себя, копаются въ душѣ своей, слушаютъ ее, слушаютъ голоса и призывы своей совѣсти; душа ихъ, утонченная и нѣжная, родитъ чудныя слова; личная жизнь ихъ представляетъ что-то обаятельное... Вотъ эти слова, личная жизнь, можетъ быть подвигъ въ пустынѣ—все это сладкій, питательный плодъ, который беретъ отъ нихъ человѣчество. Другіе—люди неразсѣянные, въ себя неуходящіе, немечтательные дѣлаютъ всю общественную работу, которая такъ же насущна, какъ и личный подвигъ святого затворника, какъ золотое слово поэта.

= Въ газетѣ „Рѣчь“ за № 54 напечатанъ отрывокъ изъ дневника Л. Н. Толстого (написанный 20 лѣтъ тому назадъ) „Три фазиса жизни“. Толстой полагаетъ, что человѣкъ переживаетъ въ своей жизни три фазиса. Первый фазисъ—человѣкъ живетъ личной, эгоистическою жизнью; второй — появляется сознаніе тщеты личной жизни, начинается интересъ блага людей, человѣчества. „Теперь же я чувствую ослабленіе этого стремленія“, говоритъ Толстой, „во мнѣ, я чувствую, выростаетъ новая основа жизни... новая основа, которая включаетъ въ себѣ стремленіе къ благу людей такъ же, какъ стремленіе къ благу людей включало въ себѣ стремленіе къ благу личному. Эта основа есть служеніе Богу, исполненіе Его воли по отношенію къ той Его сущности, которая поручена мнѣ. Не самосовершенствованіе — нѣтъ... и въ самосовершенствованіи много любви къ личности. Это стремленіе чистоты Божеской [не чистоты тѣлесной жизни. Нечистота (развратъ) тѣлесная противна, но не противоположна этой чистотѣ Божеской. Противоположна этой чистотѣ, главное, ложь передъ

людьми и передъ собой]... Стремленіе къ лучшей, высшей жизни и соблюденію себя въ готовности къ ней... Готовясь къ той жизни, я вѣрнѣе достигаю служенія благу человѣчества, чѣмъ, когда я ставилъ себѣ цѣлью это благо... Стремясь къ Богу, къ чистотѣ Божеской сущности во мнѣ, къ той жизни, для которой она очищается здѣсь, я попутно достигаю вѣрнѣе, точнѣе блага общаго и своего личнаго блага, какъ-то неторопливо, несомнѣнно и радостно".

= Въ газетѣ „Рѣчь" была статья Д. Мережковскаго „Страшное дитя" о Константинѣ Леонтьевѣ, оригинальномъ и очень талантливомъ писателѣ (1831—1891 г.).

Священникъ К. М. Аггеевъ написалъ о немъ книгу и сдѣлалъ такой приговоръ: „Христосъ ему остался невѣдомъ", а между тѣмъ онъ всю жизнь шелъ ко Христу и говорилъ Ему: „Господи! Господи!" Почему же это такъ случилось? Потому, что „въ отношеніи своемъ ко Христу" — говоритъ Мережковскій—„Леонтьевъ былъ бездонно-лукавъ, нестерпимо-сложенъ". Леонтьевъ былъ глубокій мыслитель и даже пророкъ — Кассандра православно-самодержавной Россіи. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ „страшныхъ дѣтей", которыя говорятъ взрослымъ правду въ глаза. „Леонтьевъ — страшное дитя русской политики. Человѣкъ послѣднихъ словъ, онъ сказалъ несказанное о русскомъ государствѣ и русской церкви, выдалъ тайну ихъ съ такой неосторожностью, что можетъ иногда и союзникамъ казаться предателемъ". Религіозная сущность Россіи, по мнѣнію Леонтьева, заключается въ неразрывной связи самодержавія съ православіемъ. Православіе—„христіанство дополненное и усовершенствованное" („исправленное", какъ сказалъ бы Великій Инквизиторъ) — есть „религія не любви и свободы, а страха и насилія". Цвѣтъ православія — монашество, а въ монашествѣ утверждается полный разрывъ неба и земли. Самодержавіемъ осуществляется православіе, „религія насилія", какъ полагаетъ Леонтьевъ. Святые подвижники возлагаютъ на себя желѣзныя вериги; святые народы — желѣзное самовластіе. И вотъ наконецъ послѣднее признаніе: не старецъ Зосима, а „Великій Инквизиторъ воплощаетъ положительную сторону христіанства". „Мы исправили подвигъ Твой, — говоритъ Великій Инквизиторъ. Ступай и не приходи болѣе. Мы не съ Тобой, а съ „нимъ".

Священникъ Аггеевъ говоритъ: „пусть исповѣдующіе вѣру Леонтьева знаютъ, что они служатъ, чему хотятъ, но только не Господу Іисусу Христу". Почему же церковь не отлучаетъ Леонтьева?—спрашиваетъ Мережковскій. Вѣдь нашла же она голосъ,

чтобы отлучить Л. Толстого? „Все теперешнее антихристіанство Розанова, справедливо замѣчаетъ о. Аггеевъ, — прошло черезъ Леонтьева, и первый не можетъ быть понятъ безъ второго". „Мы не съ Тобой, а съ нимъ" — вотъ тайна, соединяющая Розанова съ Леонтьевымъ.

= Вышелъ № 1 журнала „Мусульманинъ" (въ Парижѣ). Судя по первому номеру, журналъ рисуется очень симпатичнымъ и обѣщаетъ быть интереснымъ. Въ корреспонденціи изъ Оренбурга говорится о новомъ религіозномъ движеніи, поднятомъ ученымъ муллою Бигеевымъ, революціонеромъ въ смыслѣ духовномъ. По его мнѣнію, на свѣтѣ нѣтъ такой религіи, которая была бы угодна Аллаху, даже мусульманская. Въ каждомъ вѣрованіи есть насиліе, если не физическое, то моральное. А между тѣмъ истинная религія не должна насиловать человѣка и все въ ней должно быть ясно и понятно не только для ученаго, но даже и для неумѣющаго читать.

= Извѣщается о выходѣ книги (въ Саратовѣ) А. Байгушева „Татарскій пророкъ" (очерки мусульманскаго раскола). Резюмируя ученіе „Татарскаго пророка" (Тагіева), основанное на крайнемъ мистицизмѣ, можно сказать, что идея его, если не нова, то глубоко интересна. Объединить все человѣчество, уничтожить существующія между людьми національныя, религіозныя и даже культурныя различія — вотъ основная цѣль пророка. Онъ увѣренъ, что его идея станетъ общей религіей будущаго. Мало того, въ образованіи этой религіи примутъ самое дѣятельное участіе ученые, философы, теологи всѣхъ странъ и народовъ, наилучшіе представители всѣхъ существующихъ въ настоящее время на землѣ религій и вѣроученій. Для достиженія своей цѣли онъ обращался къ правительственной власти, даже къ турецкому султану. Какъ бы ни казался страннымъ въ глазахъ непосвященныхъ новый татарскій пророкъ, тѣмъ не менѣе, выводы Тагіева не противорѣчатъ ни разуму, ни исторіи возникновенія и поступательнаго шествія Ислама.

= Въ журналѣ „Ребусъ" за № 50 извѣщается о печатаніи въ 1910 году новой работы всемірно-извѣстнаго ученаго, психолога, профессора Вилльямса Джемса, которая представляетъ собою отчетъ о долголѣтнихъ наблюденіяхъ Джемса надъ „проявленіемъ духа" умершаго его товарища — д-ра Ходжсона. Проф. Джемсъ въ этой работѣ отчетливо и ясно указываетъ, что, при условіяхъ самой строжайшей критики и провѣрки, въ „проявленіяхъ" есть элементъ, который можетъ быть объяснимъ только и исключи-

тельно спиритическою теоріей „переживанія души“. Эта работа его признается цѣнной не только въ области спиритизма, но и новой психологіи и рекомендуется каждому серьезно мыслящему человѣку.

Н. Т.

О самоубійствѣ.

(Л. Н. Толстого).

Эта статья получена редакціей „Русскаго Слова“ при слѣдующемъ заявленіи графини С. А. Толстой:

„Приготовляя къ печати новое изданіе сочиненій моего мужа, мнѣ приходится перечитывать всѣ не появившіяся въ прежнихъ изданіяхъ его сочиненія. Занимаясь этимъ и нынче, я напала на коротенькую выдержку изъ его письма или дневника „О самоубійствѣ“.

Въ газетахъ ежедневно читаешь ужасающія извѣстія о все учащающихся и учащающихся самоубійствахъ. И вотъ мнѣ пришло въ голову обнародовать эти нѣсколько мыслей Льва Николаевича объ этомъ странномъ и страшномъ явленіи, особенно ярко выражающемъ то исключительное положеніе, которое теперь переживаетъ наше общество. Можетъ быть, мысли, выраженныя Львомъ Николаевичемъ въ этой статейкѣ, помогутъ хотя бы одному изъ многихъ выйти изъ тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ они находятся, не безумнымъ и грѣховнымъ поступкомъ самоубійства, а разумнымъ пониманіемъ жизни, которое дается только религіей.

Софія Толстая“.

Вопросъ о томъ,—имѣетъ ли, вообще, человѣкъ право убить себя, — неправильно поставленъ. О правѣ не можетъ быть рѣчи. Если можетъ, то и имѣетъ право. Я думаю, что возможность убить себя есть спасательный клапанъ. При этой возможности человѣкъ не имѣетъ права (вотъ тутъ умѣстно выраженіе: имѣть право) говорить, что ему невыносимо жить. Невозможно жить, — такъ убьешь себя, и поэтому некому будетъ говорить о невыносимости жизни. Человѣку дана возможность убить себя, и потому онъ можетъ (имѣетъ право) убивать себя и, не переставая, пользуется этимъ правомъ, убивая себя на дуэляхъ, на войнѣ, развратомъ, водкой, табакомъ, опіумомъ и т. д. Вопросъ можетъ быть только о томъ, разумно ли и нравственно ли (разумное и нравственное всегда совпадаютъ) убить себя?

Нѣтъ,—неразумно, такъ же неразумно, какъ срѣзать побѣги растенія, которое хочешь уничтожить: оно не погибнетъ, а только станетъ расти неправильно.

Жизнь неистребима, — она внѣ времени и пространства, и потому смерть только можетъ измѣнить ея форму, прекратить ея проявленіе въ этомъ мірѣ. А прекративъ ее въ этомъ мірѣ, я, во-первыхъ, не знаю, будетъ ли проявленіе въ другомъ мірѣ болѣе мнѣ пріятно, а, во-вторыхъ, лишаю себя возможности извѣдать и пріобрѣсти для своего „я“ все то, что оно могло пріобрѣсти въ этомъ мірѣ. Кромѣ того, и главное, это неразумно потому, что, прекращая свою жизнь изъ-за того, что она мнѣ кажется непріятной, — я тѣмъ показываю, что имѣю превратное понятіе о назначеніи своей жизни, предполагая, что назначеніе ея есть мое удовольствіе, тогда какъ назначеніе ея есть съ одной стороны личное совершенствованіе, съ другой—служеніе тому дѣлу, которое совершается всею жизнью міра. Этимъ же самоубійство и безнравственно: человѣку дана жизнь вся и возможность жить до естественной смерти, только подъ условіемъ его служенія жизни міра, а онъ, воспользовавшись жизнью настолько, насколько она была ему пріятна, отказывается отъ служенія ею міру, какъ скоро она ему непріятна, тогда какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, это служеніе начиналось именно съ того времени, когда жизнь показалась непріятной. Всякая работа представляется сначала непріятной.

Въ Оптиной пустынѣ въ продолженіе болѣе 30-ти лѣтъ лежалъ на полу разбитый параличемъ монахъ, владѣвшій только лѣвой рукой. Доктора говорили, что онъ долженъ былъ сильно страдать, но онъ не только не жаловался на свое положеніе, но постоянно, крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, выражалъ свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась въ немъ. Десятки тысячъ посѣтителей бывали у него, и трудно представить себѣ все то добро, которое распространилось на міръ отъ этого, лишеннаго всякой возможности дѣятельности человѣка. Навѣрное, этотъ человѣкъ сдѣлалъ больше добра, чѣмъ тысячи и тысячи здоровыхъ людей, воображающихъ, что они въ разныхъ учрежденіяхъ служатъ міру.

Пока есть жизнь въ человѣкѣ, онъ можетъ совершенствоваться и служить міру. Но служить міру онъ можетъ только совершенствуясь, а совершенствоваться только служа міру.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна.

„Руское Слово“.
9 марта 1910 г., № 55.

Сады Блаватской, Адьяръ, Мадрасъ.

Главная квартира теософовъ.

Письмо изъ Адіара.

17 февраля, въ годовщину смерти полковника Олькотта, мы всѣ собрались въ 7 ч. утра въ залѣ Главной Квартиры Общества. Вмѣстѣ съ членами собрались и всѣ служащіе, вплоть до кули и метельщицъ. Мы стояли прямо противъ украшенныхъ цвѣтами статуй основателей Теософическаго Общества.

Mrs Безантъ напомнила намъ въ своей рѣчи, что 3 года тому назадъ президентъ—основатель оставилъ свое физическое тѣло. Послѣдними его словами на физическомъ планѣ были слова любви и ободренія своимъ братьямъ, которыхъ онъ просилъ продолжать начатую работу, обѣщая, что будетъ молиться за нихъ и просить помощи у старшихъ братьевъ. Рѣчь свою mrs Безантъ закончила тѣмъ, что смерть для насъ не есть разлука, такъ какъ съ нами остаются тѣ, которые насъ почитаютъ.

Затѣмъ члены и служащіе стали проходить по очереди передъ статуями, привѣтствуя ихъ и осыпая ихъ цвѣтами.

Всѣ пошли въ пальмовую рощу къ памятнику, воздвигнутому на томъ мѣстѣ, гдѣ было сожжено физическое тѣло. Памятникъ также былъ разукрашенъ цвѣтами.

Затѣмъ пришелъ фотографъ и снялъ группу, которая расположилась вокругъ памятника.

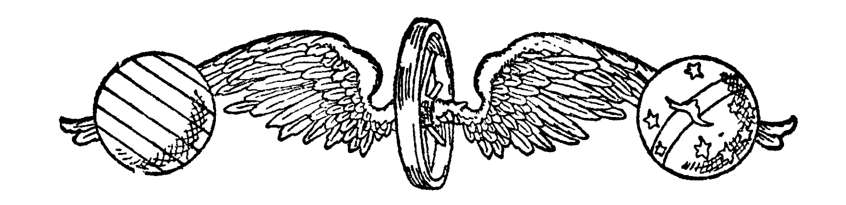
Мы были позваны въ этотъ день на праздникъ школы имени Олькотта, школы для дѣтей Парій, для которыхъ такъ много потрудился полковникъ Олькоттъ.

Воспользовавшіеся приглашеніемъ получили большое удовольствіе. Собраніе происходило на воздухѣ, въ очень живописной мѣстности. Насъ окружали пальмы и кактусы, покрытые красноватою пылью, что означало, что ихъ давно уже не орошалъ благодѣтельный дождь. По близости виднѣлись шалаши туземцевъ, съ крышами изъ пальмовыхъ листьевъ и съ земляными стѣнами. Нѣсколько коровъ свободно прохаживались въ поискахъ за своей скромной пищей. Ихъ рога были разрисованы и украшены бусами.

По обѣ стороны отъ mrs Безантъ собрались маленькіе индусы и ихъ преподаватели. Посреди оставалось большое пространство для выполненія различныхъ номеровъ программы, въ которую входило хоровое пѣніе, индусская гимнастика, свидѣтельствующая о необычайной гибкости этихъ маленькихъ тѣлъ, и ритмическія упражненія съ пѣснями, исполненныя маленькими дѣвочками. Были демонстрированы наглядные методы преподаванія, рисованіе съ натуры, лѣпка, выкладываніе фигуръ изъ зеренъ на картонѣ и передача разсказа, въ то время какъ преподаватель рисуетъ различные инциденты его на черной доскѣ. Самую забавную часть составляли діалоги и разсказы въ дѣйствіяхъ. Было преинтересно наблюдать серьезность и непринужденность, съ которой дѣти ихъ исполняли. Нашъ смѣхъ ихъ нисколько не смущалъ. Кажется у индусовъ особый талантъ къ мимикѣ.

Передъ уходомъ мы осмотрѣли довольно бѣдный школьный музей. Стѣны были украшены нѣсколькими рисунками, изображавшими мѣстные цвѣты и плоды, и художественными открытками. Водяные часы, сработанные однимъ изъ учителей, и разныя лѣпныя работы составляютъ главное богатство музея.

Л. Байеръ.



Научное Обозрѣніе.

Въ 1 номерѣ „Анналовъ психическихъ наукъ“ (отъ января сего года), издаваемыхъ, какъ извѣстно, группою итальянскихъ ученыхъ (по смерти Ломброзо во главѣ журнала стали Дарье и проф. Рише), мы читаемъ отчетъ о послѣднемъ конгрессѣ польскихъ неврологовъ, психіатровъ и психологовъ, собравшихся нынѣшней осенью въ Варшавѣ. Къ сожалѣнію, прежде всего приходится отмѣтить обычную нетерпимость ученыхъ, отклонившихъ два доклада: одинъ о злоупотребленіяхъ въ области психіатріи, другой о примѣненіи методовъ Іоги къ самолѣченію нѣкоторыхъ формъ душевныхъ заболѣваній. Послѣдній докладъ принадлежалъ профессору Лютославскому. Зато большой побѣдой можно считать допущеніе научнаго обсужденія явленій медіумизма. Хотя докладъ д-ра Охоровича на эту тему и вызвалъ цѣлую бурю протестовъ, чуть было не закончившихся дуэлью, тѣмъ не менѣе интересъ онъ вызвалъ огромный и въ концѣ концовъ оказался чуть ли не гвоздемъ всего съѣзда.

За нѣсколько дней до открытія конгресса въ варшавскихъ газетахъ стали говорить о новомъ открытіи д-ра Охоровичъ, которому удалось получить цвѣтовые фотографическіе снимки на разстояніи 9—14 метровъ сквозь закрытую дверь, причемъ получены они были при помощи одного медіума—г-жи Станиславы Томчикъ. Во время своего доклада, встрѣченнаго въ началѣ очень холодно, д-ръ Охоровичъ ни разу не коснулся спиритической или иныхъ гипотезъ; онъ все время держался строго научной почвы и въ концѣ своего доклада удостоился шумныхъ знаковъ одобренія со стороны многочисленной публики, переполнившей залъ. Однако, большинство участниковъ съѣзда продолжало выказывать враждебное отношеніе и рѣшило во что бы то ни стало помѣшать преніямъ.

Доктора Быковскій и Гейнрихъ громко просили не допускать никакихъ обсужденій по данному докладу, какъ противорѣчащему научнымъ даннымъ. Однако, 70-ю голосами противъ 58 это предложеніе было отклонено. Тогда проф. Цыбульскій изъ Кракова, въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ, сталъ доказывать, что клише, подобныя тѣмъ, которыя демонстрировались докладчикомъ, могутъ быть легко поддѣланы, и что всѣ явленія медіумизма опираются на обманъ и иллюзію. Послѣ этого д-ръ Охоровичъ послалъ къ нему секундантовъ, но профессоръ отказался отъ дуэли, что и было напечатано въ варшавскихъ газетахъ. Свои клише Охоровичъ передалъ технической комисіи, избранной изъ членовъ Фотографическаго Общества, и кромѣ того онъ согласился повторить нѣкоторые опыты въ присутствіи специальной комисіи естествоиспытателей, въ помѣщеніи промышленнаго земледѣльческаго музея.

Фотографическая комисія признала единогласно, что клише д-ра Охоровича представляютъ собою оригиналы, а не копіи, что они не подвергались ни ретушовкѣ, ни какимъ другимъ химическимъ или механическимъ воздѣйствіямъ, что яркіе цвѣтовые эффекты, полученные на пластинкахъ, не могутъ быть воспроизведены ни однимъ изъ способовъ, извѣстныхъ комисіи.

Затѣмъ, 30 октября, въ лабораторіи промышленнаго музея, въ присутствіи специалистовъ-естествоиспытателей и при самомъ тщательномъ, строгомъ контролѣ послѣднихъ, д-ромъ Охоровичъ, при содѣйствіи медіума Станиславы Томчикъ, были произведены блестяще удавшіеся опыты левитаціи и химической реакціи на разстояніи. О результатахъ опытовъ былъ составленъ протоколъ, подписанный всѣми присутствующими, а фотографами-специалистами полученъ цѣлый рядъ снимковъ, помѣщенныхъ въ январьскомъ номерѣ Анналовъ психическихъ изслѣдованій.

Наконецъ, общество психологовъ, столь враждебно встрѣтившее докладъ д-ра Охоровичъ на съѣздѣ, пригласило его прочесть лекцію о медіумизмѣ въ своемъ помѣщеніи.

М. К.

Письма къ читателямъ.

> Современная мысль стоитъ на рубежѣ: она наканунѣ перехода на новую ступень сознанія, на которой радикально измѣнятся наши взгляды на самые коренные вопросы человѣческаго бытія.

Въ прошломъ письмѣ мы говорили объ историческомъ процессѣ. Разсмаривая его со стороны культурнаго творчества, можно подмѣтить одно и то же повторяющееся явленіе; направленіе, въ которомъ идетъ творчество данной эпохи у родственныхъ народовъ, совершается по опредѣленной линіи до извѣстнаго момента, а затѣмъ наступаетъ перерывъ, требуется притокъ новой энергіи, воздѣйствіе извнѣ иныхъ оживотворяющихъ силъ. Иначе историческій расцвѣтъ смѣняется перезрѣлостью и начинается медленное увяданіе. Повидимому, внутренній ростъ культурнаго творчества идетъ по одному и тому же направленію безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока не завершится скрытая подъ его внѣшнимъ покровомъ міровая задача, нужная для *всего* человѣчества; послѣ чего дальнѣйшій ростъ по тѣмъ же линіямъ становится уже невозможнымъ; чтобы жить далѣе, созрѣвшая культура должна перемѣнить направленіе и затѣмъ, оплодотворенная новыми силами, возобновить свое движеніе уже по новымъ линіямъ.

Такъ было при переходѣ римской культуры, которая подготовляла формы для возникшей европейской гражданской общественности, въ культуру христіанскую; то же явленіе повторилось въ концѣ XIV столѣтія, когда, въ такъ называемую эпоху Возрожденія, вліяніе античныхъ идей и образцовъ древне-греческаго искусства дало новое направленіе средне-вѣковому творчеству, которому безъ этого оживотворяющаго притока грозило омертвѣніе въ области науки и искусства и опасное одичаніе нравовъ.

По всѣмъ признакамъ, наше современное европейское творчество подходитъ къ такому же кризису, когда дальнѣйшее его развитіе по прежнимъ линіямъ можетъ повести уже не къ прогрессу, а къ увяданію. Какъ во всѣ эпохи подобныхъ кризисовъ, когда прежнее уже заканчивается, а новое еще не выяснилось, и наша эпоха отмѣчена всеобщимъ неудовлетвореніемъ, жаднымъ исканіемъ новыхъ путей и новыхъ свѣточей. Повидимому народное творчество полно свѣжей энергіи и внутренняго значенія лишь до тѣхъ поръ, пока осуществляются историческія задачи, нужныя *для всѣхъ*; но когда творчество уже вылилось въ опредѣленныя формы и, недавно еще зажигавшія задачи перестаютъ вдохновлять, это—ясный признакъ того, что идти далѣе по прежнимъ линіямъ—безполезно; необходимо искать новыхъ путей и переходить на нихъ, ибо жизнь не можетъ остановиться, а если ее искусственно задерживаютъ изъ эгоистическихъ цѣлей, она—или опрокидываетъ поставленныя препятствія, или—начинаетъ пробивать новое русло, оставляя упорствующихъ внѣ своего живого теченія.

Но, могутъ мнѣ возразить, въ европейскомъ творчествѣ еще такъ много энергіи, такъ много еще не законченнаго, и передъ нимъ еще столько задачъ.

Относительно энергіи можно согласиться: но куда уходитъ вся эта энергія? На непрестанную борьбу общественныхъ классовъ и народовъ, на удержаніе за собой привиллегированныхъ мѣстъ, на стремленіе поработить болѣе слабыхъ и, на счетъ порабощенныхъ, развивать свои безудержно растущія эгоистическія потребности. Не будемъ обманывать себя: несмотря на весь блескъ нашей внѣшней цивилизаціи, несмотря на высокое развитіе матерьялистической науки, народы Востока имѣютъ полное право считать насъ варварами *) за нашъ личный и національный эгоизмъ, за наше неуваженіе къ чужой жизни, за наше попираніе чужихъ правъ, за полное несоотвѣтствіе нашихъ идеаловъ и нашей дѣйствительности, за внутреннее противорѣчіе между завѣтами нашей религіи и нашими проявленіями, за наши хищныя вожделѣнія, которыя такъ ярко сказываются въ картинѣ съ ногъ до головы вооруженныхъ европейскихъ народовъ, вожди которыхъ зорко подстерегаютъ минуту, чтобы броситься на сосѣда и, подобно хищнымъ звѣрямъ, начать терзать другъ друга.

Вѣрно и то, что многія изъ соціальныхъ задачъ западной Европы еще не получили своего завершенія. Но линіи, по кото-

*) Индусы такъ и называютъ насъ *Mlechchas,* что означаетъ дикіе, варвары.

рымъ должно пойти ихъ завершеніе, обозначились уже достаточно ясно, чтобы безошибочно предсказать, куда мы придемъ, если наша общественная жизнь будетъ развиваться въ прежнемъ направленіи.

Если вся жизненная энергія европейскаго запада по прежнему будетъ направлена на одну *внѣшнюю* культуру, а культура *внутренняя* будетъ оставаться въ пренебреженіи, всѣ его инстинкты, склоняющіе его къ борьбѣ, къ конкуренціи, къ эксплоатаціи сильнаго слабымъ перенесутся съ личностей на общественные классы, личный эгоизмъ претворится въ эгоизмъ общественный, и, получивъ санкцію закона и опираясь на большинство, онъ неминуемо поведетъ жизненное творчество сперва къ оскудѣнію, а затѣмъ и къ полному вырожденію.

Венгерскій поэтъ Мадачъ написалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія интересную пьесу, подъ названіемъ *Трагедія Человѣка*, которую мнѣ удалось видѣть на одной изъ европейскихъ сценъ. Въ рядѣ картинъ авторъ проводитъ передъ зрителями отдѣльные эпизоды изъ человѣческой эволюціи. Изгнанный изъ рая Адамъ, выведенный изъ райскаго блаженства и невѣдѣнія Люциферомъ, засыпаетъ и видитъ себя воплощеннымъ въ различныхъ эпохахъ: то онъ египетскій фараонъ, строящій пирамиды; то древне-греческій герой Мильтіадъ, предаваемый смерти тѣмъ самымъ народомъ, которому онъ только-что вернулъ свободу; то римскій патрицій временъ упадка, принимающій участіе въ оргіи, страшной по своему внутреннему мраку и по внѣшнему цинизму; то средневѣковый Танкредъ, возвращающійся изъ крестовыхъ походовъ для того, чтобы перенести одно изъ самыхъ тяжкихъ разочарованій: разлуку съ любимой женщиной, которая, несмотря на любовь къ нему, все же уходитъ въ монастырь; далѣе онъ то Кеплеръ, то Дантонъ, погибающій на эшафотѣ, а затѣмъ онъ же появляется въ видѣ лондонскаго горожанина въ темныя времена трущобъ и наконецъ—въ видѣ вымирающаго эскимоса. Но изъ всѣхъ проходящихъ передъ зрителемъ картинъ, рисующихъ ошибки, паденія и безумія человѣка на различныхъ ступеняхъ его многотруднаго пути, самое жуткое впечатлѣніе производитъ восьмая картина, которая изображаетъ торжество европейскаго соціализма, проведеннаго по строгимъ линіямъ научнаго матеріализма и внѣшняго формальнаго равенства. На сценѣ фаланстеръ, и въ немъ разныя хитрыя машины и обезличенныя человѣческія фигуры въ одинаковыхъ, напоминающихъ каторгу костюмахъ, безъ личнаго имени, подъ номерами, руководимые во всѣхъ

подробностяхъ своей жизни послѣднимъ словомъ науки. Главное дѣйствующее лицо, не то администраторъ, не то врачъ, измѣряетъ черепныя кости мальчика, находитъ, что онѣ не подходятъ къ установленному образцу, и приговариваетъ непожелавшаго подчиниться общимъ правиламъ къ смерти.

Картина эта служитъ яркой иллюстраціей той мысли, что жизнь не терпитъ односторонняго развитія и принимаетъ уродливыя формы, когда средство превращается въ цѣль и начинаетъ служить препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія.

Внѣшняя культура должна быть лишь средствомъ для выраженія культуры внутренней; красотѣ и утонченности формъ должны соотвѣтствовать красота и утонченность внутренняго содержанія, а между тѣмъ европейцы сдѣлали изъ внѣшней культуры цѣль всѣхъ своихъ стремленій и, подгоняя всѣ свои понятія къ возвеличенію своего идола, пришли къ совершенно невѣрному выводу, что, усовершенствуя формы, они въ то же время усовершенствуютъ и содержаніе. Но это не вѣрно, потому что самая совершенная форма можетъ служить не добру, а злу, если она не одухотворена внутренней красотой и не приведена въ согласіе съ требованіями высшей правды.

Могучимъ противодѣйствіемъ для нашей европейской односторонности, опасныя послѣдствія которой будутъ все болѣе увеличиваться, могло бы служить внимательное изученіе иныхъ вѣрованій и иныхъ идеаловъ, освѣщающихъ жизненныя задачи съ совершенно иныхъ сторонъ, чѣмъ освѣщаемъ ихъ мы. И здѣсь мы опять подходимъ къ необходимости яснаго сознанія единства всего человѣчества, которое идетъ съ разныхъ сторонъ, но направляется къ одной и той же цѣли. Если мы возьмемъ два типа творчества, наиболѣе различные по свему характеру: творчество древняго Востока, когда онъ былъ въ своемъ апогеѣ, и европейскаго Запада въ его современномъ развитіи, мы безъ труда можемъ уловить то, что можно бы назвать „раздѣленіемъ труда“ въ огромномъ масштабѣ. Созерцательный Востокъ устремлялъ всю свою творческую силу на *внутреннее дѣланіе*; отсюда его совершенные психологическіе методы, его высокоразвитая этика, его утонченная духовная культура и отсюда же его стремленіе къ единству. Дѣятельный Западъ выполнялъ совершенно иную задачу; онъ проводилъ свое творчество черезъ земныя формы, создавалъ высокую матеріальную культуру, которая и отвлекала всѣ его силы и вниманіе на *внѣшнее дѣланіе*; отсюда совершенство его научнаго анализа, богатство его научныхъ завоеваній, детальная

разработанность его правовыхъ и экономическихъ отношеній и отсюда же наклонность къ обособленію.

Я не могу взять на себя смѣлость дать моимъ читателямъ основательный анализъ духовнаго творчества древняго Востока, для этого потребовалось бы большая книга и большія знанія; мнѣ же хотѣлось лишь указать на то, какое богатство духовныхъ сокровищъ, какой обильный родникъ новыхъ идей и высокихъ вдохновеній могло бы почерпнуть европейское сознаніе изъ глубинъ этого духовнаго творчества, если бы оно сдѣлалось для насъ предметомъ внимательнаго и любовнаго изученія.

Обратимся къ древней Индіи, которая можетъ служить наиболѣе яркимъ образцомъ міросозерцанія древняго Востока. Чѣмъ отличаются ея вѣрованія отъ западнаго міросозерцанія?

Во 1-хъ, сознаніе единства Вселенной. Религіозное сознаніе древней Индіи было до того проникнуто единствомъ, что, глядя на окружающій міръ, древній Индусъ выражалъ свое отношеніе къ нему въ словахъ: *Tat twam asi*, это—ты, т. е. ты связанъ съ вселенной такими безчисленными нитями, твое я такъ переплетено съ вселенскимъ Я, что нѣтъ границъ между тобой и міромъ. Въ сознаніи древней Индіи вся міровая жизнь представляетъ собой цѣпь явленій, въ которой каждое звено соединено съ другимъ звеномъ неразрывной внутренней связью причинъ и послѣдствій, причемъ и земля со всей ея сложной жизнью лишь одна изъ переходныхъ ступеней въ этой непрерывной цѣпи живыхъ явленій. Точно также и каждое отдѣльное воплощеніе человѣка на землѣ являлось для древняго Индуса лишь „однимъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ его вѣчной жизни, имѣющей свои корни въ вѣчности и перспективу безграничнаго развитія въ будущемъ“.

Благодаря этому яркому сознанію единства, міросозерцаніе древней Индіи являлось живымъ осуществленіемъ того научно-религіознаго синтеза, котораго такъ страстно ищетъ западно-европейское расколовшееся сознаніе. Индусское сознаніе обнимало въ стройномъ единствѣ весь круговоротъ человѣческой жизни, какъ личной, семейной, общественной и государственной, такъ и посмертную эволюцію человѣка въ невидимыхъ мірахъ. Для Индуса явленія видимаго міра были лишь результаты, лишь проявленія жизни въ невидимыхъ мірахъ, ихъ отраженіе въ мірѣ матеріи.

Но несмотря на всю разницу древне-восточнаго и современнаго западно-европейскаго міропониманія, въ томъ и въ другомъ есть одно общее понятіе, которое является какъ бы мостомъ, пе-

реброшеннымъ черезъ тысячелѣтія, отдѣляющія истоки арійской мысли отъ ея современнаго теченія: это—ученіе объ эволюціи. Разница только въ томъ, что въ европейскомъ сознаніи ученіе это возникло лишь въ серединѣ прошлаго столѣтія и охватываетъ одинъ лишь кругъ внѣшнихъ явленій, тогда какъ древній Востокъ исповѣдывалъ его въ глубочайшей древности и—съ большей последовательностью—подчинялъ законамъ эволюціи какъ явленія физической жизни, такъ и невидимыя явленія жизни духа.

2) Изъ этого сознанія единства вытекало совершенно иное отношеніе ко всей судьбѣ земного міра.

Древніе Индусы считали ее въ неразрывной связи съ дѣятельностью высшихъ божественныхъ сущностей, которыя служатъ посредствующей іерархіей между ограниченнымъ человѣкомъ и Логосомъ нашей планетной системы. Въ представленіи индуса судьбы народа слагаются подъ воздѣйствіемъ этихъ высшихъ сущностей, которыя даютъ человѣческимъ дѣятельностямъ то или иное направленіе ради отдаленныхъ благихъ цѣлей, ускользающихъ отъ ограниченнаго сознанія человѣка. Изъ того же источника исходятъ и всѣ представленія древняго Востока о земной власти. Убѣжденіе въ томъ, что высшій представитель власти имѣетъ связь съ невидимымъ міромъ, вызывало представленіе о чрезвычайно высокомъ нравственномъ уровнѣ земного властителя, который долженъ былъ отвѣчать всецѣло за благоденствіе своихъ подданныхъ. Такъ, Конфуцій, спрошенный однимъ царемъ, почему развелось такъ много воровъ въ его землѣ, отвѣтилъ: „еслибы ты, о царь, жилъ честно и справедливо, не было бы воровъ въ твоемъ царствѣ“. Такимъ образомъ, черезъ всѣ древніе законы Индіи проходитъ красной нитью отвѣтственность всѣхъ представителей власти за счастье, здоровье и благосостояніе народа, которымъ они управляли. Отсюда—много указаній въ древней индусской литературѣ на то, какъ нелегко было достать начальниковъ, настолько ихъ дѣятельность была отвѣтственна и трудна. За властителемъ древней Индіи стояло нѣчто, носившее въ законодательствѣ Ману названіе *Данда*, что вѣрнѣе всего перевести словомъ *Правосудіе*, которое зорко слѣдило за властителемъ и требовало отъ него полнаго безкорыстія и безусловной справедливости.

Чтобы осуществленіе такого высокаго нравственнаго уровня царей и правителей древняго Востока стало понятнымъ, необходимо прибавить, что по эзотерическимъ указаніямъ всѣ они были посвященными въ религіозныя мистеріи. Но, чтобы быть допущен-

нымъ къ посвященію, необходимо было пройти черезъ строгую школу воспитанія, которая развивала духъ терпимости и самообладанія, строгое чувство отвѣтственности и отреченіе отъ всѣхъ личныхъ интересовъ. Правитель былъ въ тоже время и мудрецъ, понимающій внутренній смыслъ явленій и связь этихъ явленій съ прошлымъ и будущимъ управляемаго народа. Любопытно сравнить эту идею сосредоточенья власти въ рукахъ наиболѣе мудраго съ западно-европейскимъ идеаломъ народовластія. Каковы будутъ послѣдствія полнаго проведенія въ жизнь этого идеала, можно отчасти судить по тѣмъ результатамъ, которые уже начинаютъ обнаруживаться въ странѣ, гдѣ народовластіе осуществлено въ наибольшей полнотѣ. Я говорю объ Австраліи и вспоминаю рѣчь австралійскаго министра земледѣлія Суинбурна, который выразилъ сѣтованія наиболѣе образованныхъ людей своей страны такимъ образомъ:

„Австралія—одна изъ богатѣйшихъ странъ міра; она осуществила вполнѣ принципъ демократіи, ея жители обладаютъ самыми широкими правами, а между тѣмъ мы отстаемъ отъ другихъ странъ и въ дѣлѣ воспитанія, и въ постановкѣ образованія, и въ другихъ важныхъ отдѣлахъ общественной жизни. Возьмемъ школы; всѣ онѣ въ рукахъ самого народа, но онѣ ведутся отвратительно; народъ гораздо меньше думаетъ о здоровомъ воспитаніи молодого поколѣнія, чѣмъ объ аристократическомъ правительствѣ. Точно также мы скверно относимся и къ нашимъ преступникамъ, къ сумасшедшимъ, которые переполняютъ сумасшедшіе дома, и къ нашимъ бѣднымъ. Никогда люди не нуждались такъ сильно въ мудрости, какъ нуждаемся мы теперь. Да, мудрости. Въ этомъ вся трудность. Какъ найти ее и какимъ образомъ водворить ее на мѣсто власти?“ Въ признаніи этомъ ярко сказалась та истина, что обезпеченное закономъ юридическое равенство безъ *чувства братства* и самыя высокія общественныя формы безъ *внутренней культуры* вовсе еще не обезпечиваютъ истиннаго прогресса.

3) Слѣдующей особенностью древняго Востока является высокое развитіе идеи *Долга*. Но для древняго индуса эта идея— по санскритски *Дхарма* — выражала гораздо болѣе, чѣмъ наше понятіе о долгѣ. Для него она означала необходимость познать свое мѣсто въ міровой эволюціи и выполнять всѣ обязанности, налагаемыя имъ, какъ можно совершеннѣе. Онъ зналъ, что весь его будущій прогрессъ въ полной зависимости отъ того, будутъ ли имъ выполнены всѣ его обязательства, и зналъ, что если онъ ихъ не выполнитъ, никакое движеніе впередъ для него невоз-

можно. Долгъ по отношенію къ старшимъ, долгъ къ равнымъ, долгъ къ низшимъ, долгъ относительно животныхъ, вся жизнь древняго индуса была насквозь проникнута сознаніемъ долга и ему и въ голову не приходило оправдываться тѣмъ, что другой нарушилъ свой долгъ. Отсюда кроткое и терпѣливое настроеніе индусскаго народа, совершенно противоположное боевому настроенію западно-европейскихъ народовъ, у которыхъ такъ ярко сознаніе своихъ правъ и такъ призрачна идея долга.

4) Отсюда же вытекаетъ и другое чрезвычайно важное различіе восточныхъ и западныхъ идеаловъ. Восточный кодексъ нравственности никогда не поставитъ одного и того же требованія младенцу и зрѣлому мужу, человѣку неразвитому и человѣку ученому.

На востокѣ классъ воиновъ имѣетъ свой нравственный идеалъ, отличный отъ идеала брамановъ, точно такъ же нравственный идеалъ купца будетъ отличаться отъ идеала крестьянина и т. д. Отъ слуги требуется лишь послушаніе, честность и усердное служеніе, и другихъ требованій ему уже не поставятъ, но эти требованія онъ долженъ выполнять въ совершенствѣ. Такимъ образомъ, каждой ступени эволюціи соотвѣтствуютъ свои требованія нравственности, и по мѣрѣ того, какъ человѣкъ, воплощаясь снова и снова, поднимается на высшую ступень, и предъявляемыя къ нему требованія растутъ.

На востокѣ нѣтъ противорѣчія между религіей и знаніемъ; тамъ мудрость законодателей не противорѣчитъ религіознымъ началамъ, а, наоборотъ, насквозь проникнута ими. На западѣ высокій нравственный идеалъ Христа не только не входитъ въ соображеніе государственныхъ людей и законодателей, а, наоборотъ, откровенно признается непримѣнимымъ къ жизни.

И это до такой степени, что лондонскій епископъ *) нашелъ возможнымъ произнести слѣдующія знаменательныя слова: „Если бы одинъ изъ современныхъ народовъ взялъ за основу своего поведенія Нагорную Проповѣдь, онъ былъ бы обреченъ на неизбѣжную гибель“.

5) Идеалъ простоты въ жизни, идеалъ добровольной бѣдности. На востокѣ богатство никогда не пользовалось особымъ почетомъ; наоборотъ, скопленіе богатства предоставлялось третьей кастѣ, у двухъ высшихъ кастъ были иныя задачи. Правда, у владѣтельныхъ князей Индіи можно увидать много драгоцѣнностей и общественное служеніе ихъ обставлено пышнымъ великолѣ-

*) Слова эти упоминаются въ одной изъ недавнихъ лекцій А. Безантъ, произнесенныхъ въ Лондонѣ.

піемъ, но это относится лишь къ торжественнымъ выходамъ. Домашняя жизнь раджей и правителей чрезвычайно проста и мало чѣмъ отличается отъ жизни простого народа. Что же касается касты брамановъ, т. е. учителей народа, то для нихъ богатство было бы не только не почетно, а, наоборотъ, послужило бы большимъ укоромъ. Величайшимъ почитаніемъ пользуются въ Индіи бѣдные, но ученые браманы, передъ которыми и раджа и богачъ склоняются почтительно до земли. Этотъ простой строй жизни вырабатываетъ благородную простоту нравовъ въ высшихъ классахъ, совершенно доступную и для простого народа. Всѣ путешественники и всѣ жившіе въ Индіи единодушно утверждаютъ, что Индусы отличаются изящной выдержанностью и благороднымъ самообладаніемъ, и самый бѣдный крестьянинъ производитъ впечатлѣніе человѣка воспитаннаго и сознающаго свое человѣческое достоинство.

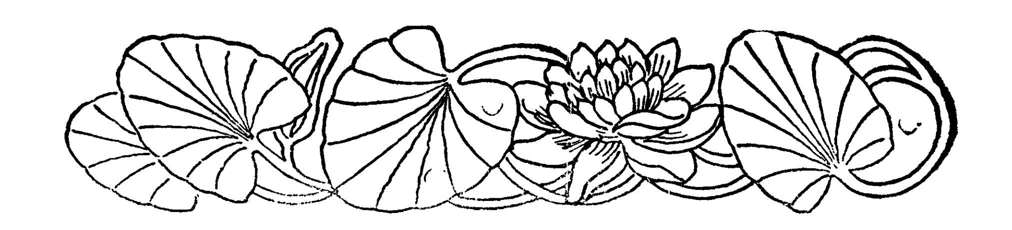
Наша европейская жизнь, наоборотъ, все болѣе осложняется, а загромождающіе ее безчисленные предметы показной и безвкусной роскоши грозятъ совсѣмъ изгнать изъ нашего быта истинную красоту съ ея благородной простотой.

Мое письмо пришло къ концу. Въ немъ лишь слегка намѣчены главныя черты восточныхъ идеаловъ, но уже и эти черты говорятъ о томъ, какимъ неисчерпаемымъ источникомъ новыхъ идей и вдохновенія могъ бы послужить для современнаго европейскаго сознанія научно-религіозной синтезъ древняго Востока.

Но да не подумаютъ мои читатели, что я зову ихъ назадъ, или желаю насаждать восточныя вѣрованія на европейской почвѣ. Какъ въ средніе вѣка возрожденіе античныхъ идей и античной красоты послужило лишь къ освобожденію христіанской культуры отъ мрачнаго фанатизма и узкой нетерпимости, такъ и возрожденіе древней Индіи можетъ лишь возвеличить европейскую культуру, вливъ въ нее элементъ духовности, освободивъ понятія современныхъ христіанъ отъ мертвящаго матеріализма и освѣтивъ новымъ свѣтомъ еще неразрѣшенныя проблемы личной и общественной жизни.

Когда знаешь, что человѣчество едино и его творчество во всѣ вѣка и во всѣхъ частяхъ земного шара лишь проявленіе различныхъ сторонъ его сознанія, всякое соперничество и желаніе возвеличить свои вѣрованія на счетъ чужихъ исчезаетъ. И мечта о единомъ стадѣ и единомъ Пастырѣ перестаетъ быть мечтой, а становится твердой увѣренностью.

Другъ читателя.



Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Трагическій Реализмъ.

Что заставляетъ въ потенціи заложенную „возможность“ реализироваться, или, иными словами, что заставляетъ „негативное начало“, первично-единую метафизическую сущность, лишенную всякаго конкретнаго реальнаго содержанія, „Духъ въ себѣ“, какъ Гегель его называетъ, перейти къ творчеству „Эмпирической реальности“? На этотъ старый вѣчно волнующій человѣческую мысль вопросъ разные философы отвѣчаютъ разно. Такъ, отвѣтъ Аристотеля гласитъ—цѣлесообразность, Шеллингъ и Гегель отвѣчаютъ — познаніе духомъ самого себя. „Духъ въ себѣ“ переходитъ въ состояніе „духа про себя“, продуцируетъ эмпирическую реальность, имѣя своей конечной цѣлью состояніе „духа въ себѣ и про себя“, что означаетъ познаваніе духомъ самого себя.

Аристотелевскій отвѣтъ неудовлетворителенъ уже по одному тому, что въ предѣлахъ „эмпирической реальности“ метафизической цѣлесообразности нѣтъ и по существу своему быть не можетъ; какая цѣлесообразность заключается въ необходимости „эмпирической реальности“ какъ базисѣ для своего проявленія? По Аристотелю „цѣлесообразности“ необходима эмпирическая реальность, хотя бы для того, чтобы въ ея предѣлахъ реализировать себя. Мы именно объ этой *необходимости* и спрашиваемъ.

Что заставляетъ негативное начало перейти къ творчеству эмпирической реальности и почему продуцированіе и творчество „первично-единому“ необходимы для познанія самого себя (Шиллингъ, Гегель)? Всякая метафизическая необходимость есть обратная сторона метафизической свободы,—поэтому проявляется и познается какъ „страданіе“. Метафизическая „необходимость“, психологически выражающаяся въ „страданіи, боли и трагизмѣ“, ведетъ къ творчеству, эмпирической реальности. Страданіе и творчество суть главные аттрибуты метафизической сущности явленій.

Негативное начало творитъ и продуцируетъ эмпирическую реальность, вознаграждающую ее иллюзіей радости, счастьемъ творчества, облегчающую трагизмъ основного противорѣчія.

Трагическій моментъ рельефнѣе и интенсивнѣе проявляется и познается чувствующимъ міромъ, еще сильнѣе централизуется въ сознательномъ существѣ—въ человѣкѣ, но отнюдь не является исключительнымъ придаткомъ одной только органической и біологической части природы, нѣтъ! Во всей природѣ, во всѣхъ проявленіяхъ „бытія“ доминируютъ противорѣчія, страданія и трагическое начало.

Жизнь эмпирической реальности, которую мы всѣ воспринимаемъ и которой живемъ, есть безпредѣльная и великая боль, ибо она, жизнь, выражаетъ собой одно только состояніе и проявленіе „метафизической сущности“. Сущность же всѣхъ явленій, метафизическое начало, есть одно сплошное отчаяніе, безпрерывный метафизическій трагизмъ; вотъ почему жизнь, какъ одно изъ проявленій метафизической сущности, можетъ быть реальна и познаваема только какъ вѣчная боль.

Міръ и „бытіе“ не только феноменальной стороной, но и метафизической сущностью своей являются отпаденіемъ отъ Бога. Абсолютъ или Богъ вѣчно реаленъ. Явленія же, связанныя матеріей, временемъ и пространствомъ, проявляющіяся во множественности, дѣлимости и противоположности, не связаны съ реальностью Абсолюта. Ихъ существованіе возможно лишь благодаря отдаленію и отпаденію отъ вѣчнореальнаго и единаго Абсолюта. Поэтому эмпирическая реальность и ея метафизическая сущность реальны какъ неизсякаемый источникъ слезъ и страданія. Психологически міръ воспринимаетъ какъ отчаяніе страшной потери—отпаденія отъ вѣчной реальности вѣчнаго и единаго Абсолюта. Метафизическая сущность явленій, принимающихъ „форму“, не есть Абсолютъ. Не надо смѣшивать понятія „Бога“ съ понятіемъ „метафизическая сущность“. Абсолюту или Богу не можетъ быть приписано ни одно изъ знакомыхъ намъ свойствъ: ни форма, ни величина, ни добро, ни красота, ни мышленіе, ни хотѣніе, ни сознаніе, ни сила. Въ Абсолютѣ нѣтъ никакого распада на „да“ и „нѣтъ“, на „бытіе и „небытіе“, никакой раздвоенности, никакого дѣленія на добро и зло, истину и ложь, красоту и безобразіе, нѣтъ дѣленія на феномены и ноумены, метафизическую сущность и эмпирическую реальность, на логику и физику, а есть вѣчная свобода вѣчно-единаго и недѣлимаго Абсолюта. Отпавши отъ Бога, ставши самостоятельнымъ и раздѣлившись на ноуменальное и феноменальное, интеллигибельное и эмпирическое, добро и зло, логику и физику, единое и множество, міръ явленій этимъ самымъ отдалился и отпалъ отъ недѣлимаго Абсолюта, въ которомъ нѣтъ ни „да“, ни „нѣтъ“. Поэтому бытіе и міръ реальны какъ отчаяніе потери.

Вѣчное стремленіе его къ реальной вѣчной цѣнности никогда не удается. Въ моментъ нарожденія жизни рождается и смерть, ибо абсолютной реальностью она не обладаетъ.

Міръ реаленъ, какъ терзаніе, мученіе и вѣчный вампиръ. Жизнь реальна какъ безконечная боль, и только какъ таковую мы ее познаемъ и воспринимаемъ. Однѣ лишь натуры, неспособныя воспринять жизнь, которыя проходятъ мимо жизни, которыя проживаютъ свой вѣкъ не живши, которыя живутъ, какъ будто въ летаргическомъ снѣ, не видятъ и не чувствуютъ всего ужаса, кошмара, отчаянія и трагизма жизни, и могутъ ли міръ и жизнь быть реальны и познаваемы иначе, чѣмъ какъ боль, если метафизическая сущность, имманентная какъ трансцендентная, реальна только какъ отчаяніе? Боясь этой страшной правды больше всего, человѣкъ создалъ миѳъ о счастіи, стремленіемъ и попыткой осуществленія этого миѳа онъ думаетъ избѣжать и укрыться отъ живыхъ терзаній страшной реальной дѣйствительности. Жалкими лохмотьями онъ старается прикрыть ненасытный вампиръ вѣчнаго трагизма отъ глазъ другихъ и при этомъ не замѣчаетъ, какъ ничтоженъ и жалокъ онъ—человѣкъ! Люди, молча и стыдясь другъ друга, заключили договоръ принимать эти жалкія лохмотья за дѣйствительныя реальныя цѣнности и вѣрить другъ другу во всѣми чувствуемый обманъ: великолѣпія общаго и частнаго благополучія, дѣйствительнаго и возможнаго счастья.

Человѣкъ раздвоился; міроощущеніемъ своимъ онъ воспринимаетъ всю ужасающую правду трагизма реальнаго міра, міровоззрѣніемъ же онъ заставляетъ себя увѣровать въ возможное счастье, въ побѣду вампира, освобожденіе отъ тяжести кошмара, возможное осуществленіе самимъ человѣкомъ созданнаго миѳа о счастіи, о вѣчномъ безоблачномъ покоѣ, о счастьи седьмого дня.

И такъ убогъ и смѣшонъ человѣкъ своей вѣрой въ „миѳъ счастья", что не замѣчаетъ, какъ иллюзія „счастья" еще глубже оттѣняетъ безвыходность реальной жизни и сильнѣе сгущаетъ общій фонъ живого, конкретнаго реальнаго отчаянія.

Всякій миѳъ, всякая иллюзія желаннаго, всякое „должное", которые противопоставляются реальному, дѣйствительному и сущему, указываютъ негодность, ненужность, боль, страхъ и трагизмъ „сущаго"; чѣмъ тяжелѣе, трагичнѣе и невыносимѣе живое, настоящее, реальное, сущее, тѣмъ глубже наша вѣра въ иллюзію лучшаго „должнаго". Выражается ли „должное" лучшаго будущаго въ Zukunftstaat'ѣ, или оно мыслится какъ потустороннее состояніе вѣчнаго блаженства, выражено ли оно въ какой-нибудь трансцендентной и объективной идеѣ, или въ субъективно-имманентномъ состояніи—оно всегда показываетъ одно—

сущее настоящее, — т. е. эмпирически воспринимаемый міръ страшенъ, безсмысленъ и до острой боли невыносимъ.

Существуетъ одна правда—правда-сущее. Эта правда реальна. Правда-справедливость, правда-должное не реальна. Актомъ превращенія изъ „должнаго“ въ „сущее“ въ моментъ своей реализаціи и осуществленія она перестаетъ существовать какъ правда-справедливость, т. е. „должное“, и становится „правдой-сущимъ“. Всякое „должное“ представляетъ собой одну иллюзію; желаніе, стремленіе, или „миѳъ“ является вѣчной антитезой „сущаго“, противопоставляется правдѣ реальнаго сущаго и является критеріемъ, показателемъ негодности, ненужности и трагичности „сущаго“. Былъ ли человѣкъ хотя разъ, одинъ единственный разъ, на протяженіи всей исторіи счастливъ и удовлетворенъ однимъ сущимъ, реальнымъ и непосредственно-даннымъ? Стоитъ обратиться къ исторіи культуры и исторіи религіи, къ исторіи человѣческой мысли и исторіи творчества, чтобы убѣдиться въ томъ, что настоящаго счастья человѣкъ никогда не зналъ и что „иллюзію счастья“ онъ видѣлъ въ одномъ „должномъ“, но не въ „сущемъ“. Уже у дикаря мы встрѣчаемъ попытку прервать со стихійностью, съ „сущимъ“ и замѣнить ихъ „должнымъ“, ибо, что представляетъ собой миѳологія, какъ не попытку замѣнить „сущее“ „должнымъ“, и чѣмъ являются даже первыя религіозныя представленія, какъ не желаніемъ оправдать стихійное, непосредственно-данное мiроощущеніе какимъ-либо міровоззрѣніемъ. Уже на первыхъ ступеняхъ исторіи стихійность не вынесла грубаго и тяжелаго напора „сознанія, критики и анализа“, укрылась въ глубокіе, непочатые тайники души, гдѣ она созерцаетъ голую и нагую душу сущности во всей своей нетронутой красѣ. Сознаніе же бьется, корчится въ судорогахъ всеизъѣдающаго и умерщвляющаго анализа, ищетъ выхода и оправданія своей безпомощности, противопоставляетъ „сущему“—должное, стихійному—иллюзію. Вѣчная борьба міровоззрѣній и идеаловъ, крушеніе однихъ и торжество другихъ сопровождаетъ человѣка на протяженіи всей исторіи, или, вѣрнѣе, съ тѣхъ поръ, какъ мы его знаемъ. Человѣка безъ религіозныхъ представленій мы почти не знаемъ, религія же есть вѣчная попытка такъ или иначе сосчитаться съ реально-воспринимаемымъ міромъ. Ея диллема — оправдать эмпирическую реальность и принять ее во имя какого-нибудь „должнаго“ или не принять міра, т. е. сущаго, опять-таки во имя „должнаго“. Безвыходность и трагизмъ „сущаго“ диктуютъ иллюзію „должнаго“, являющагося вѣчной антитезой „сущаго“, ибо никакой реальностью не обладаетъ. Лишь постольку „должное“ реально, поскольку оно своимъ существованіемъ увеличиваетъ и усугубляетъ боль, безвыходность сущаго. Рожденное въ мукахъ мірового трагизма,

„должное“ своимъ существованіемъ прибавляетъ еще слезу къ міровой скорби.

Реально одно „сущее“, реальны одинъ трагизмъ, безвыходность, терзанія, мученія и страданія, жизнь реальна и дѣйствительна, какъ безграничная, безбрежная и безконечная боль. Міръ реаленъ и дѣйствителенъ, какъ вѣчно ненасытимый вампиръ. Вотъ почему только тотъ познаетъ міръ и жизнь, кто позналъ весь ужасъ жизни. Только тотъ, кто проникся этимъ ужасомъ, познаетъ вѣчную тайну вѣчной загадки. Только тотъ, кто выпилъ чашу до дна, понимаетъ, что реальна чаша эта, понимаетъ, что миѳъ о счастіи есть иллюзія, ложь и самообманъ, и только тотъ, кто слился съ жизнью и міромъ и принялъ боль и слезу жизни, въ состояніи проникнуться безконечной жалостью ко всему живущему и „правдѣ-сущему“.

Конечно, мы иногда переживаемъ удовольствіе, наслажденіе, счастье, но всякое счастье въ концѣ концовъ усугубляетъ общій фонъ безвыходности, боли и трагизма. „Неожиданно съ дна каждаго источника наслажденій поднимается струя горечи“—говоритъ старинный поэтъ. Слава мимолетна, богатство и дружба шатки, любовь лишь обманъ, молодость, счастье и наслажденія—суета. „И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ, и вотъ все суета и томленіе духа и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ. Все произошло изъ праха и все возвратится въ прахъ“, говоритъ вѣчная мудрость вѣчной книги Экклезіаста.

Въ памятникахъ человѣческой мудрости мы всегда слышимъ этотъ грустный мотивъ безвыходности и отчаянія; не только восточные народы, способные къ созерцательной жизни, но жизнерадостные греки, когда начинали задумываться надъ жизнью, становились мрачны и пессимистичны. Гераклитъ и Эмпедоклъ, циники и стоики, были глубокими пессимистами. „Лучшій изъ жребіевъ на землѣ—это совсѣмъ не родиться“, говоритъ поэтъ въ Теогоніи (425—428 гг.), а въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: „Жизнь ухаживаетъ за нами и откармливаетъ насъ для смерти, какъ стадо свиней на убой“. Счастливый олимпіецъ и оптимистъ Гете писалъ въ 1824 году: „По существу въ моей жизни не было ничего, кромѣ горя и тяжести, и могу смѣло сказать, что въ теченіе моего долгаго существованія (ему было тогда 75 л.) у меня не было и четырехъ недѣль настоящаго счастья“.

Философія Нирваны, могущественная и мудрая, все больше и больше начинаетъ распространяться среди христіански-настроенныхъ народовъ, а само христіанство, развѣ оно не проникнуто сознаніемъ боли и страданія жизни и жаждой освобожденія? Болѣе правдивые и

лучшіе умы, будь они философы, поэты или творцы религій, всегда проникались трагизмомъ жизни и міра.

Интересно признаніе одного изъ лучшихъ современныхъ психологовъ Джемса: „Душевное здоровье, какъ теоретическое ученіе, отказывающееся удѣлить сколько-нибудь положительнаго и активнаго вниманія горю, страданіямъ и смерти, формально менѣе полно и завершено, чѣмъ тѣ системы, которыя стараются включить и эти элементы. Поэтому самыми полными религіозными системами являются тѣ, въ которыхъ лучше всего развиты пессимистическіе элементы“. (Многообразіе религіознаго опыта, 154).

II.

Реальность, правда (истина, достовѣрность и очевидность) и красота составляютъ три необходимыхъ категоріи проявленія и познанія бытія. Слышу упрекъ, который мнѣ, вѣроятно, сдѣлаютъ: Да вѣдь это чисто-психологическія свойства, но отнюдь не воспринимаемыхъ объектовъ. Совершенно вѣрно, но дѣло въ томъ, что внѣ этихъ категорій никакіе объекты не воспринимаются и не мыслятся. „Внѣ субъекта никакого объекта, но внѣ объекта никакого субъекта“,—необходимыя категоріи мышленія являются одновременно и необходимыми категоріями „бытія“.

Нереальность, ложь и безобразіе, строго говоря, вообще не существуютъ; онѣ суть только обратныя стороны реальности, правды и красоты, оттѣняютъ моментъ ихъ отсутствія и служатъ критеріемъ или масштабомъ. Всякая реальность содержитъ въ себѣ наличность правды фактомъ своего существованія, какъ въ свою очередь всякая правда реальна наличностью своей правды (отрицательная сторона правды—ложь есть своего рода также правда, въ данномъ случаѣ правдой будетъ сознаніе данной лжи).

Апріорная логическая необходимость, выражающаяся въ положеніяхъ чистой логики и математики, реальна аподиктичностью своей и категоріями своего познаванія. Всѣ сужденія истинны лишь постольку, поскольку они согласованы съ мышленіемъ и опытомъ, потому что правда-истина совпадаетъ съ метафизической реальностью. Сужденія, идущія въ разрѣзъ съ опытомъ и мышленіемъ, ложны потому, что они идутъ въ разрѣзъ съ метафизической реальностью. Дѣйствительная сущность эмпирической реальности есть одновременно реальная метафизическая правда. Реальность и правда въ метафизическомъ смыслѣ тождественны; мы познаемъ ихъ тождество эмпирически — опытнымъ путемъ и интуитивно. Только правда можетъ быть реальна, ложь реальна только какъ отсутствіе реальной правды. Дѣйствительная реаль-

ность является одновременно съ правдой, т. е. проявляется и познается категоріей правды. Правда же и красота тождественны. Всякая правда красива и всякая красота правдива. Реальность правды красива своей правдой, своей сущностью. Всякая сущность познается категоріей красоты, если только мы въ состояніи проникнуться формой проявленія сущности.

Въ метафизической сущности существуетъ единая и нераздѣльная красота. Распадъ на красоту и безобразіе выступаетъ лишь при проявленіяхъ сущности, т. е. въ предѣлахъ эмпирической реальности. Способъ проявленія красоты—форма. Нагляднѣе всего мы это видимъ въ искусствѣ. Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что самое незначительное, некрасивое, безобразное и безразличное явленіе въ рукахъ художника становится небезразличнымъ, приковываетъ къ себѣ наше вниманіе и вызываетъ у насъ чувство красоты? Чѣмъ объяснить то, что, когда смотришь на мелкій ручеекъ, вокругъ котораго копошатся домашнія животныя, или когда встрѣчаешь грязную нищенку во вьюгу и непогоду, просящую милостыню, чувства эстетической красоты при этомъ никакого не испытываешь, а когда смотришь на такую картину, но нарисованную кистью художника, испытываешь чувство красоты? Чѣмъ объяснить то, что, когда присутствуешь при мелкихъ или крупныхъ семейныхъ дрязгахъ, переживаешь одно чувство омерзѣнія, а когда читаешь объ этихъ же дрязгахъ у талантливаго бытописателя, наслаждаешься формой красоты? Чѣмъ объяснить то, что въ жизни только очень ограниченный кругъ явленій въ состояніи вызвать у насъ чувство красоты, а въ искусствѣ всякое явленіе красиво? Даже то красивое, которое мы находимъ въ жизни, мы имъ тоже сплошь да рядомъ обязаны искусству, которое научаетъ насъ отыскать красоту. Искусство обращаетъ наше вниманіе на многія явленія, которыя мы потомъ, встрѣчая въ жизни, начинаемъ находить красивыми. Искусство воспитываетъ и вызываетъ наше эстетическое чувство, находящееся гдѣ-то въ глубокихъ тайникахъ души, какъ бы въ состояніи одной потенціальности и возможности. Художникъ или искусство превращаетъ эту потенціальную силу души въ активную. Чѣмъ отличается искусство отъ жизни и какъ назвать ту магическую силу, которой обладаетъ художникъ, благодаря которой онъ всѣ явленія показываетъ въ проявленіи красоты?

Магическая сила вѣчнаго кудесника, мага, ясновидца, пророка-творца художника заключается въ его умѣніи проникнуть въ бездну невѣдомаго, невидимаго и недоступнаго обыкновенному глазу. Художникъ видитъ „вещи въ себѣ“, созерцаетъ явленія въ ихъ метафизической сущности внѣ времени и пространства, внѣ случайныхъ условно-

стей; онъ проникаетъ въ нагую душу мистической подлинности и метафизической реальности. Когда художникъ передаетъ намъ свое ясновидѣніе, то онъ возсоздаетъ реальное бытіе въ своей метафизической сущности. Только нѣкоторымъ избранникамъ дано созерцать голую душу подлинности явленій, проникнуть въ бездну реальнаго бытія, реальной правды и увидѣть во всей правдѣ правдивую красоту. Возсозданіемъ реальной сущности кудесникъ-творецъ превращаетъ все въ красоту, ибо онъ всѣ явленія созерцаетъ и живописуетъ въ ихъ метафизической сущности.

Реальность, правда и красота, такимъ образомъ, въ метафизической подлинности едины, нераздѣльны и тождественны. Реальная сущность правдива и красива, эмпирическая реальность обладаетъ правдой и красотой лишь постольку, поскольку мы ее познаемъ въ ея мистической подлинности, и лишь постольку она реальна, поскольку она выражаетъ собой явленіе и часть метафизической реальной сущности. Какъ часть ея, она обладаетъ и тождественна съ реальностью, правдой и красотой. Если же мы познаемъ явленія отдѣльно отъ ихъ сущности, тогда мы познаемъ не реальность, ибо она не сущность, а принимаемъ миражъ за дѣйствительность.

Миражъ и ложь тождественны. Ложь по существу своему не реальна, въ метафизической абсолютной реальности участія не принимаетъ (ложь, какъ упомянуто выше, есть только обратная сторона правды, самостоятельной цѣнностью не обладаетъ). Поэтому ложь безобразна. Нереальность, ложь и безобразіе тождественны, какъ обратная сторона тождества реальности, правды и красоты.

Реальность эмпирическаго міра есть боль. Будучи отпаденіемъ отъ Бога, міръ реаленъ, какъ отчаяніе и какъ неизсякаемая слеза. Жизнь реализуется какъ страданіе и ненасытный вампиръ. Правда заключается въ познаніи боли, отчаянія и трагизма міра. Красота— въ проявленіи и проникновеніи міровымъ трагизмомъ. Тождество основныхъ трехъ категорій совпадаетъ такимъ образомъ въ единствѣ мірового отчаянія.

Если правда выражается въ познаніи міровой боли, ибо она является ея сущностью и реальностью, то красота проявляется проникновеніемъ этой же болью и отчаяніемъ самой реальности.

Проникшись безвыходностью и трагизмомъ жизни, человѣкъ отказывается, добровольно отказывается отъ погони за пріятностью, наслажденіемъ и счастіемъ. Такимъ мизернымъ, ничтожнымъ, а главное ложнымъ, безобразнымъ и нереальнымъ познаешь его, что проникаешься къ нему глубокой жалостью, ибо чувствуешь всю ложь его и ясно сознаешь всю его иллюзорность.

Страхъ передъ болью жизни и міра, создавшій иллюзію „счастья", долженъ по существу своему искать этой иллюзіи въ плоскости нереальнаго, въ предѣлахъ миража и лжи. Человѣкъ переноситъ центръ тяжести въ плоскость „обладанія предметами". Въ ихъ умноженіи и увеличеніи онъ видитъ иллюзію, радость и счастье обладанія. Человѣкъ превращается въ раба своей иллюзіи и до того подпадаетъ подъ власть предметовъ „предметнаго міра", что внѣ нихъ не признаетъ никакой реальности и отождествляетъ „жизнь" съ „предметнымъ міромъ" и „предметный міръ" съ „жизнью".

Властью „предметовъ предметнаго міра" человѣкъ думаетъ избѣжать острой боли міра. Иллюзіей радости, ихъ обладаніемъ укрыться отъ живыхъ терзаній вѣчнаго вампира—настоящей реальной живой жизни.

Человѣкъ создалъ власть предметовъ, сотворилъ иллюзію ихъ радости и, какъ всякій рабъ, боготворитъ ихъ, благодаря безвыходному отчаянію и трагизму самой жизни. Двигателемъ, создателемъ и творцомъ въ данномъ случаѣ, какъ повсюду, являются страданіе и трагизмъ реальной сущности.

Трагизмъ и творчество—основные аттрибуты „сущности явленій", трагизмъ и ведетъ къ творчеству.

Метафизическая сущность выходитъ изъ состоянія „негативнаго начала", переходитъ къ творчеству, продуцируетъ эмпирическую реальность, вознаграждающую ее иллюзіей радости, счастьемъ творчества, облегчающую трагизмъ основного метафизическаго противорѣчія.

III.

Въ предѣлахъ же „эмпирической реальности" мы можемъ эмпирическимъ опытнымъ путемъ познать творческую силу трагизма. Къ какой области ни обратимся, мы повсюду убѣдимся, что главной осью и двигателемъ всякаго творчества являются: неудовлетворенность, страданіе и трагизмъ.

Первые проблески культуры и цивилизаціи, равно какъ первыя техническія открытія, возникаютъ благодаря необходимости защиты, борьбы и улучшенія своего положенія. Цивилизація впервые нарождается въ странахъ, въ которыхъ выпадаетъ снѣгъ, гдѣ приходится запасаться жизненными продуктами на время зимы. Неудовлетворенность, необходимость защищаться, или, иными словами, безвыходность положенія, страданіе стали искать выхода. Руководимый нуждой, первобытный человѣкъ начинаетъ творить. Онъ прибѣгаетъ къ творчеству разныхъ техническихъ открытій, долженствовавшихъ облегчать его

существованіе. Нѣтъ надобности иллюстрировать творческую силу трагизма исключительно первобытной техникой. Если мы обратимся къ современной техникѣ или къ техникѣ вообще, внѣ времени и пространства, мы опять-таки убѣдимся, что главнымъ двигателемъ ея совершенствованія являются: неудовлетворенность, нужда и необходимость улучшенія. Всякая техника развивается благодаря нуждѣ условій производства и необходимости въ ней. Обратившись въ область науки,мы увидимъ то же самое: какъ въ области техники, такъ и въ области науки осью творчества и главнымъ двигателемъ ея развитія является попытка и исканіе человѣкомъ улучшенія своего положенія. Медицина существуетъ благодаря болѣзнямъ и смерти, физическія и біологическія науки обязаны своимъ существованіемъ той выгодѣ и пользѣ, которыя онѣ принссятъ намъ въ нашей борьбѣ съ окружающей природой. Борьба же—главный показатель неудовлетворенности, страданія и исканія улучшенія. Также въ области соціальныхъ отношеній мы можемъ констатировать, что улучшенія соціальнаго, экономическаго, правового и политическаго характера обязаны нуждѣ и неудовлетворенности настоящимъ положеніемъ вещей. Безвыходность сложившихся историческихъ условій, отчаявшись, прибѣгаетъ къ революціи. Революція же творитъ, или по крайней мѣрѣ имѣетъ своей конечной цѣлью, небывалыя чудеса улучшенія экономическаго и соціальнаго положенія. Оппозиція всегда понимала и умѣла пользоваться психологіей нужды и страданія.

Въ формулѣ: „чѣмъ хуже—тѣмъ лучше“ выражена глубокая историческая и психологическая правда. Эту правду высказалъ еще философъ творчества Гераклитъ, когда онъ говоритъ: „борьба и война являются отцомъ и королемъ всего живущаго“. И въ самомъ дѣлѣ! Развѣ механизмъ міра не представляетъ собой арену безпрестанной борьбы такъ-называемыхъ силъ природы? И въ механикѣ, и въ химіи, и въ физикѣ, и въ біологіи, въ механизмѣ „психологіи“, какъ въ механизмѣ соціальной жизни“, мы встрѣчаемъ одинъ и тотъ же законъ борьбы и творчества.

Творчество истинно-культурныхъ цѣнностей, выраженныхъ въ религіи, философіи и искусствѣ, также обязано страданію, раздвоенности человѣческой души и трагизму жизни. Въ примитивныхъ формахъ религіи, какъ фетишизмъ, тотемизмъ и другіе,—моменты страданія, страхъ, боязнь, растерянность, безпомощность и т. д. проявляются довольно наглядно. Я этимъ не хочу низводить и умалять цѣнность религіи. Насчетъ происхожденія религіи существуетъ множество школъ и мнѣній. Но каково бы ни было ея происхожденіе, цѣнность и значеніе ея отъ этого не умаляются. Наличности же „страданія“ въ религіи за

рѣдкими исключеніями признаютъ почти всѣ. Въ высшей степени цѣненъ взглядъ Джемса на этотъ счетъ: „Есть ли во всѣхъ противорѣчащихъ другъ другу религіозныхъ убѣжденіяхъ нѣкое общее ядро, на которомъ всѣ они единодушно сходятся, и, во вторыхъ, можемъ ли мы признать это ядро истиннымъ?

„Я начну съ перваго вопроса и безъ колебанія дамъ на него утвердительный отвѣтъ. Боги и вѣроученія различныхъ религій, конечно, противорѣчатъ другъ другу, но существуетъ однообразное явленіе, общее всѣмъ религіямъ: это *душевное освобожденіе* [1]).

„Оно складывается изъ двухъ частей:

1. Душевное *страданіе* [2]).

2. Освобожденіе отъ него.

1) Страданіе, сведенное къ простѣйшей своей формѣ, состоитъ въ чувствѣ, что со мной, каковъ я есмъ теперь, происходитъ что-то дурное.

2) Освобожденіе состоитъ въ чувствѣ, что я спасенъ отъ зла, благодаря пріобщенію къ высшимъ силамъ, „и дальше“ мнѣ кажется, что всѣ разсмотрѣнныя нами явленія могутъ быть вполнѣ точно описаны въ этихъ очень простыхъ и общихъ терминахъ. Они допускаютъ *раздвоеніе* личности и внутреннюю борьбу [3]), обнимаютъ собой перемѣщеніе центра духовной энергіи и низверженіе низшаго „я“, они выражаютъ чувство внѣшняго происхожденія спасительной силы и чувство общенія съ ней: въ этихъ терминахъ становится понятнымъ появленіе чувства радости и довѣрія къ міру.

„Среди всѣхъ приведенныхъ мною въ этихъ лекціяхъ автобіографическихъ документовъ навѣрное не найдется ни одного, къ которому нельзя было бы вполнѣ приложить этого описанія. Достаточно добавить къ послѣднему специфическія подробности, присущія конкретному вѣроученію и личному темпераменту, и мы получимъ воспроизведеніе религіознаго опыта въ его индивидуальной формѣ“. Джемсъ. Многообр. религіознаго опыта, стр. 497—99.

Роль, которую играютъ во всѣхъ религіяхъ понятія: грѣховность міра, искушеніе, очищеніе и освобожденіе, слишкомъ хорошо извѣстна, и нѣтъ надобности остановиться на ней подробнѣе. Чтобы укрыться отъ ужаса реально-эмпирическаго міра человѣкъ прибѣгаетъ къ трансцендентному міру, надѣясь имъ спастись отъ кошмара и неудачи имманентнаго или реальнаго міра. Оправдать грѣховность отпавшаго отъ Бога міра — сущность всякой религіи. Она хочетъ сосчитаться и оправдать безсмыслицу, отчаяніе и великую боль эмпирически-воспри-

---

[1]) Курсивъ автора.

[2]) Курсивъ мой.

[3]) Курсивъ мой.

нимаемаго міра. Вѣчное исканіе общенія съ самодовлѣющей, высшей и абсолютной цѣнностью, которая оправдала бы великую и неизсякаемую слезу міра, которая примирила бы сознаніе съ эмпирической реальностью и искупила бы грѣховность отпаденія отъ Абсолюта является альфой и омегой всякой религіи. Убѣдившись въ тщетности найти оправданіе великой безсмыслицѣ, великому безобразію и великой неудачѣ въ предѣлахъ „эмпирическаго", человѣкъ обращается къ сверхчувственному, сверхэмпирическому, надѣясь тамъ найти осмысленіе и оправданіе всѣмъ нелѣпостямъ и никому ненужнымъ терзаніямъ. Вѣчное исканіе оправдывающаго и осмысляющаго „нѣчто" является и виновникомъ философіи и искусства. На разные лады человѣкъ пытается найти это „нѣчто", разными путями онъ старается отыскать ту цѣнность, которая примирила бы его съ ужасомъ и кошмаромъ эмпирической реальности, онъ хочетъ понять самый ужасъ и самую боль, онъ ошеломленъ, растерянъ, подавленъ тяжестью факта жизни и ищетъ выхода, смысла, оправданія.

Мыслью человѣкъ пытается понять міръ и становится философомъ, сердцемъ и душой—оправдать міръ и становится творцомъ религіозныхъ цѣнностей. А искусство? Развѣ оно не ищетъ оправданія красотой великой боли и великаго безобразія эмпирической реальности? Развѣ искусство своимъ созерцаніемъ и возсозданіемъ „вещей въ себѣ" внѣ условностей и случайностей эмпирическаго міра, этимъ самымъ не подчеркиваетъ всего безобразія и вопля „фактовъ" и явленій, прикованныхъ и возможныхъ лишь въ предѣлахъ эмпирическаго. А это вѣдь значитъ вся жизнь, весь реальный міръ! Искусство хочетъ оправдать безобразіе реальнаго міра красотой метафизической сущности, хочетъ понять и осмыслить боль и слезу міра, какъ религія и философія, только инымъ путемъ, инымъ способомъ. Ищутъ, мучительно ищутъ оправданія и смысла жизни всѣмъ существомъ и мироощущеніемъ своимъ; воспринимая всю правду ужаса, кошмара и боли жизни, человѣкъ старается міровоззрѣніемъ своимъ примирить, осмыслить и оправдать ихъ страхъ передъ воплемъ отчаянія; убѣдившись въ безсиліи цивилизаціи и всякой техники побѣдить слезу міра, направляетъ свои исканія къ трансцендентному „нѣчто", внѣ эмпирической жизни лежащему. Жизнь тяжела — говорятъ одни — потому, что мы не умѣемъ устраивать ее и пользоваться ею; пусть только перемѣнятся соціальныя условія и жизнь станетъ свѣтла, легка и пріятна. Въ Zukunftstaat'ѣ человѣкъ будетъ знать одно свѣтлое, безпрерывное и вѣчное счастье. Изъ исторіи мы знаемъ немало такихъ примѣровъ, когда ожидали магическаго слова исцѣленія отъ перемѣны соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ условій. Условія дѣйствительно мѣнялись, а... ожидаемое счастье и всеобщее

благо не наступали. Человѣкъ очень скоро притупляется, приспособляется ко всему новому, манящему его своей далью, и остается попрежнему искать оправданія неизсякаемой слезы вѣчнаго мірового отчаянія. Раздвоенность человѣческой души никогда не позволитъ ему погрязть и всецѣло удовлетвориться „обыденностью", какъ хороша и благоустроена съ виду она ни была бы. Разладъ и двойственность человѣческой души всегда покажутъ ему разладъ, двойственность и трагизмъ міра.

И развѣ въ состояніи хотя бы самая глубокая вѣра въ счастье Zukunftstaat'а оправдать весь ужасъ, горе, боль, безсмыслицу и нелѣпость „настоящаго", непосредственной живой дѣйствительности?

Живая боль и живое горе ни на іоту не перестаютъ быть болью, горемъ изъ-за того, что когда-то кому-то, предположимъ, будетъ лучше. Оправдать и осмыслить несчастье „настоящаго" великолѣпіемъ „будущаго" такъ же невозможно, какъ оправдать всю пролитую кровь и всѣ терзанія прошлаго настоящимъ благополучіемъ, если даже таковое имѣлось бы. Энтузіазмъ и глубокая вѣра въ необходимость и справедливость Zukunftstaat'а заставляютъ иногда забыть неудавшееся настоящее, и часто воодушевляютъ на героическую смерть во имя этого лучшаго будущаго, но осмыслить „настоящую неудачу" не могутъ. Когда чуткіе къ неправдѣ и безобразію жизни люди жертвуютъ и возвращаютъ свою жизнь обратно во имя „этого будущаго", они этимъ только подтверждаютъ, что живая жизнь, живое „настоящее" — кошмаръ, нелѣпость, вампиръ и одно недоразумѣніе.

Они, эти правдивые и честные, но не достаточно глубоко проникнутые отчаяніемъ и трагизмомъ жизни, подъ предлогомъ манящей дали, красоты всеобщаго великолѣпія и счастья будущаго, пока что возвращаютъ жизнь, прерываютъ и уходятъ отъ безобразія и нелѣпостей живой жизни, не будучи въ состояніи перенести ее.

Въ подобныхъ случаяхъ не спрашиваютъ о смыслѣ.

Иначе обстоитъ дѣло, когда рѣчь идетъ о смыслѣ, когда хочешь настоящую безсмыслицу осмыслить „будущимъ великолѣпіемъ". Развѣ самое заманчивое будущее въ состояніи оправдать всю пролитую кровь прошедшаго и всѣ живыя терзанія настоящаго?

Никакимъ трансцендентно-объективнымъ смысломъ исторія не въ состояніи осмыслить всю свою имманентную безсмыслицу. Но можетъ быть правы субъективисты своей попыткой осмыслить объективную безсмыслицу субъективно-имманентнымъ смысломъ? Разнообразіе, богатство и яркость внутреннихъ переживаній, вотъ въ какой плоскости надо искать самодовлѣющую цѣль и смыслъ жизни! Но гдѣ субъективисты въ пылу увлеченія не замѣчаютъ, какъ сами себя опровергаютъ,

фактомъ исканія смысла жизни они доказываютъ, что одни субъективныя состоянія и переживанія не достаточны. Всякая непосредственная стихійность самодовлѣюща и въ оправданіи и осмысленіи не нуждается, будучи самоцѣлью и самосмысломъ.

Фактъ страстнаго исканія человѣкомъ „смысла“ достаточно ясно говоритъ за то, что одни внутреннія переживанія не въ состояніи оправдать и осмыслить „объективную безсмыслицу“. Чего ради человѣкъ ушелъ отъ стихійности и создалъ культуру? Чего ради онъ раздвоился на міровоззрѣніе и міроощущеніе? На Бого-человѣка и человѣка-Бога? Вернуться къ стихійности? Но возможно ли это? Можно ли вычеркнуть всю исторію? Можно ли забыть о существованіи міровоззрѣнія, всѣхъ міровоззрѣній?

Человѣкъ пытается осмыслить свое субъективное „я“, какъ часть объективной жизни, объективный же міръ оправдать, какъ часть субъективнаго „я“, потому что субъективное „я“ и объективный міръ тождественны. Внѣ психическаго субъективнаго „я“ нѣтъ объективнаго міра, какъ внѣ физическаго объективнаго міра нѣтъ мѣста психическому субъективному „я“. Субъектъ мыслитъ содержаніе своего „я“ внѣ „я“ и называетъ его внѣшнимъ, объективнымъ, міромъ, тѣломъ и т. д. Точно такъ же субъектъ дифференцируетъ, выдѣляетъ и познаетъ свое „я“ лишь процессомъ оріентировки и познаванія внѣшняго міра. Т. н. внѣшній, объективный міръ, хотя самъ по себѣ возможный лишь какъ представленіе и переживаніе субъективнаго „я“, однако, мыслится субъектомъ, какъ самостоятельный, реальный, внѣшній и объективный.

Вотъ почему, ища оправданія и смысла жизни, человѣкъ не удовлетворяется имманентно-субъективнымъ состояніемъ, а ищетъ объективнаго оправданія реально-объективнаго міра.

Попытка оправдать слезу и боль жизни какой-нибудь цѣнностью, внѣ самой боли-жизни лежащей, будь она трансцендетно-объективнаго или имманентно-субъективнаго характера, не удалась потому, что внѣ боли и трагизма никакой реальной цѣнности нѣтъ.

Никакой миѳъ и иллюзія не въ состояніи оправдать реальную боль реальной жизни. Жизнь же реальна, какъ отчаяніе и только отчаяніе реально. Правъ Нитше, когда ему смѣшонъ человѣкъ, старающійся отыскать цѣнность, превосходящую цѣнность реальнаго міра. Развѣ всѣ цѣнности, созданныя трагизмомъ міра и болью жизни: цивилизація, техника, наука, философія и искусство, побѣдили боль и оправдали трагизмъ міра? Пусть отвѣтитъ исторія, пусть заговоритъ сама правда, пусть признается человѣкъ самому себѣ въ глубокихъ тайникахъ своей души, безъ фразъ, безъ мантій и безъ покрываль, и мы услышимъ вопль отчаянія, крики истерзанныхъ душъ и измученныхъ сердецъ.

Никакія цѣнности не могутъ оправдать боль и страданіе реальнаго міра, ибо внѣ боли реальности нѣтъ. Реальны одни страданія и боль, оправдать ихъ чѣмъ-нибудь нереальнымъ мы не можемъ.

IV.

Шопенгауэръ очень вѣрно понялъ, что жизнь и міръ суть сплошная боль и безпрерывное страданіе, но его пессимизмъ чисто эйдомонистическій. Шопенгауэръ не принимаетъ міра потому, что въ немъ преобладаетъ страданіе. На отсутствіи наслажденія и преобладаніи страданія зиждется пессимизмъ какъ Шопенгауэра, такъ и Гартмана, но ни тотъ, ни другой не доказали вѣрности основныхъ своихъ предпосылокъ:

1. Чѣмъ наслажденіе цѣннѣе, метафизически, а не біологически, страданія?

2. Почему только страданіе должно быть оправдано наслажденіемъ, а не наоборотъ.

3. И реально ли наслажденіе, не психологически, а какъ культурно-религіозная цѣнность?

Если счастьѳ есть миѳъ, иллюзія и только, если реальны одни страданія, боль и трагизмъ, если страданія творятъ всѣ цѣнности, то не правъ Шопенгауэръ, не принявъ міра, т. е. метафизическаго трагизма, во имя нереальнаго и иллюзорнаго „наслажденія", и не правы всѣ, которые ищутъ и хотятъ оправдать единственно-реальное, т. е. боль міра, иллюзіями радости, наслажденія и счастья.

Если трагизмъ міра можетъ быть оправданъ, то только собственной цѣнностью. Нитше это глубоко понялъ, „Amor fati, пусть это будетъ отнынѣ любовь моя, не хочу воевать съ безобразіемъ"—означаетъ глубокое проникновеніе и пониманіе, что кромѣ боли и страданія ничто не цѣнно и не реально.

Понявъ всю безвыходность и отчаяніе міра, человѣкъ проникается глубокой жалостью ко всему живущему и правдѣ-сущему и понимаетъ, что оправданія боли и трагизма нѣтъ и быть не можетъ. Можно принять или не принять міра, но нельзя оправдать его.

Принять міръ означаетъ принять всю боль и всю слезу міра; принять міръ значитъ отказаться отъ исканій наслажденій, отъ миѳа о счастіи, отъ погони за иллюзіями радости предметнаго міра, освободиться изъ-подъ власти „предметовъ", отъ счастья ихъ обладанія и страха ихъ потери, ибо никакое обладаніе „предметами предметнаго міра" не въ состояніи побѣдить боль жизни и отчаяніе міра. Проникаешься жалостью къ самымъ иллюзіямъ „исканія счастья", ибо ясно чувствуешь и сознаешь всю ихъ иллюзорность и безпомощность.

Не принявъ міра, т. е. боли и страданія его, человѣкъ противопоставляетъ „трагизму жизни“ иллюзію „счастья“, „боли міра“—„радость предметнаго міра“. Противопоставляя реальности, т. е. трагизму—иллюзію, миражъ исканія наслажденій, человѣкъ этимъ самымъ противопоставляетъ правдѣ—ложь, красотѣ—безобразіе. Ибо реальность, правда и красота тождественны, какъ въ свою очередь тождественны ложь, безобразіе и нереальность. Ложь и миражъ ведутъ къ безобразію. Вотъ почему погоня за наслажденіями ведетъ къ пошлости; Пошлость же безобразна. Чѣмъ больше человѣкъ попадаетъ подъ власть предметовъ, тѣмъ глубже погружается онъ въ безобразную пошлость. Красивыя и правдивыя души, освободившись изъ-подъ власти предметовъ, этимъ самымъ освобождаются изъ-подъ власти пошлости и безобразія. Въ молодости люди благороднѣе, красивѣе душой, такъ какъ они не успѣли еще погрузиться, попасть подъ власть предметовъ „предметнаго міра“; молодость благородна. Освободившись отъ власти предметнаго міра и всѣхъ связанныхъ съ нимъ иллюзій, проникшись правдой отчаянія и трагизма міра, человѣкъ смиряется и принимаетъ міръ, принимаетъ всю его боль и трагизмъ не отчасти и не съ отвращеніемъ, а принимаетъ его цѣликомъ съ раскрытой душой; святые принимали міръ всецѣло не рабски, чтобы признать его и повиноваться его законамъ, а покорно съ восторженной ясностью духа, они отрекались отъ всякаго выбора, всякаго желанія и предавали себя и весь міръ въ руки Предвѣчнаго. Въ совершенной свободѣ горячей любви къ Богу святые преодолѣвали самыя острыя болѣзненныя состоянія и побѣждали страданіе. Какъ чисто психологическое состояніе, жалость объединяетъ человѣка съ всей правдой сущаго, сливаетъ его, какъ разрозненную и отпавшую отъ „едино-недѣлимаго“ часть, съ универсальнымъ космосомъ. Проникшись глубокой жалостью къ всему живущему, человѣкъ этимъ самымъ освобождается изъ-подъ рамокъ своего узкаго, личнаго, мертвящаго психологизма, перестаетъ топтаться на одномъ мѣстѣ „своихъ переживаній“, „своихъ радостей и горестей“, своихъ „неудачъ и страданій“, а сливается съ душой универсальнаго космоса и этимъ побѣждаетъ оторванность и распадъ Бога и міра, органически сливается съ мистической и наиреальнѣйшей сущностью своей, съ единымъ и недѣлимымъ Абсолютомъ, въ которомъ нѣтъ мѣста ни „да“, ни „нѣтъ“, ни логикѣ ни физикѣ, ни правдѣ ни лжи, ни красотѣ ни безобразію, ни наслажденію ни страданію, а есть вѣчная свобода, правдивая и свѣтлая радость единой недѣлимой и наиреальнѣйшей Реальности.

Д-ръ **И. Розенфельдъ.**

Дѣтскіе годы В. М. Гаршина. С. Н. Дурылина. Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества № 168. Москва. 1910 г. Цѣна 20 к.

Біографическій очеркъ С. Н. Дурылина въ теплыхъ краскахъ рисуетъ обликъ В. М. Гаршина, какъ одного изъ самыхъ правдивыхъ писателей, который писалъ о томъ, какое счастье служить людямъ („Сигналъ") и, наоборотъ, какъ мучительно жить безъ любви, любя только одного себя („Ночь"). За всю свою жизнь В. М. Гаршинъ ни о комъ не сказалъ худого слова, въ каждомъ умѣлъ находить что-нибудь хорошее и, относясь строго къ самому себѣ и мягко къ другимъ, примѣромъ своей жизни осуществилъ завѣтъ Учителей Человѣчества.

Неизбѣжный переворотъ. Л. Н. Толстого. Изданіе „Посредника" № 765. Цѣна 10 к.

Есть много старыхъ, забытыхъ словъ, которыя необходимо возможно чаще повторять людямъ. Къ числу ихъ принадлежатъ слова о необходимости переустроить совмѣстную жизнь людей на принципахъ любви, а не насилія. Этому вопросу посвящена брошюра Л. Н. Толстого, напоминающаго людямъ, что работа по такому переустройству должна начинаться прежде всего въ сердцѣ каждаго отдѣльнаго человѣка. Желательно широкое распространеніе этой брошюры.

Галліева комета. Дм. Ройтманъ. Книгоиздательство „Цѣнность жизни". Спб. 1910 г. Цѣна 10 к.

Брошюра направлена противъ „ученыхъ" популяризаторовъ и другихъ просвѣтителей „суевѣрнаго народа" и стремится показать, что предстоящее появленіе Галліевой кометы не грозитъ земному человѣчеству никакими бѣдствіями. Непріятенъ полемическій тонъ брошюры.

Нирвана. Обработано по д-ру Карусу **Е. Якобъ-Гавриловой.** Спб. 1909 г. 32 стр. Цѣна не указана.

Эта повѣсть изъ области буддійской психологіи даетъ много глубокихъ темъ для размышленія.

Мадзазнанъ или ученіе Заратустры о питаніи, дыханіи и концентраціи мысли. **В. В. Семенчиковъ.** Изд. Спб. Вегетаріанскаго общества. Спб. 1910 г. Цѣна 20 к.

Все, что касается питанія, содержитъ въ себѣ цѣнныя указанія. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о той части брошюры, которая даетъ практическія указанія для упражненія въ дыханіи, такъ какъ упражненія эти, примѣняемыя безъ опытнаго руководительства, могутъ быть источникомъ серьезнаго разстройства нервной системы.

Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе. К. Икскуль. (Троицкій Цвѣтокъ, № 58). Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1909 г. Цѣна 15 к.

Описываемый случай можетъ представляться невѣроятнымъ только для тѣхъ, кто не признаетъ отдѣльнаго отъ тѣла существованія Души.

Душа, повидимому *самовольно* оставившая свое тѣло, должна была, послѣ полученныхъ ею въ духовной сферѣ указаній, вновь вернуться въ свое временное жилище и оживить физическую оболочку. Между моментомъ смерти и воскрешенія прошло 36 часовъ.

Ощущенія и впечатлѣнія, испытанныя за это время духовнымъ сознаніемъ, вполнѣ совпадаютъ съ ученіемъ Теософіи.

Повѣсть разсказана живо и очень интересно.

Изданіе этой брошюры духовнымъ журналомъ и разрѣшеніе ея къ печати духовною цензурою можно только привѣтствовать.

Книги, поступившія въ Редакцію для отзыва.

1. Цивилизація, ея причина и излеченіе. Эд. Карпентеръ. Изд. И. Ф. Наживина. 1906 г. Цѣна 80 к.
2. Умственный и ручной трудъ. П. А. Кропоткинъ, пер. съ англійскаго А. Н. Коншинъ. Москва. 1910 г. Цѣна 12 к.
3. Внутренняя миссія, ея работа и рабочія силы. Ѳ. Шефера. Сергіевъ-Посадъ. 1909 г. Цѣна 1 р.
4. Извозчикъ. Подъ Рождество (два разсказа). П. Хлѣбникова. Библіотека И. Горбунова-Посадова. Москва. Цѣна 25 к.
5. Мой отецъ. Библіотека И. Горбунова-Посадова, № 67. Москва. 1910 г. Цѣна 80 к.

6. Безъ отца, безъ матери. Разсказъ I. Спири. Пер. съ нѣмецкаго Е. К. Библіотека И. Горбунова-Посадова. Москва. 1910 г. Цѣна 45 к.
7. Герои морскихъ береговъ. Повѣсть О. Хорнъ. Пер. съ нѣмецкаго Караваевыхъ. Библіотека И. Горбунова-Посадова. Москва. 1910 г. Цѣна 90 к.
8. Первыя снѣжинки. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста, съ рисунками. Библіотека И. Горбунова-Посадова. Москва. 1910 г. Цѣна 50 к.
9. Обидѣли. Разсказъ А. Хирьякова. Страничка изъ жизни моего пріятеля Мишки Топтыгина. Разсказъ Вл. Ярополова. Библіотека И. Горбунова-Посадова. Москва. 1910 г. Цѣна 20 к.
10. Наши звѣрьки. Разсказъ Е. Горбуновой (для дѣтей). Библіотека И. Горбунова-Посадова. Москва. 1910 г. Цѣна 65 к.
11. Безстрашная дѣва или смерть за вѣру. Повѣсть. Пер. съ англійскаго О. К. Изданіе „Посредника“ № 226. Москва. 1910 г. Цѣна 9 к.
12. Θеософія. Рудольфъ Штейнеръ. Пер. съ нѣмецкаго А. Р. Минцловой. Спб. 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к. (Отзывъ данъ выше, на стр. 57).

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**